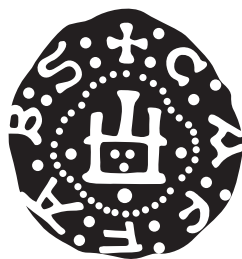

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

THE GENOESE GAZARIA
AND THE GOLDEN HORDE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Том 2

Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова

*Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова*

Казань — Кишинев

2019

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV,
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

**THE GENOESE
GAZARIA**
and
**THE GOLDEN
HORDE**

Volume 2

In memory of German Fyodorov-Davydov

*Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov*

Kazan — Kishinev

2019

Printed by decision of the Academic Council
of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Tatarstan Academy of Sciences

Edited by:

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:

Doctor of Historical Sciences **Ildus K. Zagidullin**,
Head of the Sector of Modern History,
Institute of History named after Sh. Mardjani,
Tatarstan Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor **Anatoliy R. Kantorovich**,
Head of the Chair of Archaeology,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Doctor of Historical Sciences **Vadim V. Trepavlov**,
Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations,
leading research fellow of the Institute for the Russian History,
Russian Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences **Rustam M. Shukurov**,
Associate Professor of the Chair of Medieval History,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Памяти
Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова
(1931—2000)

In memory of
German Fyodorov-Davydov
(1931—2000)

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов (Казань, Россия). Предисловие 15

СИБИРЬ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Н. Г. Артемьева (Владивосток, Россия). Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся. 21

Е. И. Гельман (Владивосток, Россия). Очерки истории селадонов 33

О. В. Дьякова (Владивосток, Россия). Позднесредневековые памятники Приморья. 53

А. В. Харинский (Иркутск, Россия), М. П. Рыкун (Томск, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты. 69

Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева (Владивосток, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), С. Д. Прокопец (Владивосток, Россия), А. В. Харинский (Иркутск, Россия). Раскопки Хирхиринского городища в Юго-Восточном Забайкалье 107

П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка (Красноярск, Россия). Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье 131

С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов (Новосибирск, Россия). Средний Енисей в монгольское время 145

И. Л. Кызласов (Москва, Россия). Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики 157

Д. К. Тулуш (Кызыл, Россия). Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния 179

А. А. Тишкин (Барнаул, Россия). Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации 185

С. Ф. Татауров (Омск, Россия). Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке 199

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

- В. А. Кольченко (Бишкек, Кыргызстан). Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) 209**
- А. А. Бисембаев (Актобе, Казахстан). Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация 223**
- М. Д. Калменов, А. Е. Бижанова (Уральск, Казахстан). Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана . 237**
- Э. Д. Зиливинская (Москва, Россия). Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана. 263**

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

- Е. Е. Воробьева (Казань, Россия), М. И. Федулов (Чебоксары, Россия). К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье 289**
- Д. Ю. Бадеев (Москва, Россия). Усадьбы золотоордынского Болгара. . . . 297**
- В. Ю. Коваль (Москва, Россия). Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы. 307**
- К. А. Руденко (Казань, Россия). Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) 325**
- С. И. Валиулина (Казань, Россия). Золотоордынский Биляр. 379**
- Д. А. Сташенков (Самара, Россия). Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды 413**
- А. М. Гайнутдинов, А. Г. Ситдинов, А. С. Старков (Казань, Россия). Арабиграфичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг. 433**

НИЖНЯЯ ВОЛГА

- Д. А. Кубанкин (Саратов, Россия). Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища 443**
- Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (Казань, Россия). Особенности топографии и застройки Багаевского селища 463**
- Е. М. Пигарёв (Казань, Россия). Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга) 483**
- М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий (Воронеж, Россия). Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. 509**

З. В. Доде (<i>Ростов-на-Дону, Россия</i>). Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения	521
И. Ю. Лапшина (<i>Волгоград, Россия</i>). Проблема правления Тинибека	547

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ

Л. В. Яворская (<i>Москва, Россия</i>). Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор	553
В. А. Бабенко (<i>Ставрополь, Россия</i>). Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье	569
Ю. В. Зеленский (<i>Краснодар, Россия</i>). Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья	585
Л. М. Носкова (<i>Москва, Россия</i>). Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока	589
А. В. Дмитриев (<i>Новороссийск, Россия</i>), Е. И. Нарожный (<i>Армавир, Россия</i>). Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо- Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)	599
А. Н. Масловский (<i>Азов, Россия</i>). Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку	641
А. П. Минаев, Н. И. Юдин (<i>Азов, Россия</i>). Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо- Восточного Приазовья	657
Э. Е. Кравченко (<i>Донецк, Украина</i>). Средневековые поселения на территории Донецких степей	669
В. П. Кирилко (<i>Симферополь, Крым</i>). Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской	691
С. Г. Бочаров (<i>Казань, Россия</i>). Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)	741
С. В. Дьячков (<i>Харьков, Украина</i>). Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)	771
Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк (<i>Яссы, Румыния</i>). Пищевые ресурсы животного происхождения в золотоордынский период на примере Старого Орхея (Республика Молдова)	791
Список сокращений.	804

CONTENTS

S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov (*Kazan, Russian Federation*). **Foreword** 15

SIBERIA, TRANSBAIKALIA AND THE FAR EAST

N. G. Artemieva (*Vladivostok, Russian Federation*). **Architecture of Palatial Residential Premises in the Upper Capital City of the Jurchen State — the Eastern Xia** 21

E. I. Gelman (*Vladivostok, Russian Federation*). **Essays on the History of Celadons** 33

O. V. Dyakova (*Vladivostok, Russian Federation*). **Late Medieval Archaeological Sites of Primorye** 53

A. V. Kharinsky (*Irkutsk, Russian Federation*), **M. P. Rykun** (*Tomsk, Russian Federation*), **E. V. Kovychev** (*Chita, Russian Federation*), **N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **The Mongol Cemetery of the Mid-13th — Early 15th Centuries Okoshki 1 in the South-Eastern Transbaikalia: constructive and anthropological aspects** 69

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva (*Vladivostok, Russian Federation*), **E. V. Kovychev** (*Chita, Russian Federation*), **S. D. Prokopets** (*Vladivostok, Russian Federation*), **A. V. Kharinsky** (*Irkutsk, Russian Federation*). **Excavations of Khirkhira Town in South-Eastern Transbaikalia** 107

P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka (*Krasnoyarsk, Russian Federation*). **Arrowheads of the Lower Angara Region Population in the High Middle Ages** 131

S. G. Skobelev, A. V. Vybornov (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Middle Yenisei Region in the Mongol Time** 145

I. L. Kyzlasov (*Moscow, Russian Federation*). **Archaeological Signs of State Land Surveying. Methodological Value of the South Siberian Medieval Archaeology** 157

D. K. Tulush (*Kyzyl, Russian Federation*). **Towns of the Early Mongol Time in Tuva: overview of the current state** 179

A. A. Tishkin (*Barnaul, Russian Federation*). **Archaeological Sites of Mongol Time in the South of Western Siberia and Altai: research results and interpretation experience** 185

S. F. Tataurov (*Omsk, Russian Federation*). **The Town of Tara and its Role in the Fate of the Siberian Tatars in the 17th Century** 199

CENTRAL ASIA

- V.A. Kolchenko** (*Bishkek, Kyrgyzstan*). **Christian Cemetery of Mongol Time at Burana Town: according to archival documents on excavations in 1886** . . . 209
- A.A. Bissembayev** (*Aktobe, Kazakhstan*). **Western Kazakhstan in 13th—14th Centuries. Historical and Geographical Situation** 223
- M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova** (*Uralsk, Kazakhstan*). **Topography and Chronology of Medieval Settlements in Western Regions of Kazakhstan** . . . 237
- E. D. Zilivinskaya** (*Moscow, Russian Federation*). **New Research in the Golden Horde Settlements of Western Kazakhstan** 263

MIDDLE VOLGA

- E. E. Vorobeva** (*Kazan, Russian Federation*), **M. I. Fedulov** (*Cheboksary, Russian Federation*). **To the Question about the Russia-Golden Horde Borderlands in Mari-Chuvash Area of the Volga Region** 289
- D. Yu. Badeev** (*Moscow, Russian Federation*). **Homesteads of the Golden Horde Bolgar** 297
- V. Yu. Koval** (*Moscow, Russian Federation*). **Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem** 307
- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources** 325
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **The Golden Horde Bilyar** 379
- D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Kuzkino Mordovian Burial Ground of the Late 13th—14th Centuries: toward the history of the population of the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde era** 413
- A. M. Gaynutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov** (*Kazan, Russian Federation*). **Stones with Arabic Inscriptions from the Excavations in Kazan Kremlin in 2000s** 433

LOWER VOLGA

- D. A. Kubankin** (*Saratov, Russian Federation*). **Religious and Ethnic Compositions of the Ukek Population. To the issue of the ethnic-confessional topography of the town** 443
- L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov** (*Kazan, Russian Federation*). **Characteristics of the Topography and Development of Bagaevka Rural Settlement** 463
- E. M. Pigarev** (*Kazan, Russian Federation*). **The Administrative-Territorial Structure of the Capital Sarai Region (Delta of the Volga River)** 483
- M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy** (*Voronezh, Russian Federation*). **The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobrov District, Voronezh Oblast** 509

Z. V. Dode (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). Mercury Wanderer: a study of a medieval burial	521
I. Yu. Lapshina (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). The Problem of Tinibek's Reign	547

**THE NORTHERN CAUCASUS,
NORTH BLACK SEA REGION AND THE CRIMEA**

L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: main finds, species, anatomical set . .	553
V.A. Babenko (<i>Stavropol, Russian Federation</i>). Localization of Finds from the Gashun-Usta Stow (Stavropol Governorate, 1890) and the Delimitation of the Golden Horde Possessions in the Central Ciscaucasia	569
Yu. V. Zelenskiy (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Finds of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of Geography of Polovtsian Nomadic Camps in the Kuban Steppe	585
L. M. Noskova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Adygean Pottery from the Archaeological Sites of the 13th—15th Centuries AD from the Collections of the State Museum of Oriental Art	589
A. V. Dmitriev (<i>Novorossiysk, Russian Federation</i>), E. I. Narozhniy (<i>Armavir, Russian Federation</i>). Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region (to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)	599
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). The Topography of Necropolises in the Golden Horde Azak, and their Impact on the Urban Planning	641
A. P. Minaev, N. I. Iudin (<i>Azov, Russian Federation</i>). New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements of the Lower Don and the North-Eastern Azov Sea Region	657
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Medieval Settlements on the Territory of Donetsk Steppes	669
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Cult Architecture of the Crimea in the Golden Horde Epoch: E. D. Zilivinskaya's Version	691
S. G. Bocharov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275—1475)	741
S. V. Dyachkov (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). The Consul's Residence of Genoese Fortress Chembalo of 14th—15th Centuries (by archaeological excavations in 1999—2008)	771
L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc (<i>Iași, Romania</i>). Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)	791
Abbreviations	804

К. А. Руденко

Konstantin Rudenko. Doctor of Historical Sciences. Kazan State Institute of Culture¹.

Руденко Константин Александрович. Доктор исторических наук. Казанский государственный институт культуры.

E-mail: murziha@mail.ru

Address: ¹ Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation

Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)

Keywords: Middle Volga Region, Volga Bulgaria, Golden Horde period, historical geography, ethnic composition

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Волжская Булгария, золотоордынский период, историческая география, этнический состав

K. A. Rudenko

Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources

The paper discusses peoples who lived on the territory of Bulgar Ulus of the Golden Horde in 13th—14th centuries, which can be proven by archaeological sources. Thus, these data suggest that along with the Bulgar this territory was populated by the Russians, Mordvins, Mari, Armenians, and part of this territory was occupied by the Kipchaks and, probably, by the Mongols, who settled there after their military raids. All these peoples closely interacted between themselves. At the same time, there were also some small local ethnic groups, such as the Permians and the Udmurts, who managed to preserve their identity. As a whole, Bulgar Ulus of the Golden Horde was multiethnic, which continued the tradition formed before the Mongol invasion.

K. A. Руденко

Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)

В статье исследуется вопрос о народах, живших на территории Булгарского улуса в XIII—XIV вв. Основным источником по этой проблеме являются археологические материалы. По этим данным установлено, что здесь, кроме булгар, жили русские, мордва, мари, армяне. Часть территории занимали кочевники — кипчаки и, вероятно, монголы, обосновавшиеся здесь после завоевательных походов. Все эти народы находились в тесном взаимодействии. Вместе с тем, существовали и небольшие локальные этнические группы населения, например, пермяки и удмурты, сохранявшие свою идентичность. В целом, Булгарский улус был многонациональной областью, в чем продолжилась традиция, сформировавшаяся до монгольского нашествия.

История Булгарской области Золотой Орды, или Булгарского улуса, как правило, не выделяется из истории этого государства и не рассматривается отдельно. Во многом такая ситуация обуславливается небольшим количеством письменных источников по Булгарскому улусу, точнее, их краткостью и лаконичностью. Вместе с тем, как показали многолетние исследования в области золотоордынской истории и археологии, каждый из регионов, входивших в состав империи монголов, обладал своей этнокультурной спецификой. Очевидно, что не была исключением и Булгарская область. Об этом писали ранее такие исследователи, как А. П. Смирнов и А. Х. Халиков, делая акцент (и вполне справедливо) на домонгольскую булгарскую

основу культуры населения этой области в золотоордынское время (Смирнов 1951: 4, 54, 55; Халиков 1994: 157), даже предполагая некоторую автономию булгарской земли в ордынском государстве (Халиков 1989: 125, 128, 129).

К этой теме в той или иной степени обращались историки и археологи с конца XIX в. (Руденко 2007а: 239—296). До второй трети XX в. среди ученых преобладала точка зрения, что заметные изменения в этнической картине Волжской Булгарии произошли после монгольского нашествия, причем кардинальные перемены имели место только в городской среде и были связаны с появлением здесь монгольской аристократии, а жизнь коренного, сельского населения оставалась

практически неизменной (Руденко 2014: 438—441, 471, 472). Этим объяснялись устойчивые формы предметов повседневного обихода, инструментов и хозяйственных орудий, бытовавших длительное время как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды. Однако уже во второй половине XX в., по мере развития и совершенствования приемов археологического датирования, прежде всего формально-типологического метода, последнее положение в целом было существенно скорректировано.

С начала 1950-х гг. и до второй половины 1990-х гг. практически априори считалось, что этнический состав населения Казанского Поволжья¹ с X в. принципиально не менялся, и включения кыпчакско-монгольского компонента (как его охарактеризовал А. Х. Халиков), в XIII—XIV в. если и имели место, то в незначительном масштабе (Халиков 1989: 128; 1994: 156—157). Для подтверждения (или опровержения) высказанных предположений не хватало фактов. Кроме того, господствовавшая в те годы точка зрения на золотоордынский период в истории региона акцентировала внимание на эволюционном развитии болгарской материальной культуры в моноэтничном «формате» с гуннской эпохи и до этнографического времени. Отрицался какой-либо след присутствия кочевников (кроме периода раннебулгарского, когда собственно болгары были тоже кочевниками), особенно в послемонгольский период, после того как булгарское государство перестало функционировать как самостоятельный политический организм. А. Х. Халиков утверждал, что «на территории Среднего Поволжья памятников, связанных с домонгольскими или золотоордынскими кыпчаками, не обнаружено. Ссылка на памятники типа Балымерского и Байряки-Тамакского могильников как на кыпчакские не обоснована» (Халиков 1986: 24). Правда, чем именно не обоснована, автор не пояснил². Этот догмат, несмотря на существенные перемены в концепту-

альном видении истории татарско-казанского этноса, в принципе продолжает сохраняться и поныне.

Надо сказать, что в XX в. золотоордынских археологических памятников на территории Татарии изучалось немного, и только городища: Булгарское (1938—1940 гг. и с 1945 до середины 1990-х гг. почти ежегодно), Иски Казанский археологический комплекс (1950-е, 1970—80-е гг.), Казанский кремль (1920-е и 1970-е) (Руденко 2014: 168—172), и практически случайно — Балымерские курганы (1961 г.). В постсоветский период, в конце XX в. были проведены раскопки Чалынского, а в начале XXI в. — Арского городищ (Руденко 2015: 288—290, 322).

В 1960—1970-х гг. Р. Г. Фахрутдиновым было проведено картографирование болгарских — как домонгольских, так и золотоордынских памятников на территории Среднего Поволжья, что дало возможность получить общую картину заселенной территории этой части Золотой Орды (Фахрутдинов 1975).

В 1980-х гг. за пределами Татарстана археологами Куйбышева (Самары) раскапывалось Сухореченское селище золотоордынского времени (Васильева 2013: 187—235), несколько поселений, существовавших в домонгольский и золотоордынский периоды, а в 1970-х гг. было изучено около тридцати позднекочевнических могильников и отдельных захоронений на Самарской Луке и в бассейне р. Самара и Сок, сведения о которых было собраны, обобщены и опубликованы И. Н. Васильевой (Васильева 1979: 230). Интересные данные были получены археологами Чувашии, изучившими ряд городищ и селищ этого периода (Руденко 2014: 119, 120).

Таким образом, во второй половине XX в. в деле исследования золотоордынских памятников была проделана колоссальная работа многих ученых. Новые археологические материалы накапливались с такой интенсивностью, что для осмысления их требовалось определенное время. Но перемены, произошедшие в 1990-х гг. в стране, остановили и в какой-то мере законсервировали этот процесс. Кроме того, с середины 1990-х гг. проблема этнокультурных контактов и взаимодействия этносов в области болгарской археологии отчасти стала заменяться квазинаучной «реконструкцией ментальностей» у средневековых болгар, в рамках ставшей популярной в те годы парадигмы «этнополитической истории», что подразумевало игнорирование археологического источниковедения, а также клонирование устаревших теорий и мнений (Руденко 2004а: 105—115).

¹ Основной вектор дискуссий разворачивался не вокруг этнических включений, а о самом булгарском этносе — с каким из ныне живущих на Средней Волге народов его можно соотносить: казанские исследователи видели в нем булгаро-татар (Халиков 1986: 19—25). Иной точки зрения придерживались чувашские и башкирские ученые (Дмитриев 1986: 26—35).

² Хотя в целом, проникновение групп кочевого населения в Булгарскую область Золотой Орды А. Х. Халиков не отрицал (Халиков 1986: 24), но считал, что никакой роли они в истории и культуре булгар не сыграли.

Проблема этнокультурного состава населения как домонгольской, так и золотоордынской Булгарии обсуждалась казанскими учеными с конца 1960-х и до начала 1990-х гг., и делались активные попытки ее решения на основе разных археологических источников. Важным шагом в изучении этнических компонентов населения Булгарской области Золотой Орды стали публикации А. П. Смирнова материалов по раскопкам армянской колонии Булгара и М. Д. Полубояриновой — свода находок древнерусских материалов на территории Булгарии и булгарских — на Руси в X—XIV вв. (Смирнов 1958: 330—359; Полубояринова 1993). Особенно важными и плодотворными в этой области были исследования массового материала — керамики³. Т. А. Хлебникова и ее ученица Н. А. Кокорина провели ее систематизацию на основе комплекса признаков, предположив, что исторические корни форм булгарской керамической посуды и приемы ее выделки могут быть соотнесены с конкретным этническим носителем и традициями ее изготовления и декорирования (Хлебникова 1984; Кокорина 2002; Руденко 2014: 265, 266). То есть, исходя из этой посылки определялся «этнокультурный характер» находок и делались выводы об этносе населения, которое их производило и владело ими.

Однако эта гипотеза хотя и базировалась на солидной выборке эмпирического материала и опиралась на аналогичные исследования в советской археологии, но только частично была соотнесена, в случае с булгарской керамикой, с другими археологическими артефактами и археологическим контекстом в древностях волжских булгар. Поэтому составить этнокультурную карту Булгарской области Золотой Орды только на основе керамики не получилось, хотя попытки такого рода были сделаны (Кокорина 1994: 201, рис. 1; 10). Не хватало базовых компонентов, которые помогли бы понять и убедительно интерпретировать имеющиеся данные. Но именно исследование керамики позволило высказать предположение о достаточно представительном присутствии в булгарских домонгольских материалах кочевников — кипчаков (кипчаки-шары), печенегов и гузов (XXI этнокультурная группа керамики) (Кокорина, Хлебникова 1993: 108—110; Кокорина 2000: 185).

³ Более разнообразными были шаги в исследовании этого вопроса в отношении раннебулгарского периода и домонгольской Волжской Булгарии (Руденко 2014: 536—541).

Итак, до последней трети 1990-х гг. господствовавшей точкой зрения оставалось мнение, что этнический облик населения Булгарии оставался неизменным (Халиков 1994: 157). А. Х. Халиков объяснял это тем, что территория завоеванной монголами страны булгар была разделена на отдельные владения, как он считал, «своеобразные вассальные княжества» — культурно-экономические и политические центры, такие как Казань, Кашан, Жукотин, Керменчук, Булгар, Альменевское городище, Атряси, сохранявшие домонгольские традиции (Халиков 1989: 127—128). Хотя ученый и допускал, что происходили также и «серьезные изменения в расселении населения» что привело к «этническим изменениям», но не пояснил суть этих перемен. В сущности, этот сюжет был ему необходим для развития и обоснования выдвинутого им тезиса о распаде общебулгарской народности, который, как он считал, случился в золотоордынское время (Халиков 1989: 133). Что касается нового расселения населения в эпоху Золотой Орды, то эту идею высказал ранее Н. Ф. Калинин — наставник А. Х. Халикова. Николай Филиппович предполагал, что после монгольского нашествия булгары массово переселялись из разоренного монголами Закамья в Закавказье⁴, что привело к «консолидации булгар с местным населением» (Калинин, Халиков 1954: 107). Правда, последний тезис А. Х. Халиков не поддерживал.

Таким образом, тема исторической этногеографии Булгарской области была намечена в работах 1950—1990-х гг. Н. Ф. Калинина, Р. Г. Фахрутдинова, В. Л. Егорова, А. Х. Халикова (Калинин, Халиков 1954: 104—106, рис. 41; Фахрутдинов 1975: 50—78; Халиков 1994: 74—76; Егоров 2010: 95—106). При этом в ее трактовке преобладали не археологические обоснования, а в большей степени исторические «реконструкции». Согласно

⁴ Н. Ф. Калининым была также высказана идея, что монгольское нашествие не прервало экономического развития Булгарии, которая, по его мнению, во второй половине XIII — XIV вв. даже переживала период подъема: осваивала новые технологии в ремесле, вела активную торговлю (Калинин, Халиков 1954: 117). Последнее предположение, высказанное ученым как гипотеза (ставшая затем практически аксиомой), до начала масштабного изучения золотоордынских памятников, то есть без сравнительного материала, дожило до сегодняшнего дня. Е. П. Казаков писал: «После монгольского нашествия, став провинцией Золотой Орды, Волжская Болгария очень скоро восстановила свой экономический потенциал, снова став житницей и “ремесленным цехом” обширного региона» (Казаков 1997: 66).

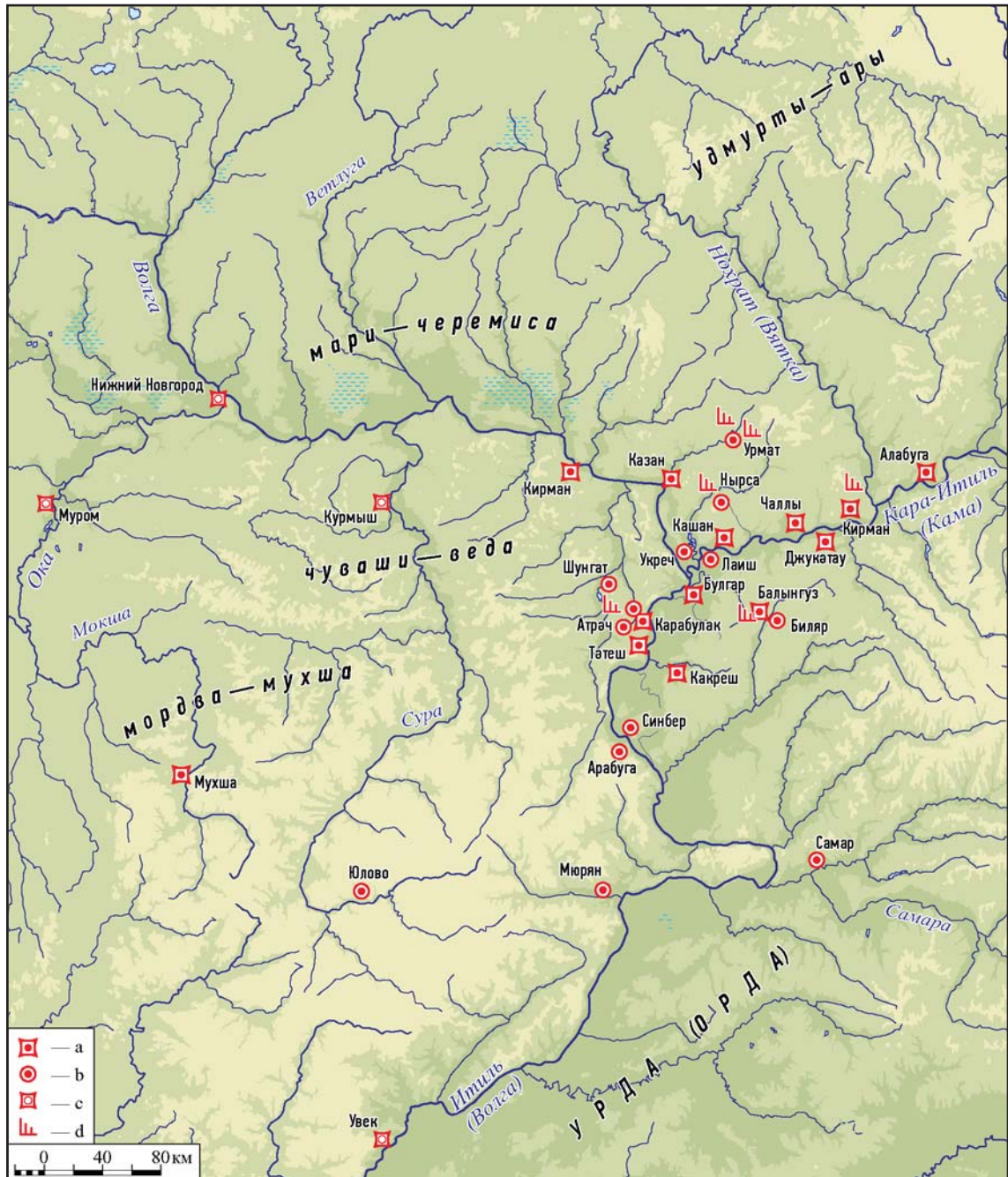

Рис. 1. Карта Волжской Булгарии второй половины XIV в. (по Халиков 1994: 74). Условные обозначения: а — города с укреплениями; b — города без укреплений; с — небулгарские города; d — могильники.

Fig. 1. Map of Volga Bulgaria of the second half of the 14th century (after Халиков 1994: 74). Legend: a — towns with fortifications; b — towns without fortification; c — non-Bulgarian towns; d — cemeteries.

им, Булгарская область Золотой Орды рассматривалась как земледельческий район с традиционным и сохранившимся после нашествия образом хозяйствования и, соответственно, неизменным составом населения. Последние утверждения строились на убеждении, что экономика Булгарии восстановилась в полной мере после нашествия, и даже превзошла домонгольский уровень, несмо-

тря на то, что сами исследователи приводили веские доказательства катастрофического уменьшения числа городищ и селищ по сравнению с домонгольским временем (Калинин, Халиков 1954: 106; Фахрутдинов 1975: 29, табл.; Халиков 1994: 78, табл.). Из этого тезиса следовал достаточно логичный вывод, что у булгар в ордынской империи был особый статус (как у русских земель или даже

шире), и по сути, они были автономны (Халиков 1994: 60—61, 73, 74). Данные, противоречащие этому мнению, во внимание не принимались.

Ситуация изменилась в конце XX в. когда были проведены целенаправленные исследования золотоордынских селищ и могильников в Татарстане. Прежде всего, это раскопки К. А. Руденко в 1992—1994 гг. селища и могильника Песчаный остров, давшие узко датированные комплексы: поселение конца XIII — первой четверти XIV вв. и позднечетвертичной могильник второй половины XIV в. (Руденко 1994: 121—139; 1998: 60—71). Это позволило получить надежный хронологический репер для дальнейших исследований в этой области. Помимо этого, позднечетвертичные материалы были получены при исследованиях в 1990-х — 2000-х гг. еще трех поселений: III Билярского, Торецкого и Лаишевского (Чакма) (Руденко 2015: 263—265, 323—325), а также из раскопок Булгарского городища и его некрополей (Газимзянов 2003: 45).

Тем самым, к началу нынешнего столетия стало возможным существенно уточнить как историческую, так и этнокультурную географию Булгарской области Золотой Орды, скорректировать взгляды на особенности ее материальной культуры как в целом, так и в отношении отдельных памятников (Руденко 2004б; 2011: 155—163; 2015: 255—364; 2016: 131—134; 2016а: 124—127; 2017а: 107—149). В первую очередь внимание исследователей было обращено на структурообразующие узлы экономической и культурной географии Булгарской области в золотоордынский период — города (рис. 1) (Фахрутдинов 1975; Халиков 1994: 74, карта). Это Булгар, Джукетау, Биляр⁵, Сувар⁶, Кашан, Кременчук, Иски-Казань, Барское-Енарусскинское селище и городище⁷, Кокрятьское городище, Большеатрянское поселение, Казань, Чебоксарское

городище (Егоров 2010: 95—105). К ним можно добавить еще несколько городищ в ульяновском течении Волги, но большая часть их не раскапывалась, и поэтому объективно судить об их характере затруднительно⁸.

Из этого списка бесспорно крупными городами в золотоордынское время были Булгар, Джукетау, Иски-Казань (Русско-Урматское селище и Камаевское городище). Небольшим по площади городом была Казань (Ситдиков 2006: 63—74). Золотоордынские материалы были зафиксированы на Елабужском, Чаллыском⁹, II Тетюшском¹⁰ городищах (Руденко 2010а: 16, 101—102; Кокорина, Останина 2000: 97; Нигаматов 2005: 26—27; 68, 77). Однако утверждать, что они характеризуют эти поселения как развитой городской центр, вряд ли возможно.

Нет материалов, которые бы свидетельствовали о существовании города ордынской эпохи на месте Бальнгузского городища. При этом, как отмечал А. Х. Халиков, по берегам Малого Черемшана располагалось несколько золотоордынских селищ — III Билярское и Торецкое (Халиков 1994: 84—85), которые были (судя по раскопкам начала XXI в.) крупными сельскими поселениями.

Опубликованные материалы Кокрятьского городища — домонгольские, как и керамика, которую А. Х. Халиков и А. П. Моця считали золотоордынской (Моця, Халиков 1997: 149, 152, рис. 72). Не обнаружены следы городища и даже более-менее крупного поселения ордынского времени у с. Большие Нырсы, Атря-

⁸ Например, Крестово-Городище, которое А. Х. Халиков считал остатками города Синбер, или Арбужинское городище — город Арабуга (?) (Халиков 1994: 87).

⁹ На Елабужском (Чёртовом) городище золотоордынский период выделен только по керамике, «имеющей хронологически смешанный характер» (Нигаматов 2005: 27). На Чаллыском городище наиболее активный период накопления культурного слоя и, соответственно, период наибольшего развития городища и прилегающих селищ — XII — начало XIII вв. Золотоордынский материал встречен в основном на посаде (Нигаматов 2005: 77).

¹⁰ Поскольку I Тетюшское городище находится на территории города Тетюши и полностью застроено, о его характере судить практически невозможно — не известна ни мощность культурного слоя, ни его распространенность на предполагаемой площади. Единственными сведениями о культурном слое этого городища являются материалы из шурфа Н. Ф. Калинина площадью 1×1 м (Руденко 2010: 13). Тем не менее, А. Х. Халиков утверждал, что это был крупный город, «имевший международное значение», о чем, по его мнению, свидетельствовало средневековое поселение, где жили армяне, в 3—4 км от Тетюш (Халиков 1994: 89).

⁵ А. Х. Халиков был убежден, что жизнь в Биляре прекратилась после монгольского нашествия, оговаривая, однако, что в 1238—1239 г. рядом с погибшей столицей был заложен новый город на горе Бальнгуз (Халиков 1994: 83—84).

⁶ По мнению А. Х. Халикова, Ф. Ш. Хузина и Р. Ф. Шарифуллина, город существовал только до монгольских завоеваний (Халиков 1994: 85—86).

⁷ Недоразумением является отнесение Барское-Енарусскинского городища к ордынскому времени, поскольку на валу и во рву городища находятся несколько надгробных памятников XIV в., а подъемный материал с прилегающего селища только домонгольский.

си и Рождествено¹¹ (последнее, по А. Х. Халикову, — древнее поселение Укречь, по названию пустоши, по писцовым книгам XVII в. существовало в эпоху Казанского ханства (Писцовая... 1978: 54, 55, л. 32—33; Генинг и др. 1962: 7; Чернышев 1971: 276; Халиков 1994: 90, 94; Руденко 2002а: 105—109; Руденко, Бугарчев 2015: 156—175)). Анализ имеющихся археологических и нумизматических данных показал, что поселение Чакма (Лайшевское селище) в ордынское время городом быть не могло, и даже крупным населенным пунктом не являлось (Руденко 1999а: 73—102; 2011а: 103, 121, рис. 3; Бугарчев, Руденко 2013: 64—78).

Материалы раскопок городища Кашан I и Кирменьского городища показали, что в обоих случаях материал здесь домонгольского времени. Городище Кашан I вряд ли могло претендовать на статус города в домонгольское время, поскольку большая его часть была не заселена, а в центре городища рос лес (Руденко 1999б: 111—126, рис. 8; 9; Нигамев 2005: 41—56). Практически ничего не известно об Именьковском поселении¹² золотоордынского времени, как, собственно, и о домонгольском периоде его существования.

Таким образом, представления о географии городских поселений Булгарской области Золотой Орды, сложившиеся во второй половине XX в., требуют определенных корректировок как в отношении их количества, так и характера¹³, что формирует представление о поселенческой структуре данной территории. Очевидно, что практически единственным крупным городом с функциями управления был Булгар. Остальные города Булгарской области поднятия до его уровня по экономическому развитию и статусу не имели возможности, и только в конце XIV в. самостоятельную роль, правда, прежде всего

политическую, стал играть Джукетау, а позже — Казань. При этом, судя по распространению продукции городских ремесленников Булгара (керамика, ювелирные и кузнечные изделия), его роль в экономической жизни области была относительно небольшой.

Если обратиться к негородским поселениям — селищам, то бросается в глаза то, что значительные территории в Закамье, достаточно плотно заселенные в домонгольское время, оказались пустующими (Руденко 2016а: 114—115, 126—127), а на землях в пойме Камы и Волги, где до монгольского нашествия существовали многочисленные торгово-ремесленные и земледельческие поселения (Казаков 1991: 15—22), их осталось менее одного десятка (Казаков 1988: 71—82). Вместе с тем, именно на этих пойменных территориях в конце XX в. был выявлен ряд памятников и находок, которые принадлежали кочевникам золотоордынского времени. Е. П. Казаков локализовал эти объекты в пойменной части Волги и нижнего течения Камы, отнеся время присутствия кочевников на болгарских землях к XIII—XIV вв., особенно выделив период второй половины XIV в. (Казаков 1997: 67, 77, рис. 9).

В этой связи отметим, что до конца XX в. проблема кочевого компонента в составе населения золотоордынской Булгарской области практически не ставилась, а роль его в историко-культурном развитии этой части Золотой Орды никогда не рассматривалась. Во многом это определялось авторитетным мнением А. Х. Халикова: «археологические материалы (...) показывают преемственное развитие одной и той же культуры, одного и того же устойчиво земледельческо-ремесленного быта (волжских булгар — *К. Р.*). Инфильтрация в эту среду половцев и саксин в предмонгольское время и отдельных кочевников в период монгольского нашествия не могли изменить этническую устойчивость местной среды» (Халиков 1989: 133).

Правда, еще в 1970-х гг. А. М. Ефимова, анализируя ряд захоронений из могильника Бабий бугор в Булгаре, отметила, что «кочевнические погребения на болгарских кладбищах свидетельствуют о кочевническом, видимо, половецком, компоненте в составе населения Волжской Болгарии» (Ефимова 1974: 28). Однако это мнение другими учеными тогда поддержано не было. В конце 1990-х гг. Е. П. Казаков уже утверждал, что в составе населения Булгарской области Золотой Орды была значительная масса кочевого тюркоязычного, преимущественно кипчакского,

¹¹ Возможно, что поселение это разрушено Куйбышевским водохранилищем, однако в подъемном материале находки этого времени единичны и, как правило, с широкой датой бытования, немногочисленный монетный материал — в основном второй половины XIV — начала XV вв.

¹² В настоящее время оно полностью застроено. Подъемный материал, собранный автором в 1990-х гг. на нем, — домонгольского времени. В настоящее время значительная часть селища разрушена водохранилищем, а оставшаяся в последние 5 лет застроена базой отдыха. Поэтому проверить тезис о золотоордынском Именьковском поселении не представляется возможным.

¹³ Эти данные приведены нами в нескольких статьях (Руденко 2015: 255—364; 2016а: 121, 122, 124—127) и здесь нами не затрагиваются.

Таблица 1.

**Кочевнические могильники и отдельные захоронения кочевников
Булгарской области Золотой Орды**

№ п/п	наименование	район РТ	дата	исследователи
1	Бальмерские курганы	Спасский	2-я пол. XIV в.	Раскопки Е. А. Халиковой
2	Зеленовские курганы (?)	Спасский	XIV в.	Находки XIX в., описание Ф. Эрдмана
2	Могильник Песчаный остров	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Раскопки К. А. Руденко
4	Курналинские курганы (?)	Алексеевский	XIV в.	Разведки Т. А. Хлебниковой, Е. П. Казакова.
5	Алексеевский курган у моста	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Случайная находка 2010 г. Зеркало из захоронения находится в Музее родного края Алексеевского района РТ
6	Алексеевское захоронение	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Раскопки А. С. Губина
7	Лебединское погребение	Алексеевский	XII — XIV вв.	Раскопки А. Х. Халикова
8	Захоронение на мусульманском Рождественском кладбище с монетой 1362 г.	Лаишевский	XIV в.	Раскопки под руководством В. Ф. Генинга
9	Захоронение на Малоиерусалимском могильнике на Булгарском городище	Спасский	XIV в.	Раскопки И. Р. Газимзянова
10	Захоронение на могильнике «Бабий бугор» на Булгарском городище; находки онгонов на кладбище у «Ханской усыпальницы»	Спасский	XIV в.	Раскопки А. М. Ефимовой
11	Байряки-Тамакский могильник	Муслимовский	XIII—XIV вв.	Разрушен; материал опубликован Е. П. Казаковым
12	Ново-Серёжжинское захоронение	Лениногорский	XIV в.	Разрушен; материал в музее Новосерёжжинской школы

языческого населения, объясняя это тем, что «не существовало каких-либо государственных границ между болгарскими и их соседями, кочующими к югу и юго-востоку от них» (Казаков 1997: 67). Однако развернутых доказательств этого тезиса он не привел.

Между тем, если принять гипотезу Е. П. Казакова, что в ордынское время в Булгарской области постоянно присутствовало население с непостоянной оседлостью — кочевники, то это было бы ключевым фактором в складывании этнокультурной специфики Булгарской области, ее экономической и поселенческой структуры, объяснявшим многие зафиксированные ранее особенности расположения археологических памятников, а также «внезапное» появление и феноменальное распространение некоторых категорий артефактов.

Рассмотрим имеющиеся данные по этому вопросу. Основным источником для раскрытия данной темы являются погребальные памятники поздних кочевников на территории Булгарской области Золотой Орды (Руденко 2013: 189—211; 2015: 344—353). К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 могильников и отдельных захоронений поздних тюркских кочевников (табл. 1). Это

Бальмерские, Зеленовские¹⁴, Курналинские курганы; могильник Песчаный остров; Лебединское погребение; захоронения: на мусульманском Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г.; на могильниках Малоиерусалимском и Бабий бугор на Булгарском городище, а также находки онгонов¹⁵ на кладбище у «Ханской усыпальницы» (Ефимова 1969: 73) на том же памятнике¹⁶. К этому списку следует добавить Байряки-Тамакский могильник и Ново-Серёжжинское захороне-

¹⁴ Находки зеркал близ с. Зеленовки известны с XIX в., а отдельные предметы вооружения (например, сабли) и элементы конского снаряжения (удила, стремяна) на месте бывшей деревни после создания Куйбышевского водохранилища (здесь образовался небольшой остров, затопливаемый при высокой воде) были найдены еще в 1980-х гг. Эти сведения были получены мной от местных жителей в 1990 г. при проведении разведочных работ. Часть из них тогда находилась у жителей села Махлашевка.

¹⁵ В регионе известна еще одна находка медного онгона — у с. Малая Рязань Самарской области (Кочкина, Сташенков 2005: 111, 116, рис. 6).

¹⁶ Обзор этих памятников и их краткая характеристика см.: (Руденко 2013: 189—211).

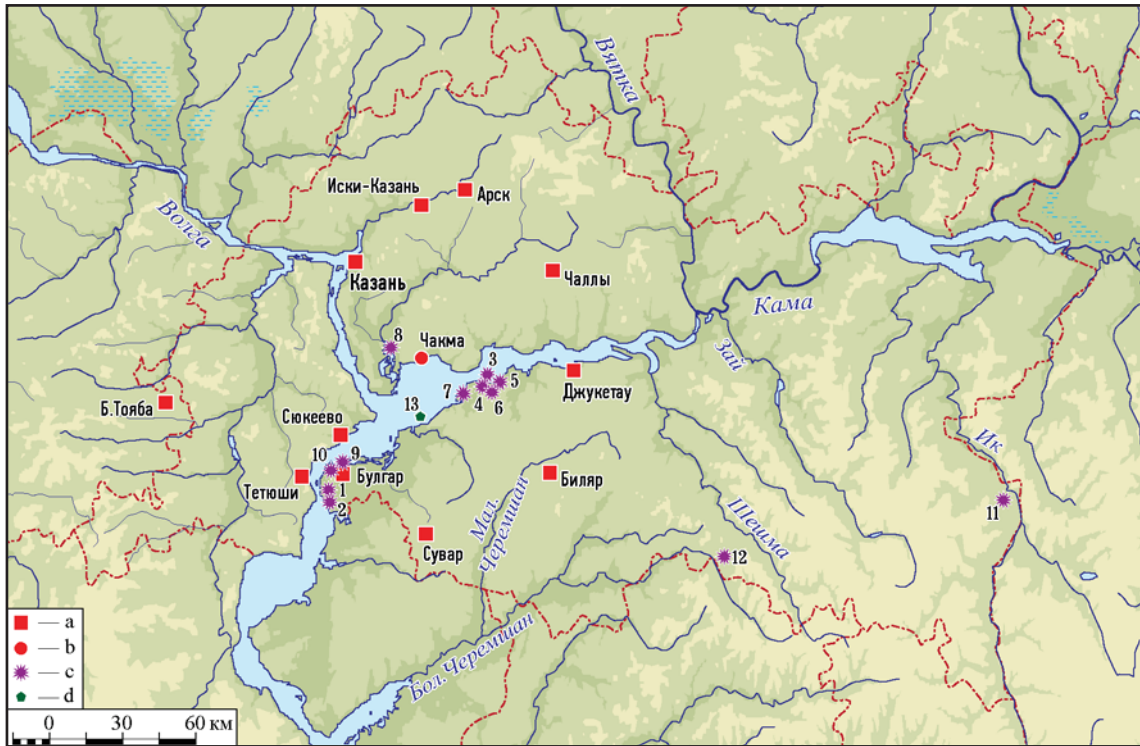

Рис. 2. Погребальные памятники поздних кочевников XIV в. и основные поселения Булгарской области. 1 — Бальмерские курганы; 2 — Зеленовские курганы; 3 — могильник Песчаный остров; 4 — Курналинские курганы; 5 — Алексеевский курган у моста; 6 — Алексеевское захоронение; 7 — Лебединское погребение; 8 — захоронение на Рождественском могильнике; 9 — захоронение на Малоиерусалимском могильнике в Булгаре; 10 — захоронения на могильнике Бабий бугор в Булгаре; 11 — Байряки-Тамакский могильник; 12 — Ново-Серёжжинское захоронение; 13 — Нижнемарьянские находки (составлено К.А. Руденко). Условные обозначения: а — городские поселения; б — селища; с — погребальные памятники; д — разрушенные погребения кочевников.

Fig. 2. Funerary monuments of late nomads of the 14th century and main settlements of the Bulgar region. 1 — Balymer mounds; 2 — Zelenovka mounds; 3 — Peschanyi Ostrov cemetery; 4 — Kurnali mounds; 5 — Alekseevskoe mound at the bridge; 6 — Alekseevskoe burial; 7 — Lebedino burial; 8 — burial on Rozhdestveno cemetery; 9 — burial on Maloierusalimsky cemetery in Bulgar; 10 — burials on Babii Bugor cemetery in Bulgar; 11 — Bairyaki-Tamak cemetery; 12 — Nvoe Seryozhkiно burial; 13 — Nizhnii Mar'yan finds (compiled by K.A. Rudenko). Legend: a — towns; b — rural settlements; c — funerary monuments; d — destroyed nomad burials.

ние на востоке и юго-востоке Татарстана¹⁷ (рис. 2). Детальный анализ погребального обряда и инвентаря можно сделать по могильникам Бальмерскому и Песчаный остров, поскольку опубликованы дневники их раскопок и планы захоронений (Руденко 1999:

¹⁷ Вероятно, захоронение кочевника было на Нижнемарьянском могильнике близ Нижнемарьянского II селища в Спасском районе РТ (в затопленной пойме Камы), датированного по подъемному материалу XIV — началом XV в. (Археологические... 1988: 12, №14). Е.П. Казаковым в 1964 году здесь было зафиксировано несколько захоронений западной ориентировки с костяками, лежавшими выткнуто на спине (Археологические... 1988: 12, №16). На этом месте Е.П. Казаковым и А.Х. Халиковым были найдены два целых зеркала и ряд бытовых предметов, встречающихся в кочевнических захоронениях, в том числе фрагменты удила и стремян (Коллекция музея археологии ИА ИА АН РТ, полевой шифр: НМ 75/21 и НМ II-64/13).

61—65; 2009: 288—291), а также по имеющимся в литературе описаниям (правда, без планов, но с характеристиками артефактов или же их фотографиями) отдельных захоронений из некрополей в Булгарах и на IV Рождественском могильнике. В остальных случаях известен только инвентарь из захоронений (Казаков 1978: 94, рис. 47).

Кроме этого, Е.П. Казаковым на востоке Татарстана были выявлены и исследованы могильники и поселения, оставленные населением с непостоянной оседлостью (чияликская культура), которое он считает уграми (Казаков 2007: 59—65).

Все вышеотмеченные памятники можно объединить в несколько территориально-хронологических групп (Руденко 2013а: 72—101) (рис. 2). Первая группа включает в себя позднекочевнические некрополи и отдельные захоронения, расположенные

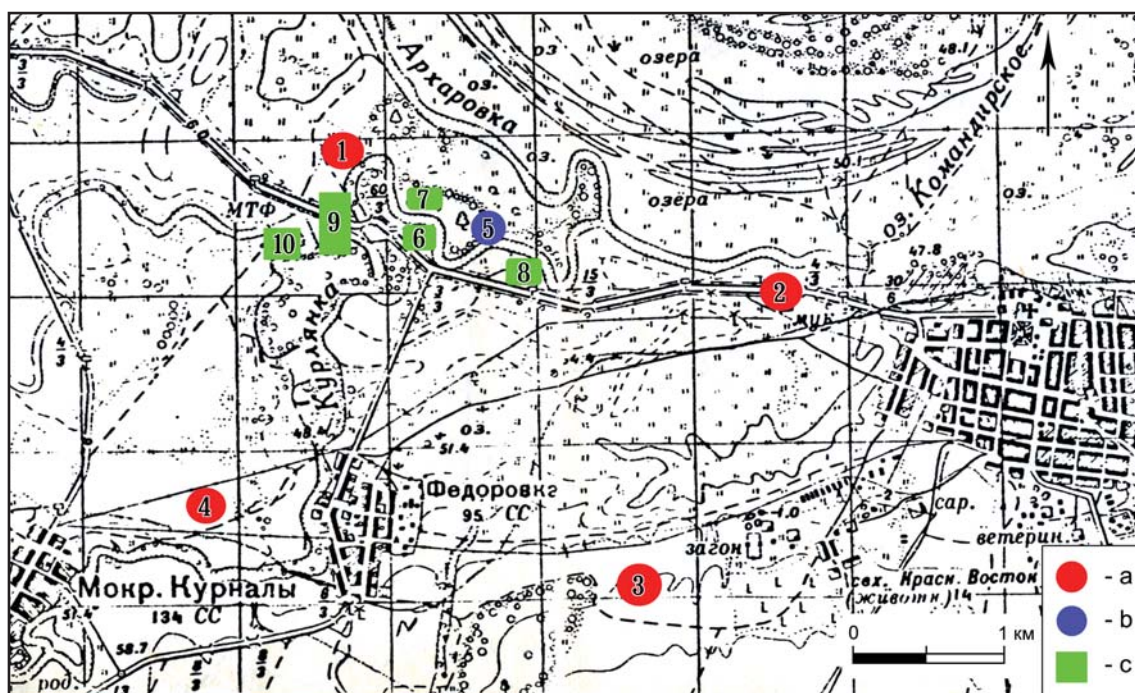

Рис. 3. Расположение кочевнических могильников, захоронений и поселений второй половины XIV в. Курналинской группы. 1 — могильник Песчаный остров; 2 — Алексеевское погребение у моста; 3 — Алексеевское погребение; 4 — Курналинские курганы; 5 — захоронение коня на острове «Восточный»; 6 — селища Дамба II; 7 — остров Восточный; 8 — остров Разбойничий; 9 — селища Дамба I; 10 — селища Дамба III. Условные обозначения: а — погребальные памятники; б — ритуальный комплекс (захоронение коня); с — поселения (составлено К.А. Руденко).

Fig. 3. Location of the nomadic burial grounds, graves and settlements of the second half of the 14th century of the Kurnali group. 1 — Peschanyi Ostrov cemetery; 2 — Alekseevskoe burial at the bridge; 3 — Alekseevskoe burial; 4 — Kurnali mounds; 5 — horse burial on the Vostochnyi island; 6 — Damba II settlement; 7 — Vostochnyi island settlement; 8 — Razboinichii island settlement; 9 — Damba I settlement; 10 — Damba III settlement. Legend: a — funerary monuments; b — ritual complex (horse burial); c — settlements (compiled by K.A. Rudenko).

в пойме нижнего течения Камы и тетюшского течения Волги¹⁸, оставленные преимущественно кочевым тюркоязычным населением в XIV в. (Руденко 2013: 189—211). Внутри первой группы эти объекты концентрируются в бассейне р. Курналинки (Курналки) (рис. 3) и по левому берегу Волги от Булгар до Полянок (рис. 2: 1, 2, 7, 9, 10, 13). В последнем случае сюда входят и одиночные кочевнические захоронения на некрополях Булгара, датированные второй половиной XIV в. Возможно, что и в «пустой зоне» между этими кустами памятников были кочевнические захоронения, о чем свидетельствуют Нижнемарьянские находки и Лебединское погребение (рис. 2: 7, 13).

Вторая группа — могильники населения с непостоянной оседлостью в восточной

части Булгарской области, вероятно, угорские — Такталачукский, Азметьевский, которые Е.П. Казаков датирует XIII—XIV в., причем первый из могильников существовал, по его мнению, в XIV в., и исследователь склоняется к более узкой датировке — второй половине XIV в. (Казаков 1978: 70, 81).

Захоронения кочевников XIV в. имеются на Муранском и Барбашинском могильниках на Самарской Луке (Стащенко, Кочкина 2012: 111—114; Стащенко 2014: 5—34). Последние составляют отдельную обособленную группу, и мы здесь её не рассматриваем.

Обратимся к анализу погребальных памятников первой группы. Топография могильников следующая. Курналинская группа занимает возвышенные места камской поймы, точнее — останцы надлуговых террас среднего течения р. Курналинки (в пойменной части), левого притока р. Архаровка, впадающей в Каму у бывшего с. Мурзиха. Это касается как могильника Песчаный остров, так и одиночных захоронений (рис. 3: 1—4). Поскольку по большей степени последние были обнаружены случайно, то были ли

¹⁸ Обособлено — к юго-востоку — располагался Байряки-Тамакский могильник, но поскольку, кроме вещей, от него ничего не сохранилось, то этот погребальный инвентарь мы рассматриваем в совокупности с материалами могильников первой группы.

они одиночными захоронениями или там было несколько погребений, сказать сейчас невозможно¹⁹. Однако, учитывая зафиксированные Т.А. Хлебниковой в 1960-х гг. курганные насыпи и обнаруженные ей же разрушенные человеческие скелеты (правда, без вещей), можно высказать предположение, что здесь находилось несколько небольших курганных групп или одиночных курганов с одним захоронением или несколькими. Одна курганная (?) группа, центральная, — была на о. Песчаном²⁰; вторая — близ с. Мокрые Курналы, а отдельные курганы (хотя здесь могли быть и бескурганные захоронения) — к западу и к северу от пос. Алексеевское, тяготея к надпойменной террасе Курналинки (рис. 3). Как, правило, на этих местах находились стоянки эпохи бронзы, например, XV Алексеевское поселение (Археологические 1988: 41, №245), а возможно, и курганы этого времени, что было отмечено Е.П. Казаковым при разведывательных исследованиях этого района в 1970—80-х гг. (Казаков, Руденко 2004: 106, рис. 3: 1). Аналогично расположение Лебединского и Зеленовского погребений, как и Нижнемарьянских находок (рис. 2: 2, 7, 13).

Расположение могильников в пойме не случайно и связано с определенными мировоззренческими взглядами и культовыми практиками у тюркских народов в средневековую эпоху (Руденко 2002: 157).

В отличие от вышерассмотренных памятников, расположенных в пойменной части Камы, один могильник находился на склоне коренного берега Волги — Бальмерские курганы (рис. 2: 1) (Руденко 2015: 350, рис. 118: Г). Кроме того, Усть-Иерусалимский могильник на Булгарском городище, где было захоронение кочевника, занимал стрелку, образованную Большим и Малым Иерусалимскими оврагами на краю высокой волжской террасы (рис. 3а). На коренном берегу Мешы (правого притока Камы) находился и Рождественский могильник, где также было кочевническое

¹⁹ Водами Куйбышевского водохранилища в рассматриваемом районе, вероятно, разрушены и другие подобные объекты, о которых косвенно свидетельствуют материалы, собранные в 1960—1970-е гг. казанскими археологами на островах, образовавшихся на месте высоких останцев надлуговых террас.

²⁰ Поблизости от Песчаноостровного могильника, на острове Восточном, в 1993 г. был зафиксирован котлован правильной формы в котором находился целый скелет коня (рис. 3: 5). Поскольку эти останки располагались в зоне приобоя, выяснить, был ли здесь скелет человека, не удалось.

погребение (Генинг и др. 1962: 100, табл. II; XII).

Есть еще одна интересная особенность. Чаще всего неподалеку от могильников, располагавшихся в пойме, находились небольшие селения или, как в случае с Песчаным островом, даже несколько (рис. 3: 6—9) (Руденко 2015: 336—339, рис. 107). По мнению И.Н. Васильевой, появление бескурганных могильников и близость к поселениям земледельцев может свидетельствовать о процессе оседания кочевников на землю (Васильева 1979: 231—232).

Внешние признаки могильников и захоронений в виде земляной насыпи точно зафиксированы в случае Бальмерских и Курналинских курганов. В отношении могильника Песчаный остров наличие насыпей можно предполагать, но поскольку песчаный останец, на котором располагался некрополь, был распахан под огород в XX в., то эти следы могли быть уничтожены. Однако не исключено, что могильник был и бескурганным.

Всего нами было проанализировано 25 захоронений из 6 могильников и одиночных захоронений (табл. 2), которые достоверно можно отнести к кочевническим и по которым имеются все необходимые для анализа сведения. Из них 10 захоронений женские; 10 — мужские; 5 — дети и подростки. В женских и нескольких мужских погребениях имеется погребальный инвентарь. В насыпи подростковых захоронений встречаются отдельные предметы. Женские захоронения имеют западную (3 погребения: 30%) и северную (70%) ориентировки; среди последних без отклонений — 2 погребения (28,5%) с отклонениями к востоку — 3 погребения (42,9%) и к западу — 2 погребения (28,5%). При этом отклонения эти незначительны. С западной ориентировкой захоронения из могильника Бабий бугор в Булгарах и одно из могильника Песчаный остров. Ориентированы на север с отклонением на запад два захоронения из могильника Песчаный остров; с отклонением на восток — все из Бальмерских курганов²¹; а на север без отклонений — из Алексеевских курганов²², как и погребения на Усть-Иерусалимском могильнике

²¹ Е.А. Халиковой были изучены 4 кургана из более чем 20-ти, и утверждать, что все захоронения в этом могильнике имеют такую ориентировку, некорректно.

²² Исследованное здесь захоронение, к сожалению, было зафиксировано в полуразрушенном состоянии, и ручаться за абсолютную точность фиксации трудно.

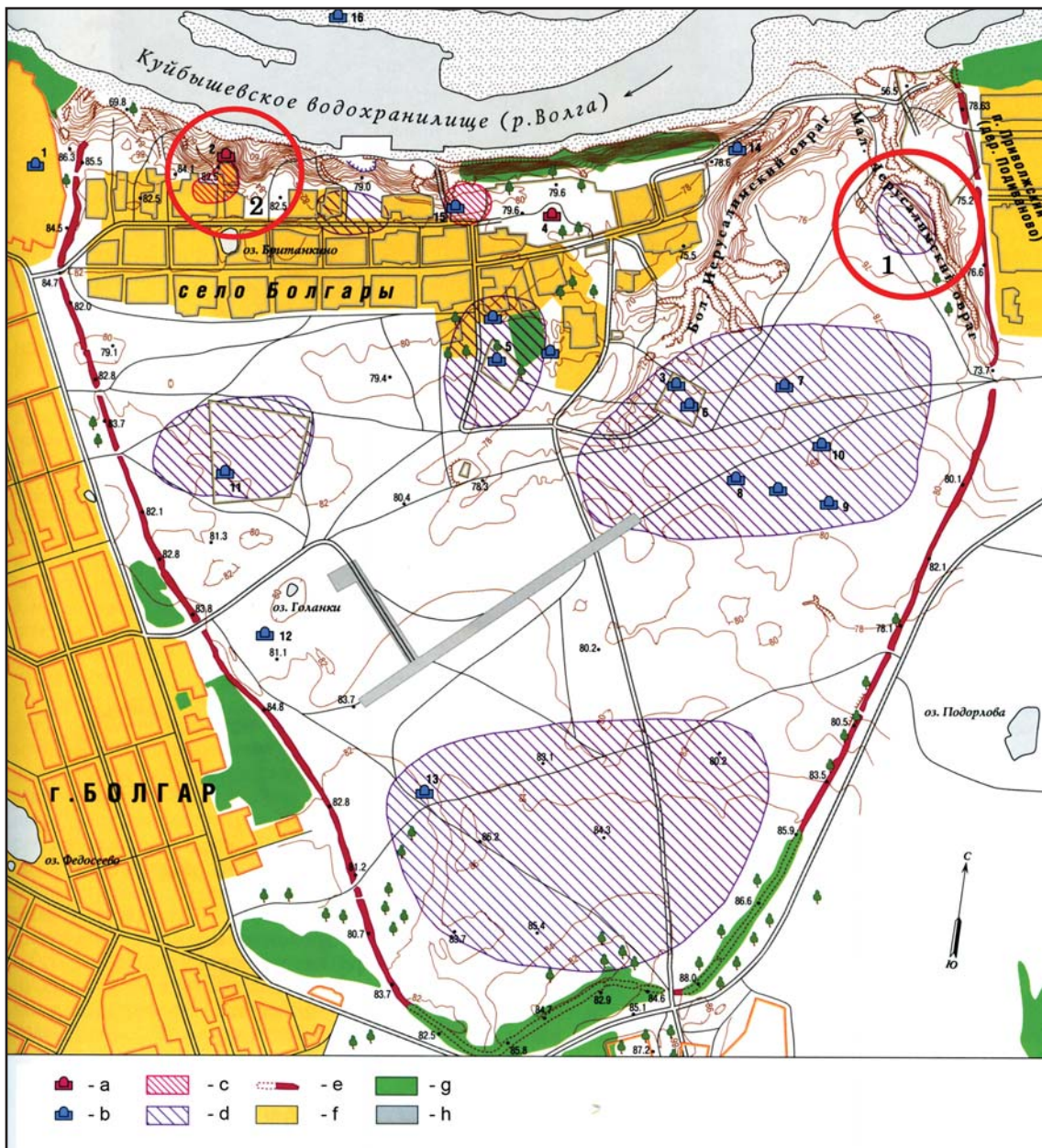

Рис. 3а. Расположение могильников домонгольского и золотоордынского времени на территории Булгарского городища. 1 — могильник Бабий бугор; 2 — Малоиерусалимский могильник (по Яблонский 2013: 295). Условные обозначения: а — могильники домонгольского периода; b — могильники золотоордынского периода; с — расположение некрополей домонгольского периода; d — расположение некрополей золотоордынского периода; e — оборонительный земляной вал; f — современная застройка; g — залесенные территории; h — заасфальтированный участок.

Fig. 3a. Localisation of necropolises of the pre-Mongol and the Golden Horde time on the territory of Bolgar. 1 — Babi Bugor burial ground; 2 — Maloierusalimsky burial ground (after Яблонский 2013: 295). Legend: a — pre-Mongol necropolises; b — Golden Horde necropolises; c — location of pre-Mongol necropolises; d — location of Golden Horde necropolises; e — defense earth wall; f — modern structures; g — woodlands; h — asphalted area.

в Болгарах. Интересно, что захоронения разной ориентировки встречаются на могильнике Песчаный остров — северная, восточная, западная и южная (табл. 2). На болгарских могильниках ордынского времени при преобладании западной ориентировки встре-

чаются захоронения и с восточной ориентировкой, например, на Лаишевском II могильнике XIV в. (погребение 18) (Руденко 1999а: 80, рис. 4—7).

Глубина могильных ям в среднем составляет 60—70 см; длина — от 180 до 240 см

**Характеристика кочевнических погребений
Булгарской области Золотой Орды**

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I	Могильник Песчаный остров																	
1	1	?	?	?	ЮЗ							+				+		
2	2	75	190	75	ССЗ	?					+			+		+		+
3	3	55	165	65	З	+		+					+			+		
4	4	80	190	75	СВ		+		+						+		+	
5	5	60	190	35	З	+			+				+			+		+
6	6	50	160	75	З	+			?				+			+		+
7	7	45	140	65	З	+			+				+			+		
8	8	75	210	60	С	+		+					+			+		+
9	9	40—45	166	95	З	+		?					+			?		
10	10	40	155	85	З	+			+				+			+		
11	11	?	?	50	З							+						+
12	12	55	200	90	ЮЮЗ	+				+			+			+		+
13	13	30	80	68	З	?		+					+				+	
14	14	100	160	78	З (СЗ)	+		+					+			+		
15	15	100	50	35	С													
II	Алексеевское погребение																	
16	1	?	?	60	С	+		+					+			+		+
III	Бальмерские курганы																	
17	к. 1	80	220	70	ССВ	+		+					+			+		+
18	к. 2	80—100*	240	70	ССВ													+
19	к. 3, п. 1	95*	230	52	ССВ	+		+										+
20	к. 3, п. 2	80*	200	60	ССВ	+												+
21	к. 4	60—90	220	60	ССВ	+		+									+	+
IV	Могильник Бабий бугор в Булгаре																	
22	40	58	180	184	З	+		+					+				+	+
23	41	58**	200	210	З	+				+			+				+	+
V	Усть-Иерусалимский могильник в Булгаре																	
24	154	100*	180	60	С	+		+					+			+		+
VI	Рождественский могильник																	
25	18	70	200	100	СВ	+				+						+		+

Обозначения заголовков: 0 — № п/п; 1 — № погребения; 2 — ширина могильной ямы (см.); 3 — длина могильной ямы (см.); 4 — глубина могильной ямы (см.); 5 — ориентировка погребенного; 6 — положение погребенного — на спине; 7 — положение погребенного — на боку; 8 — руки вытянуты вдоль туловища; 9 — руки скрещены на поясе; 10 — правая рука вытянута вдоль туловища, левая на тазовых костях; 11 — левая вытянута вдоль туловища, правая на тазовых костях; 12 — положение рук не установлено; 13 — ноги вытянуты; 14 — ноги скрещены; 15 — ноги согнуты в коленях; 16 — череп обращен лицевой частью вверх; 17 — череп повернут лицевой частью на правый/левый бок; 18 — инвентарь.

Примечание: * — яма с заплечиками, костяк не сохранился или остались следы; ** — погребенный был похоронен в колоде; *** — захоронение с чучелом коня; ? — параметры неизвестны (данные не зафиксированы).

(средняя длина 180—220 см); ширина — 80—100 см. Конструкция могильной ямы, как правило, простая; с заплечиками зафиксировано два погребения из Бальмер (Руденко 2009: 290); в колоде — одно (№41) из могильника Бабий бугор (Ефимова 1960: 184). Костяк, как правило, располагался вытянуто на спине; лицевая часть черепа чаще всего обращена вверх (60%). Такое положение умерших встречается и на болгарских сельских могильниках этого времени: на Рождественском, Лаишевском II (Генинг и др. 1962: 79—81, табл. Т; Руденко 1999а: 80).

Мужские захоронения были ориентированы головой на запад (3 погребения: 30%), на север и север с отклонением на восток (4 погребения: 40%), на юг (2 погребения: 20%). Инвентарь имеется в пяти захоронениях. Положение костяка — вытянуто на спине, лицевой частью черепа вверх. Руки, как правило, вытянуты вдоль туловища, в двух случаях одна из рук положена на пояс. Могильные ямы глубиной от 50 до 200 см, но чаще до 100 см. Ширина — 40—90 см; длина — 160—230 см. Ориентировка погребенных достаточно разнообразна, хотя захоронения

с подобными признаками встречаются в булгарских материалах. Например, женское погребение с северо-восточной ориентировкой²³ (лицом вверх, руки — одна на животе, вторая у подбородка), в котором еще находились скелеты двух младенцев головами также на северо-восток, изучено у Восточного мавзолея («Церковь Св. Николая») в Булгаре, построенного в 30—50-х гг. XIV в. (Баранов, Кавеев 2001: 183, 198). Здесь же зафиксированы захоронения с северной и южной ориентировкой, а также скорченные (мордовские?) погребения (Смирнов 1972: 305—306).

Детские погребения, там, где можно определить направление могильной ямы и костяка, ориентированы головой на запад или север (одно погребение)²⁴. Здесь в засыпи могильной ямы или в самом погребении встречались отдельные предметы, например, часть металлического пластинчатого браслета.

Наиболее полная информация по погребенным имеется только по Песчаноостровному могильнику (Руденко 2002б: 308—320). Выделяются несколько групп захоронений, вероятно, близких родственников (Бужилова 2013: 211) (табл. 3). В первой группе похоронены женщины, одна (погребение 5) 20—30 (20—25) лет, две других — примерно одного возраста (16—18 лет). Черепа их отличаются сочетанием уплощенного лица с хорошо профилированным переносьем (см. ниже). Во второй группе — мужчина и женщина в возрасте 45—55 лет и грудной младенец. Погребения 1—4, расположенные несколько обособленно, принадлежат мужчинам в возрасте 30—45 лет, и только один умерший (погребение 2) был в возрасте 20—25 лет. Индивидуум из захоронения 12 умер в возрасте 35—45 лет. В целом, средний возраст смерти составляет 30—35 лет. Высока была смертность в детском и подростковом возрасте, как и среди женщин, что было характерно в то время для населения Золотой Орды с кочевыми традициями, впрочем, подобная статистика зафиксирована на Усть-Иерусалимском могильнике второй половины XIV в. в Булгаре (Бужилова, Медникова, Козловская 2002: 170; Васильев, Борущкая, Газимзянов 2004: 39).

Погребенные в могильниках курналинской группы были индивидуумами среднего

²³ В публикации В.С. Баранова и М.М. Кавеева указана ориентировка погребенной — восток-северо-восток (Баранов, Кавеев 2001: 183).

²⁴ Северо-западная ориентировка нередко встречается в захоронениях подростков и детей на булгарских некрополях XI—XIII вв. (Кочкина, Стащенко 1999: 181).

Таблица 3.
Пол и возраст индивидуумов из могильника Песчаный остров

№ погр.	пол	возраст	примечание
1	муж.	35—45 лет	
2	жен.	20—25 лет	
3	муж.	30—40 лет	
4	муж.	35—45 лет	
5	жен.	20—29 лет	
6	подросток, жен.?	16—18 лет	
7	подросток, жен.?	16—18 лет	
8	муж.	35—45 лет	
9	жен.	45—55 лет	
10	муж.?	45—55 лет	
11	ребенок	7—8 лет	
12	муж.	35—45 лет	
13	ребенок	ок. 0,5 года	
14	жен.	45+ лет	
15	ребенок	от 1 до 3 лет	
16	муж.	35—55 лет	разрушенное погребение
17	муж.	до 35 лет	фрагмент черепа из разрушенного погребения

Примечание: определение пола и возраста А.П. Бужиловой и И.Р. Газимзянова.

роста: у взрослых в среднем 155—160 см. Несколько человек были роста выше среднего — до 170 см. Антропологически тип этого населения²⁵ представлен преимущественно европеоидами (рис. 4: 6, 8), иногда с небольшой примесью монголоидности (рис. 5). В одном случае (погребение 8 могильника Песчаный остров с северной ориентировкой и наличием сопровождающего инвентаря) был похоронен монголоид (рис. 7: 4). Интересной особенностью ряда мужских захоронений Песчаноостровного могильника являются сильно выступающие носовые кости черепа²⁶ (рис. 8), например, погребение №12 (с южной ори-

²⁵ Антропологический материал был изучен только из могильника Песчаный остров (определение И.Р. Газимзянова, А.П. Бужиловой, Т.С. Балуевой). Результаты антропологических исследований захоронения из Усть-Иерусалимского могильника, проведенные И.Р. Газимзяновым, пока не опубликованы. Остеологические материалы из Балымерских курганов изучить не удалось из-за их плохой сохранности.

²⁶ Угол выступления носа выделяется антропологами в краниологических исследованиях (Акимова 1964: 180).

ентировкой). Эта черта внешности характерна для захоронений эпохи Золотой Орды могильника Бабий бугор, некрополей у Черной палаты и Малого минарета в Булгаре (например, раскопы XXVII 1968 г., погребение 10 и XV 1966 г., погребение 11), а также мужской серии Усть-Иерусалимского могильника на этом же памятнике, как и в ряде мавзолеев Булгара (Газимзянов 2004: 48; 2015: 120). Причем могильник Бабий бугор и кладбище у Малого минарета, по мнению Л. Т. Яблонского, составляют особую группу популяций, имеющих определенное генетическое родство, но не типичную для населения Булгара (Яблонский 2013: 296). То же можно сказать и об Усть-Иерусалимском могильнике, обладающем большим своеобразием (Газимзянов 2002: 133). Судя по публикациям, индивидуумы с сильно выступающими костями носа были захоронены в большинстве некрополей города Булгара ордынского времени.

Наиболее представительная серия такого рода черепов происходит из могильника Бабий бугор. Он не раз привлекал внимание исследователей своей необычностью. И интерпретировали его по-разному: людей, похороненных здесь, считали булгарами, мордвой, аланами (Газимзянов 2003: 46; Ефимова 1991: 22, 35). Последней версии придерживалась Е. А. Халикова, предположившая, что эта группа населения могла быть родом из Подонья или Северного Кавказа; она мало смешивалась с местным населением; и не исключено, что причиной этого была их конфессиональная принадлежность, по ее мнению — христианская (Халикова 1978: 210, 211; 1986: 132).

И. Р. Газимзянов сравнил имевшиеся данные по могильнику Бабий бугор с раскопанным им Усть-Иерусалимским могильником в Булгаре, датированным второй половиной XIV в., вероятно, оставленным мордвой-мокшей с включением кочевого (кипчакского?) компонента (Газимзянов 2003: 46—47). Этот анализ дал ему основания вернуться к версии А. П. Смирнова о булгаро-мордовской принадлежности населения, оставившего могильник Бабий бугор (Газимзянов 2003: 46), правда, А. П. Смирнов не конкретизировал основания этой атрибуции (Смирнов 1972: 304). При этом И. Р. Газимзянов отверг доводы Е. А. Халиковой и определил всех индивидуумов из этого некрополя как мусульман, но только на ранней стадии принятия новой для них религии (Газимзянов 2001: 136).

Продолжение исследований могильника Бабий бугор и прилегающей территории в 2010—2013 гг. позволило уточнить ряд су-

щественных моментов, прежде всего о характере объекта: выявленный рядом каменный мавзолей, датированный серединой XIV — началом XV в. (Макарова, Ситдииков, Бочаров 2016: 247), показал, что этот некрополь не являлся кладбищем рядового населения Булгара, как считали предшественники (Ефимова 1960: 194). Правда, обнаружение этого объекта не подтвердило мусульманский характер всего могильника, поскольку мавзолей был построен фактически уже после завершения функционирования этого некрополя.

Новые палеоантропологические исследования подтвердили особенности внешнего облика населения, оставившего могильник Бабий бугор (в частности, выступающие носовые кости лицевой части черепа), что отметил Л. Т. Яблонский, а ранее Т. А. Трофимова (Ефимова 1991: 22; Нечвалода 2004: 137—138, рис 4; 7; Газимзянов 2015: 117). И. Р. Газимзянов, изучавший этот материал, пересмотрел свою первоначальную точку зрения о булгаро-мордовском населении Бабьего бугра как и о ранних мусульманах и поддержал мнение Л. Т. Яблонского (сославшись на его публикацию)²⁷, который считал, что часть этого населения относится к «кочевым половецко-кипчакским племенам южнорусских степей» (Газимзянов 2015: 122). Впрочем, это мнение нельзя назвать новым: о связи этого населения со степными кочевниками писали и ранее, только связывая это с ранней, сарматской эпохой (Ефимова 1991: 66).

Те же признаки, что и в захоронениях на Бабьем бугре, характеризуют и часть антропологических материалов Новохарьковского могильника в бассейне Среднего Дона. Описывая строение носовой полости захороненных индивидуумов, исследователи отметили, что «и переносье, и угол выступления носа характеризуются большими величинами» (Алексеева, Козловская 2002: 111—112, рис. 51; 54; табл. 1). Аналогичные признаки и у черепов из Березовского могильника в Шигонском районе Самарской области. Ученые писали, что «сходство антропологического облика тех и других несомненно» (Алексеева, Козловская 2002: 112, табл. 2). При этом они утверждали, что это население является потомками алан периода Хазарского каганата (Алексеева, Козловская 2002: 118). В целом, большинство исследователей, пи-

²⁷ Правда, в других статьях, где упоминается могильник «Бабий бугор», Л. Т. Яблонский не столь категоричен, и определение похороненных в нем людей с выступающими носами как кочевников-половцев не встречается.

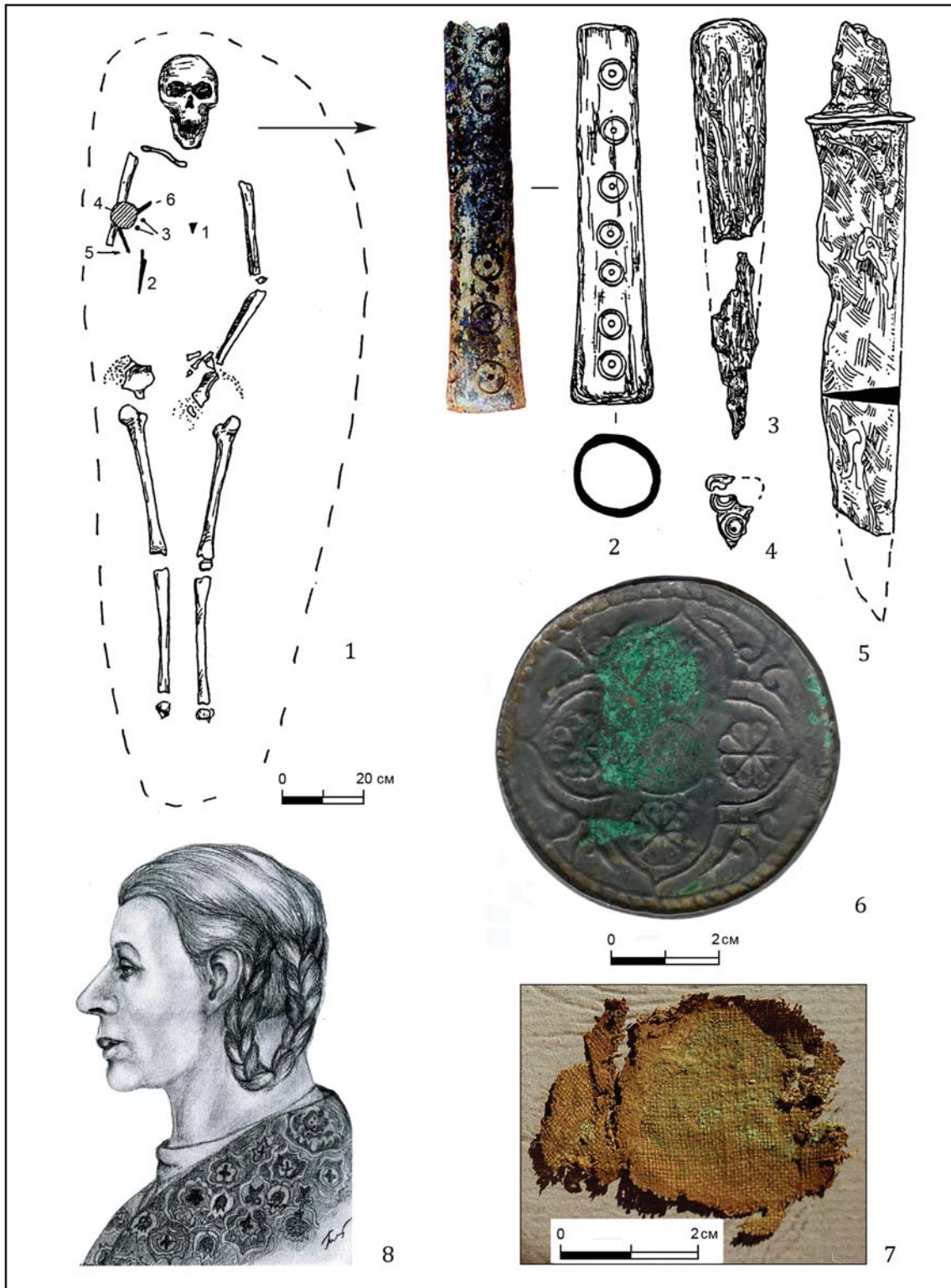

Рис. 4. Погребение №5 могильника Песчаный остров: 1 — план; 2—7 — инвентарь; 8— графическая реконструкция внешнего облика погребенной женщины (автор реконструкции — Т.С. Балуева). Инвентарь: 2 — костяная игольница (на плане погребения — №5); 3 — шило с деревянной рукоятью (№6); 4 — медная накладка (№1); 5 — железный нож (№2); 6 — бронзовое зеркало (№4); 7 — ткань с окислами меди, в которую было завернуто зеркало. НМ РТ, КП №23460, АА-9 (по Руденко 2013: рис. 7).

Fig. 4. Burial no. 5 of Peschany Ostrov necropolis: 1 — plan; 2—7 — grave goods; 8— graphic reconstruction of the buried woman's outlook (by T.S. Balueva). Grave goods: 2 — bone needle-holder (no.5 on the plan); 3 — awl with a wooden handle (no.6); 4 — copper onlay (no. 1); 5 — iron knife (no. 2); 6 — bronze mirror (no. 4); 7 — fabric with copper oxides, used to wrap the mirror. NM RT, КП no.23460, AA-9 (after Руденко 2013: рис. 7).

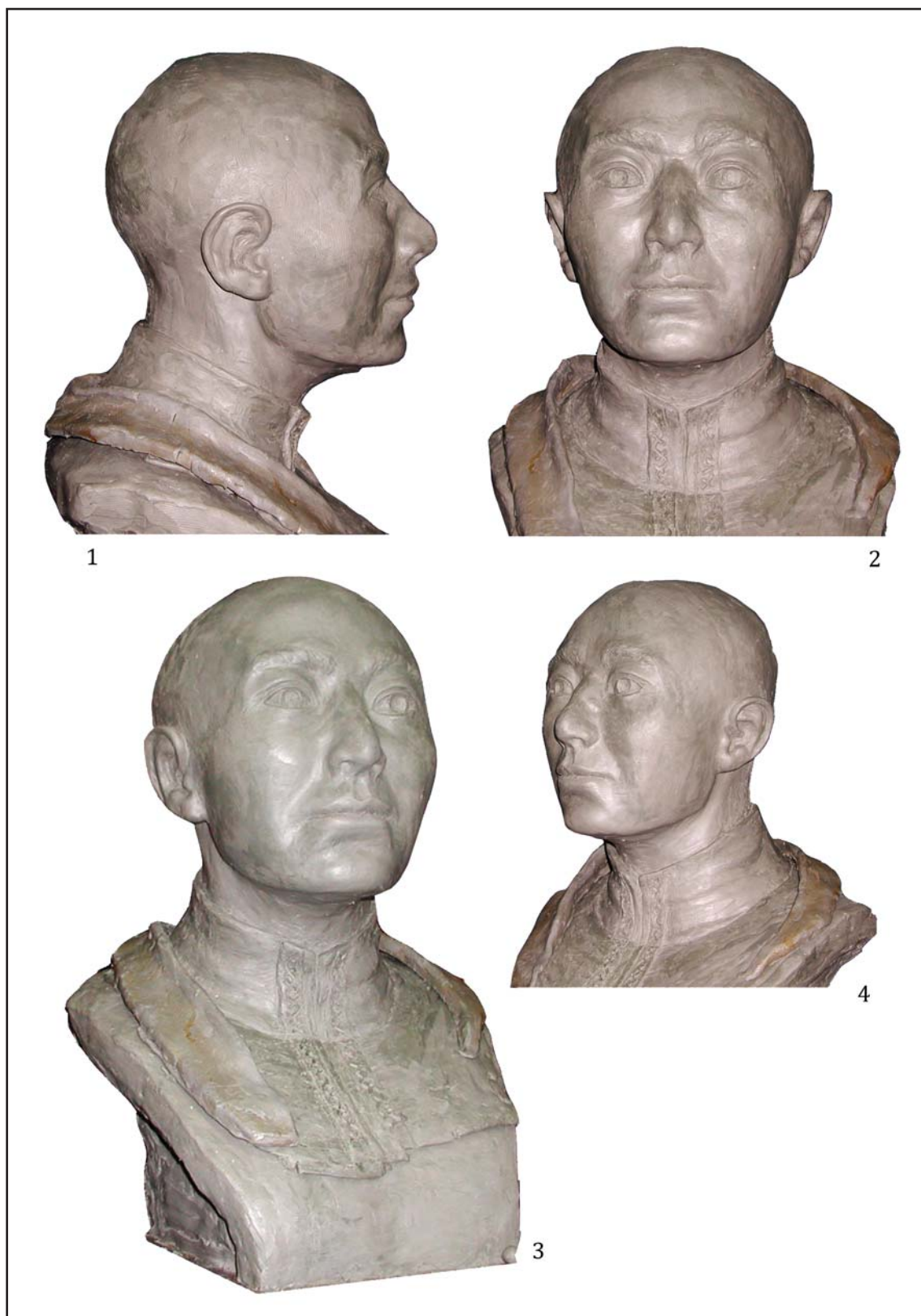

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего из разрушенного погребения могильника Песчаный остров. Автор реконструкции Т. С. Балуева. 1999 г. (по Руденко 2013: рис. 9).

Fig. 5. Sculptural reconstruction of a dead person's look, by skull, from a destroyed necropolis Peschany Ostrov. Reconstruction by T.S. Balueva. 1999 (after Руденко 2013: рис. 9).

савших по этой проблеме, склоняется к мысли, что вышерассмотренные признаки характерны для кочевого населения восточноевропейских степей ордынского времени.

Для Среднего Поволжья эпохи средневековья индивидуумы с выступающими костями носа выявлены в захоронениях кочевников начиная с IX в. Это Лебяжинское погребение в Красноярском районе Самарской области (Газимзянов, Хохлов 1999: 302), причем исследователи атрибутировали его как угорское (Стащенко, Турецкий 1999: 289—301). В Волжском районе Самарской области было изучено погребение кочевника с северной ориентировкой, характерным для кочевников набором инвентаря и с сопребением полной туши коня, взнузданного и экипированного (Стащенко 1999: 174—186, рис. 3). Причем, как отмечают антропологи, у захороненного там мужчины 35—45 лет было очень высокое, резко выступающее переносье (Хохлов 1999: 187). Д. А. Стащенко датировал это погребение XII — серединой XIII в. (Стащенко 1999: 179), однако дату его можно поднять до XIV в. Черты погребального обряда, в котором присутствует сопребение с целым конем, деревянные конструкции зафиксированы в нескольких случаях в захоронениях кочевников XIV в. Самарского Поволжья (Васильева 1979: 230). Аналогичные антропологические особенности отмечены в захоронениях XIV в. на Барбашинском могильнике на Самарской луке (Хохлов 2012: 109).

В любом случае, этот антропологический тип внешне отличается от облика населения Волжской Булгарии домонгольского времени, который характеризуется средними и небольшими размерами переносья и угла носовых костей (Ефимова 1991: 47).

Основным занятием населения, оставившего могильник Песчаный остров, по данным А. П. Бужиловой, было скотоводство (Бужилова 2013: 210—211).

Из сопровождающих умершего животных в засыпи погребений могильника Песчаный остров встречаются черепа и зубы лошадей. Они не связаны конкретно с мужскими, женскими или детскими/подростковыми захоронениями. Черепа лошадей и лошадиные зубы редки в могильниках Волго-Донья, эта черта сближает материалы могильников Песчаный остров и Бальмерского с могильниками Южного Предуралья (Мысков 2015: 234; Иванов, Кригер 1988: 64—65, 82, 83). Показательно и отсутствие конских туш в захоронениях, а также шкур с головой лошади, что является как этнокультурным, так и статусным признаком (Илюшин 2012: 87). Несмотря на то,

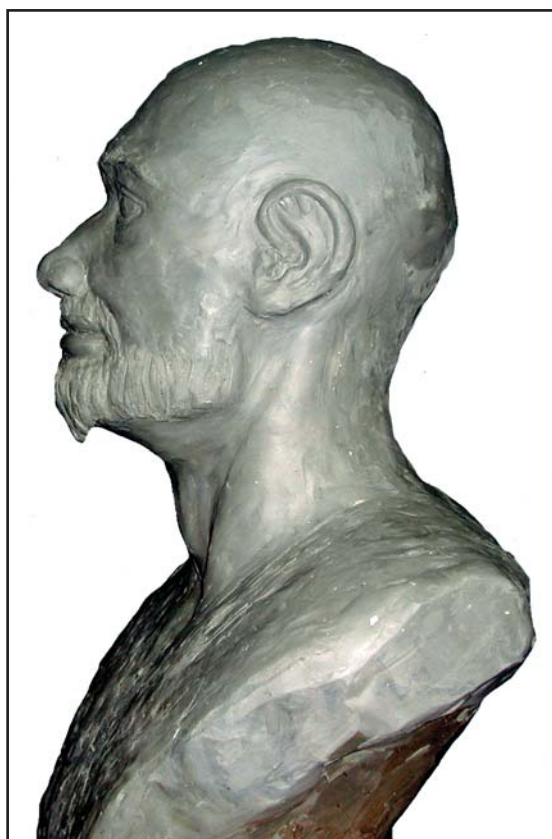

Рис. 6. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего из разрушенного погребения могильника Песчаный остров. Автор реконструкции Т. С. Балужева, 1999 г. (по Руденко 2013: 201, рис. 10: 2).

Fig. 6. Sculptural reconstruction of a dead person's look, by skull (from a destroyed necropolis Peschany Ostrov). Reconstruction by T. S. Balueva. 1999 (after Руденко 2013: 201, рис. 10: 2).

что в хозяйстве рассматриваемого населения лошади играли, без сомнения, ключевую роль, при том, что роль лошади в средневековых кочевых культурах была весьма высокой (Нестеров 1990: 39—51), в погребальных ритуалах кочевников Казанского Поволжья это выразилось только в следующих обрядах: захоронение головы лошади и помещение в могилу конской упряжи и снаряжения.

При наличии в захоронении предметов конского снаряжения (как, например, в погребении 8 Песчаноостровного могильника) подразумевалось и заклание коня, поскольку эти предметы предназначались именно коню, а не умершему человеку, так как конь тоже следовал вслед за хозяином в загробный мир. В этом случае, как писал С. П. Нестеров, конь мог быть умерщвлен у могилы, или в другом месте, а его шкура вывешена на жердях; не исключено, что туша оставалась на съедение зверям или же мясо сжигалось.

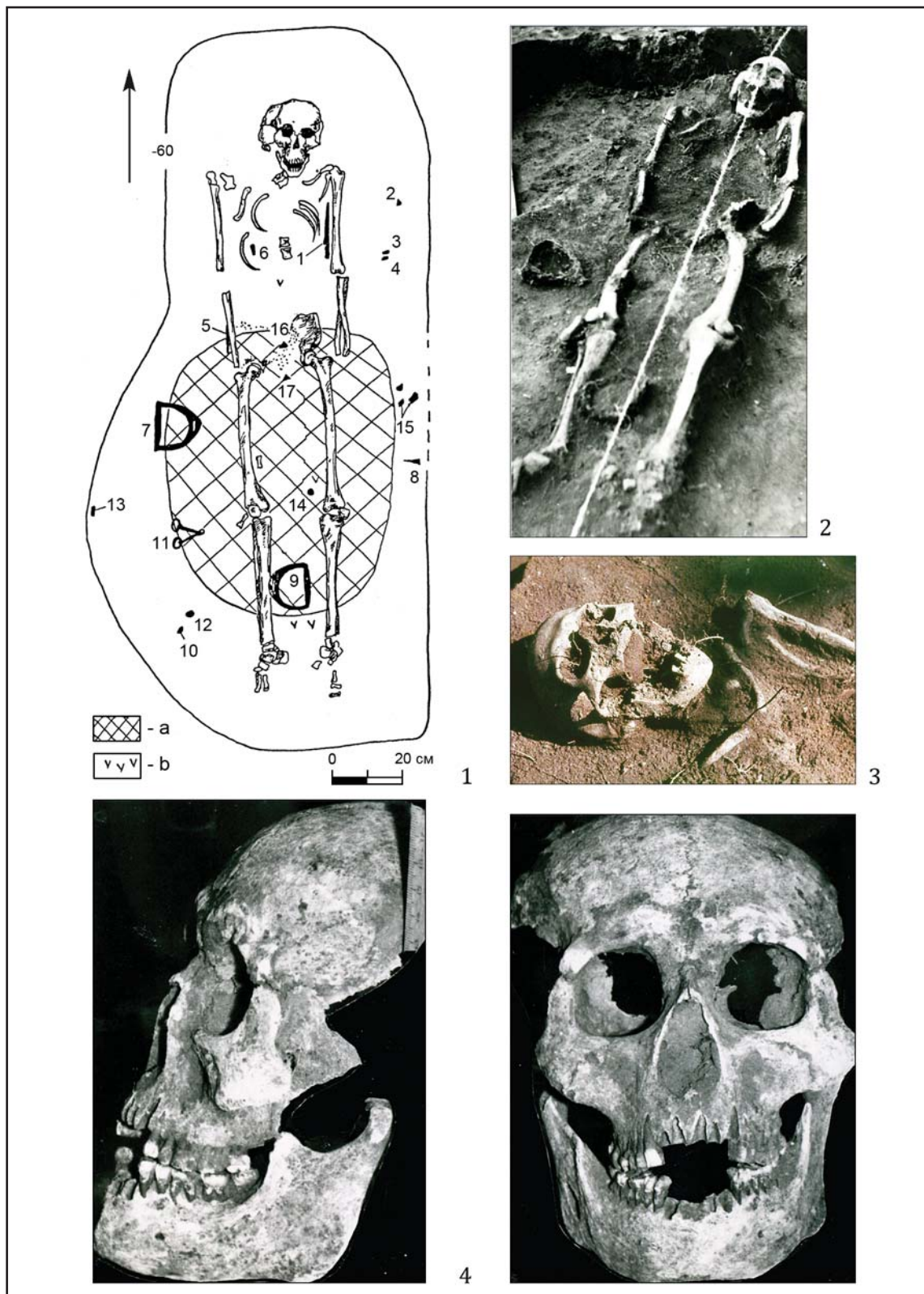

Рис. 7. Могильник Песчаный остров, погребение №8. 1 — план (на плане обозначены: а — прокал; б — уголь; 1, 5 — нож; 7, 9 — стремена; 6 — часть железного предмета; 11 — удила; 15 — кремни, остальное — фрагменты керамики); 2 — погребение в процессе расчистки; 3 — череп погребенного; 4 — череп из погребения (фото автора, 1994 г.) (по Руденко 2013: рис. 8).

Fig. 7. Peschany Ostrov necropolis, burial no. 8. 1 — plan (legend: a — incinerated spot; b — carbon; 1, 5 — knife; 7, 9 — stirrups; 6 — detail of an iron object; 11 — bit; 15 — flints, the rest — ceramic sherds); 2 — burial during cleaning; 3 — skull of the buried; 4 — skull from the burial (photo by the author, 1994) (after Руденко 2013: рис. 8).

Рис. 8. Могильник Песчаный остров. 1 — череп из захоронения №12; 2 — череп из разрушенного захоронения (по Руденко 1999: 75, рис. 4: 3, 4, фото автора).

Fig. 8. Peschany Ostrov necropolis. 1 — skull from burial no. 12; 2 — skull from a destroyed burial (after Руденко 1999: 75, рис. 4: 3, 4, photo by the author).

лось (Нестеров 1990: 63). В этой связи уместно вспомнить наличие конских черепов в Бальмерских курганах. При этом данный факт важен в том отношении, что черепа (=лошадиные головы) всегда находились в насыпи кургана на уровне погребенной почвы и всег-

да рядом с женскими захоронениями (Руденко 2009: 288). Возможно, в данном случае черепа являются следами поминальной тризны.

Из обрядовых действий интерес представляет помещение на грудь умершему черепа собаки без нижней челюсти (Песчаный остров)

и использование огня в погребальном ритуале (дно могильной ямы: могильники Песчаный остров и Бальмерский) (Руденко 1999: 64; 2013: 202, 205). Помещение в захоронение собак встречается у кочевников золотоордынского времени Волго-Донья, а также в Крыму и Приднестровье (Фёдоров-Давыдов 1966: 123, 130, 192; Мыськов 2015: 97). Этот обряд также имеет связь с мировоззрением тюрко-монгольских народов²⁸ средневекового времени: собака как священное животное была проводником в мир мертвых (Руденко 2002: 158).

Следы огненного ритуала в захоронениях восточноевропейских кочевников связаны с тюркским (кыпчакским) населением²⁹, что имеет длительную традицию (Мамонтов, Ситников 1998: 119). На погребальных памятниках Булгарской области Золотой Орды следы огненного ритуала фиксируются в нескольких разновидностях: 1) обожжённые стенки и дно могильной ямы, а также угольки в насыпи (Песчаноостровной, II Лаишевский могильники) (Руденко 1999а: 80—84, рис. 4); 2) обжигание гробовища (Кожяевский могильник) (Руденко 2002: 158); 3) разведение костра над могилой на уровне древней дневной поверхности после засыпки котлована могильной ямы, но до сооружения курганной насыпи (Бальмерские курганы и Лаишевский II могильник) (Руденко 1999а: 80; 2009: 288—289).

Сопровождающая пища была зафиксирована только в двух случаях: нижняя челюсть овцы в Алексеевском захоронении и ребро лошади в изголовье погребения на Усть-Иерусалимском могильнике (Газимзянов 1999: 48; Руденко 2013: 205). Кости барана или овцы встречаются в кыпчакских захоронениях XII—XIII в. Кузнецкой котловины (Илюшин 2012: 76). В Туве, Минусинской котловине и на Алтае отмечено помещение в детские могилы туши барана или овцы. Эти захоронения появляются не ранее VIII—IX вв. н. э. (Нестеров 1990: 83—84). В Самарском Поволжье в кургане №2, датированном ордынским временем, были обнаружены лопатка и кость ноги овцы (Васильева 1979: 221). Овечьи кости (ноги, всегда в сочленении, части туши) встречаются в трех погребениях могильника Мамай-

Гора в Запорожье, датированных первой половиной — серединой XIV в. (Ельников 2004: 93).

Следы ритуальных действий при погребении (кроме костров над могилой) зафиксированы только в кургане 2 Бальмерского могильника — здесь в насыпи был обнаружен разбитый круговой кувшин (диаметр в месте наибольшего расширения тулова — 21 см, диаметр днища — 10,5 см, горлышко отбито) (Руденко 2009: 289). Фрагменты круговых сосудов обнаружены в насыпях курганов ордынского времени на Самарской луке (Васильева 1979: 229).

Таким образом, вышерассмотренные признаки погребального обряда, расположения могильников, особенности ритуала захоронения соответствуют традициям тюркоязычных кочевников ордынского времени восточноевропейских степей и достаточно четко дистанцируются от погребальных обычаев тюрко-монгольских народов Восточной Сибири и Прибайкалья XII—XIV вв. (Николаев 2004: 104—132).

Датировка могильника Песчаный остров и Усть-Иерусалимского погребения определяется на основании стратиграфии (Руденко 1999: 65; Газимзянов 2001: 136). Они располагались на месте существовавших ранее на этом месте поселений золотоордынского времени, с отложившимся в результате их функционирования культурным слоем, содержащим датирующие находки и монеты первой половиной XIV в. (чекан Узбека и Джанибека), в том числе и в насыпи могильных ям (Газимзянов 2003: 45). Поэтому датировка этих захоронений — вторая половина XIV в. Также второй половиной XIV в. — по серебряной монете 1357 г. в погребении — датировано Рождественское захоронение №18 (Генинг и др. 1962: 82—83, табл. XXXIII: 2). Остальные захоронения по инвентарю относятся к золотоордынскому периоду, преимущественно к XIV в. Разногласия были с датировкой погребений 40 и 41 могильника Бабий бугор в Булгаре. А. М. Ефимова, как и А. П. Смирнов, считала, что погребение 40 относится к домонгольскому времени (Ефимова 1974: 28; Смирнов 1951: 184—185), однако Г. Ф. Полякова убедительно доказала их датировку золотоордынским периодом (Полякова 2000: 234—235). По аналогиям вещам из погребений Байряки-Тамакский могильник Е. П. Казаков датировал XIV в. (Казаков 1978: 96).

Таким образом, все рассмотренные могильники и одиночные захоронения относятся к эпохе Золотой Орды, по большей части —

²⁸ Заметим, что в X в. собаки довольно часто помещались и в мажарские погребения, наряду с лошадьми (Эрдели 1972: 136).

²⁹ Впрочем, встречается этот ритуал и у угров Предуралья в материалах чияликской культуры XI—XIV вв. (Гарустович 1988: 132).

XIV в. Курналинская группа³⁰ (рис. 3) является не только компактной территориально, но и достаточно узкой по датировке: вторая половина XIV в. Примечательно, что наряду с типовым набором предметов погребально-инвентаря как в мужских, так и в женских погребениях, здесь отмечены изделия — зеркала, не встречающиеся серийно, или же копии тех изделий, которые не известны в Булгарской области, а также тех, которые имели широкое хождение на территории ордынской империи (см. ниже). Часть их хорошо датируется по аналогиям именно этим периодом.

Погребальный инвентарь (Руденко 2015: 349, рис. 117) представлен украшениями, бытовыми изделиями, предметами вооружения и конского снаряжения (Руденко 1999: 73, рис. 3: 11, 12, 13; 2013: 193, рис. 2: 11). Из предметов туалета отметим бронзовые зеркала, костяные игольницы, железные ножницы и шильца с деревянной рукоятью (Руденко 2013: 198, рис. 7: 2, 3; 12: 3, 4). К предметам вооружения следует отнести железные наконечники стрел из Бальмерского могильника (курган 4, погребение 1), из погребения 18 Рождественского IV могильника, в последнем найдено и халцедонное навершие рукояти сабли (?) (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 8; Руденко 2013: 193, 207, рис. 2: 6, 8; 13: 1—7). В целом эта категория изделий представлена в очень небольшом количестве, по сути, речь идет только о двух захоронениях.

Наиболее интересны железные наконечники стрел (рис. 9: 6—11), найденные в погребении 1 кургана 4 Бальмерского могильника³¹ (Руденко 2003: 282, 400, 405, 412, кат. №21, 636, 673, 734), которые относятся к типам А2а; Б4Зв (по К. А. Руденко), которые встречаются в XIV в. (Руденко 2010: 25, 75, 98). К такому же времени относится и 3 железных наконечника

стрел из погребения 18 Рождественского могильника (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 4). Все они имеют аналогии в материалах монгольского времени, например, на Алтае (Тишкин 2009: 31, 141, 153, рис. 4; 91: 1, 3; 102: 1), а также в кочевнических захоронениях Нижнего Поднепровья XIV в. (Ельников 2004: 102, рис. 3: 7—9).

Из конского снаряжения встречены стремена и удила, которые в одном случае, судя по их расположению в могиле, были положены вместе с седлом (рис. 7: 1, 2) (Руденко 1999: 72, рис. 2: 8; 3: 1, 2, 3; 2013: 193, 206, рис. 2: 7; 12Б: 9). Стремена (2 экз.) представлены экземплярами арочной формы с расплющенной верхней частью и закругленной подножкой. Высота изделия 14,2—16 мм, ширина 13,2—15 см, ширина подножки 4,5—5 см, ширина прорези — 2,5—2,8 см. Относится к типу ДП по типологии Г. А. Фёдорова-Давыдова, использованной нами при систематизации стремян с булгарских памятников XI—XV вв. (Руденко 2000: 52). Стремена этого типа встречаются на булгарских памятниках ордынского времени, хотя преобладающими являются стремена с несколько иной конфигурацией верхней части (Руденко 2000: 90, рис. 14: 1—17), как, например, на изделиях с V Семеновского селища (Казаков 1988: 79, рис. 3: 31, 33). Близкий аналог стремянам из Песчаноостровного могильника имеется на Коминтерновском II селище в Спасском районе РТ, датированном XIII—XIV вв. (Казаков 1993: 121, 127, рис. 5: 25). Вместе с тем, этот тип стремян достаточно часто встречается в кочевнических захоронениях половцев ордынского времени (Плетнева 1973: 69, 71, табл. 21: 6; 23: 4; Круглов, Клепиков 1993: 138, рис. 1: 9, 10; Ляхов, Якубовский 1993: 184, рис. 6: 2; Мыськов 2015: 59, табл. III: тип Б1а3). Наиболее часто они встречаются в курганах середины — второй половины XIV в. (Мамонтов, Ситников 1998: 119, 122, рис. 2: 2). Имеются они в захоронениях кочевников конца XIII—XIV вв. на Алтае (Тишкин 2009: 70, рис. 35).

Удила (3 экз.) все кольчатые (рис. 4: 1), хотя и отличаются разной длиной грызл и величиной колец. Средние размеры одной части грызл составляют 6,5—11 см, сечение квадратное и круглое; кольца диаметром от 3 до 8,5 см, чаще всего 4—5,6 см (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 7; Руденко 2000: 54, 90, рис. 14: 20, 21). Удила из Бальмерских курганов³² достаточно крупные: общая дли-

³⁰ Интересно, что приток р. Курлянки носил название Коман Йылгасы — река Куманка, что, по мнению Ф. Г. Гариповой, связано с этнонимом куман/кобан, каким обозначали кипчаков. В восточных районах Татарстана (в частности, Муслимовском) встречаются названия, связанные с этнонимом «кыпчак» (р. Кыпчак Йылгасы — Кыпчак, приток р. Мушуга) (Гарипова 1991: 98, 201—204).

³¹ Наконечники стрел из рождественского захоронения, как и в других случаях, представлены широко распространенными типами, не имеющими узкой датировки. Само захоронение датируется по монете не ранее 1360-х гг., что позволяет в данном случае считать время изготовления и бытования наконечников стрел из него второй половиной XIV в. Часть наконечников сильно корродирована и не пригодна для анализа.

³² Коллекция НМ РТ, КП 14365-41.

Рис. 9. Балымерские курганы. Инвентарь погребений. Изделия из железа. 1 — удила (НМ РТ, КП №14365-41); 2 — ножницы (НМ РТ, КП №14365-8); 3, 4 — ножи (НМ РТ, КП №14365-36, 37); 5 — кресало (НМ РТ, КП №14365-7); 6—11 — наконечники стрел (НМ РТ, КП №14365-1-6) (составлено К.А. Руденко).

Fig. 9. Balymer mounds. Grave goods. Iron objects. 1 — bit (NM RT, КП no.14365-41); 2 — scissors (NM RT, КП no.14365-8); 3, 4 — knives (NM RT, КП no.14365-36, 37); 5 — steel (NM RT, КП no.14365-7); 6—11 — arrowheads (NM RT, КП no.14365-1-6) (compiled by K.A. Rudenko).

на 26 см, длина грызл 9,6 см, диаметр колец 5,6 см; сечение колец — прямоугольное, грызл — квадратное (0,7×0,7 см). Аналогии им встречаются в кочевнических захоронениях ордынского времени, например, в округе Царевского городища (Мамонтов, Ситников 1998: 121—122, рис. 1: 8; 2: 1).

К украшениям конской сбруи, вероятно, относятся железные конусы, известные в нашем материале в захоронении второй поло-

вины XIV в. на Усть-Иерусалимском могильнике на Булгарском городище и из разрушенного Новосережкинского погребения. Такие артефакты известны в кочевнических золотоордынских захоронениях Волго-Донья с западной и северной ориентировками (Мыськов 2015: 279). Встречаются они и в захоронениях средневековых номадов Южного Урала (Иванов, Кригер 1988: 32, 34, рис. 8: 6, 7; 10: 13). Железный конус находился в со-

ставе погребального инвентаря мужского погребения с северной ориентировкой грунтового могильника Мамай-Гора первой половины XIV в. в Запорожье (Ельников 2004: 88, 97, 103, рис. 4: 1).

Из бытовых предметов найдены: железные ножи с деревянными рукоятями (рис. 9: 3, 4), калачевидные железные кресала (средние размеры: длина — 7,2 см, высота — 3,5 см, толщина — 0,4 см) (рис. 9: 5), пряжки от поясных и портупейных ремней (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 5, 6); в Байряки-Тамакском могильнике — два глиняных прясла (рис. 16: 1, 2) (Казаков 1978: 94, рис. 47: 1, 2; Руденко 2013: 193, рис. 2: 3, 4, 9, 10); одно из них усеченно-биконической, другое — овальной формы; оно же украшено концентрическими окружностями. Глиняные прясла встречаются в золотоордынских кочевнических захоронениях Волго-Донья (Мыськов 2015: 75—76).

Интересно шило из погребения 5 могильника Песчаный остров, датированного второй половиной XIV в. (рис. 4: 3) (Руденко 1994: 133, рис. 3: 4). Форма его деревянной рукояти — трапециевидная с закругленным широким завершением, размеры рукояти: длина 6 см, ширина 2,5 см (рис. 4: 3). Железное шило вбито в рукоять на 2 см. Такие предметы имеют широкие рамки бытования. Кресало близких размеров и формы бальмерскому кресалу встречено в Зауморском могильнике в Саратовском Поволжье второй половины XIV в., такое же в могильнике Мамай-Сурка (Ляхов 1992: 166, 173, рис. 1: Б; Ельников 2006: 66, рис. 38: 3).

В этом же захоронении на могильнике Песчаный остров был найден костяной игольник (рис. 4: 2), украшенный циркульным орнаментом (Руденко 1999: 73, рис. 3: 9; 2005: 87, табл. 11: 204). Аналогичный игольник был найден в погребении 499 могильника Мамай-Сурка, датированном XIV — началом XV в.; встречены они и в других кочевнических захоронениях ордынского времени в Волго-Донье (Ельников 2006: 128, рис. 76: 9; Мыськов 2015: 455, рис. 87: 6). Впрочем, костяные игольники были распространены на Средней Волге и раньше (Руденко 2005: 87, табл. 11: 205—210), но, хотя они мало чем отличались по размеру от песчаноостровного, однако декорированы были совершенно по-иному.

Встречены также железные ножницы (3 экз.) (например, Казаков 1978: 94, 95, рис. 47: 7). Они шарнирные (сегментовидного и клиновидного сечения), с загнутыми лировидными окончаниями ручек; общая длина изделий в среднем 22,3 см, ширина (по окон-

чаниям ручек) — 9 см, толщина 0,9 см. Ножницы встречены только в женских погребениях. По форме окончаний ручек и коротким режущим концам эти ножницы отличаются от домонгольских изделий такого рода, найденных на поселениях (Руденко 2001: 182, рис. 23: 1, 2, 4).

Стеклянные изделия представлены бирюзового и белого цвета в погребении 2 кургана 3 Бальмерского могильника и погребении 5 могильника Песчаный остров (Руденко 1994: 133; 2009: 290).

В женских захоронениях обнаружены металлические зеркала. Первое из них найдено в кургане 1 Бальмерского могильника (рис. 10) (Руденко 2009: 288, 289, рис. 1, 16). Оно круглой формы, диаметром 9,5 см, покрыто патиной серого цвета. На его обратной стороне в центре расположена окружность диаметром 2 см, выделенная рельефным валиком. Внутри нее имеются следы припоя. Бортик зеркала шириной 0,8, высотой 0,4 см, плоский, прямоугольного сечения. Поверхность зеркала между бортиком и центральным кольцом украшена орнаментом из соприкасающихся друг с другом четырехлепестковых розеток, образующих геометрическую сетку из окружностей и вписанных в них ромбовидных фигур. Пространство внутри ромбов иногда заполнено двумя-тремя перлами. Лепестки условных розеток разделены пополам.

Этот орнамент на металлических зеркалах Среднего и Нижнего Поволжья средневековой эпохи очень редок. Из обширной коллекции зеркал с булгарских памятников известно всего еще два фрагмента³³ (Руденко 2001: 209, рис. 50: 10) от зеркал с таким декором. После специального исследования этого зеркала выяснилось, что датируется этот артефакт первой половиной-серединой XIV в., а его прототип имеет хорезмийское происхождение (Руденко 2017: 230—233; 2017а: 170—175).

Второе зеркало — из кургана 3, погребения 2 Бальмерских курганов имеет обломанную декоративную ручку трапециевидной формы; не орнаментировано (Руденко 2001: 206: рис. 47: 8). Оно обнаруживает многочисленные аналогии в древностях как кочевников восточноевропейских степей XI—XIV вв., так и в материалах поселений преимущественно ордынского времени (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 330, табл. XXVII: 23; Мыськов 2015: 91, табл. XIII: тип АIIIа).

³³ Коллекция НМ РТ, КП 7798, АА 8-6 и БГИАМЗ, КП 554-14/277.

Рис. 10. Зеркало из Бальмерских курганов (курган 1). Бронза, литье. Раскопки Е. А. Халиковой. Коллекция НМ РТ, инв.№14365-8/1 (фото М. М. Багаутдинова).

Fig. 10. Mirror from Balymer mounds (barrow 1). Bronze, cast. Excavations led by E. A. Khalikova. Collection of NM RT, inv. no. 14365-8/1 (photo by M. M. Bagautdinov).

Третье зеркало — из погребения 5 могильника Песчаный остров (рис. 4: 6) круглой формы, диаметром 6,5 см, с невысоким бортиком треугольного сечения, находилось в небольшом полотняном мешочке, скроенном по форме зеркала и прошитом по краю толстой нитью (рис. 4: 7). Обратная сторона зеркала украшена по краю крупными наклонными насечками, а орнаментальное поле занято крестовидной фигурой со стрелчатыми окончаниями, в каждом из которых помещена восьмилепестковая розетка с точками в каждом из лепестков. Между розетками, на основании арочки расположены три точки, сгруппированные в виде треугольника. В центре этой композиции имеется выступающее на несколько миллиметров кольцо диаметром 1 см, скорее всего, для фиксации петельки, от которой остались только следы припоя. Последняя была, вероятно, утрачена еще при жизни владелицы, и после этого зеркало носилось в матерчатом чехле. Фон декорированной стороны зеркала, в пространстве между стрелчатыми арками, заполнен раппортом в виде растительного побега с боковым отростком в зеркальной симметрии. Окончания стеблей касаются контура центральной фигуры. В целом автор этого рисунка пытался создать образ распустившегося цветка на фоне пышных растений, символизовавших, вероятно, райский сад.

Такие зеркала в болгарских древностях единичны. Несколько фрагментов от таких изделий происходит из Булгарского городища (Руденко 2001: 209, рис. 50: 7, 8, 9). Что касается изображений, то мотив розетки с точками в лепестках известен в исламском изобразительном искусстве как минимум с XI—XII вв., как, например, на некоторых фигурах львов в Термезском дворце, датированных этим временем (Веймарн 1940: 39, ил. 18; Алпаткина 2009: 185—196). Точного соответствия композиции этого зеркала в кочевнических золотоордынских древностях Волго-Донья нет, хотя мотив розетки такого типа известен, но в совершенно ином композиционном решении (Мыськов 2015: 90, табл. XII, тип БПв1).

Четвертое зеркало — из Алексеевского захоронения (рис. 11), круглой формы, диаметром 7,5 см, с бортиком треугольного сечения высотой 0,3 см. На обратной стороне зеркала изображены четыре стилизованные фигуры сфинксов, выполненные в контурном стиле. Сфинксы показаны шествующими друг за другом против часовой стрелки. Фигуры являются не копиями друг друга, а вариациями образа фантастического существа, у которого туловище кошачьего животного (льва или гепарда) с поднятым вверх изогнутым хвостом, с крыльями, растущими из лопаток, и схематически показанной головой, судя по аналогиям, человеческой. Левая передняя лапа существа выставлена вперед, правая передняя лапа является опорной, задние лапы — левая отставлена назад, правая вынесена вперед.

Оригиналы таких зеркал (как и их стилизации) в Булгарии не встречаются, но прототипы или близкие по оформлению зеркала известны на Нижней Волге и в Саратовском Поволжье (Недашковский 2000: 48, рис. 9: 6; Мыськов 2015: 94, табл. XVI, тип БШо). Однако ни в том, ни в другом случае таких стилизованных рисунков не встречено. Схематические рисунки неких четырех существ имеются на зеркале из местонахождения Брик-Алга в Башкирии, датированного XIV в. (Гарустович 2012: 74, 229, рис. 11: 6). Такие же странные существа изображены на зеркале из раскопок П. С. Рыкова курганного могильника золотоордынского времени Лысье горы (курган 1) в Саратовской области (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 317, табл. XIV: 5).

Пятое зеркало — из Алексеевского кургана у моста (рис. 12), круглое, диаметром 6,5 см, с выступающим бортиком треугольного сечения. На обратной стороне изделия у бортика расположен орнаментальный поясик из на-

Рис. 11. Зеркало из Алексеевского захоронения. Бронза, литье (по Руденко 2013: рис. 3: 2).

Fig. 11. Mirror from Alexeevsky burial. Bronze, cast (after Руденко 2013: рис. 3: 2).

клонных коротких отрезков. Такой же пояс оконтуривает центр зеркала диаметром 3 см (внутренний диаметр — 2 см), оставляя свободное пространство для крепления ручки (здесь заметны следы припоя). Свободное пространство между этими двумя поясками заполнено орнаментом — четырьмя «кнопками» и между ними — стилизованным контурным рисунком типа растительного побега. Такие зеркала, точнее, оригиналы их, часто встречаются на булгарских памятниках золотоордынского времени, а исходные образцы имеют китайское происхождение эпохи Хань. Это копия уже с золотоордынских изделий. Отливка неаккуратная, с заплывами металла по краю, рисунок нечеткий и, скорее всего, получен в результате отиска оригинала (по-видимому, тоже невысокого качества) в глину или песок. Зеркало лёгкое по весу, поверхность загрязненная.

Аналогии зеркалам такого типа многочисленны и встречаются повсеместно на территории Золотой Орды, чаще на поселениях (Федоров-Давыдов 1966: 79, 83, рис. 13: тип С1; Руденко 2001: 207, рис. 48: 12). Находят их, хотя и в единичных случаях, в кочевнических ордынских захоронениях, где известны как достаточно качественные отливки, так и весьма посредственные копии (Мыськов 2015: 92, 102, табл. XIV, тип БШб1 и БШ,2). Почти точный аналог этого зеркала, только более крупный — диаметром 9,5 см, имеется в коллекции с местонахождения Брик-Алга,

Рис. 12. Зеркало из Алексеевского кургана у моста.

Бронза, литье. Коллекция Музея родного края им. В. И. Абрамова Алексеевского района РТ. МРК КП 517 (фото К. А. Руденко).

Fig. 12. Mirror from Alexeevsky barrow, at the bridge. Bronze, cast. Collection of the Museum of Local Lore, Alexeevsky district of the Republic of Tatarstan. МРК КП 517 (photo by K.A. Rudenko).

датированного концом XIV — началом XV в., а также из Увека (Гарустович 2012: 73, 197, 229, рис. 11: 2, 3; Недашковский 2000: 49, 53, рис. 9: 10). Известен «гибридный» вариант, совместивший в своём декоре элементы орнаментики четвертого и пятого зеркал. Он происходит из кургана 5 могильника Алебастрово II (Иванов, Кригер 1988: 35, рис. 11: 7). На нем орнаментальное поле, ограниченное двумя заштрихованными поясками, занято четырьмя фигурами животных (не сфинксов), между которыми расположены стилизованные «кнопки».

Шестое зеркало — из погребения №134 Усть-Иерусалимского могильника в Булгаре (рис. 13), круглое, диаметром 7,5 см, с выступающим бортиком треугольного сечения. На обратной стороне его — стилизованное изображение двух рыб. В центре обратной стороны изделия остались следы от петельки для крепления (создается впечатление, что при помещении зеркала в захоронение петельки для ношения зеркала специально удалялись). Рыбы, изображенные в контурном стиле, показаны плывущими друг за другом по часовой стрелке. Фон изображения заштрихован, причем штриховка не регулярная, а хаотическая, где-то «смазанная», отдельные участки заштрихованы в косую сетку, местами — лучи, исходящие как бы из одного источни-

Рис. 13. Зеркало из погребения 134 (раскоп СXXXIV, 1999 г.) Малоиерусалимского могильника на Булгарском городище. Бронза, литье. Коллекция БГИАМЗ, КП 814-8/294 (по Яблонский 2013: 301, прорисовка К.А. Руденко).

Fig. 13. Mirror from burial 134 (dig CXXXIV, 1999) of Maloierusalimsky cemetery on Bolgar town. Bronze, cast. Collection of BHAMR, КП 814-8/294 (after Яблонский 2013: 301, drawing by K.A. Rudenko).

ка, пересечены одной-двумя линиями. Сами рыбы имеют условно-стандартную форму: вытянутая острая голова (у одной из рыб голова с округлой нижней частью), отделенная от остального туловища двумя линиями, и широкий раздвоенный хвост, напоминающий тюльпан. Верхние и нижние плавники не показаны. Туловище — вытянутое подтрапециевидное, заштрихованное в косую сетку (вероятно, так показана чешуя).

В основе этого сюжета — изображение пары рыб, популярное на китайских зеркалах эпохи Сун. Однако рисунок в контурном стиле для сунских зеркал не характерен, хотя достаточно часто встречается на зеркалах в кочевнических захоронениях XIV вв. В качестве примера последнего можно привести зеркала из Самарского Поволжья и почти точную аналогию из Булгара (Руденко 2015б: 137, рис. 1: 10, 13; Васильева 1985: 176, 178, рис. 4: 1). Контурный стиль больше распространен в Предуралье и в меньшей степени встречается в Волго-Донье, в частности, изображения пары рыб в близкой манере встречены только в одном случае (из случайных находок) (Мыськов 2015: 91, 102, табл. XIII, тип БПт). Схематическое изображение рыб име-

ется на зеркале из Укека. Это зеркало достаточно крупное по размерам, его диаметр 9 см (Недашковский 2000: 55, 56, рис. 10: 2). Из культурного слоя Булгарского городища и с Полянского селища³⁴ происходят фрагменты зеркал с подобными рисунками (Руденко 2001: 207, рис. 48: 11).

Седьмое зеркало происходит из погребения 40 могильника Бабий бугор в Булгаре (рис. 14: 3). Оно круглое, диаметром 7 см, с чуть выступающим бортиком у края, украшено с обратной стороны крестовым орнаментом, на пересечении линий — петелька (обломана). Зеркало было завернуто в шелковую ткань, расшитую золотой нитью. А.М. Ефимова датировала его домонгольским временем (Ефимова 1960: 191). Однако Г.Ф. Полякова отметила, что такие зеркала встречены в золотоордынских слоях Булгарского городища, а аналогии другим предметам погребального инвентаря из этого захоронения указывают на золотоордынское время (Полякова 2000: 234—235).

Восьмое зеркало (фрагменты) (рис. 15: 5) происходит из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. Диаметр его 13,5 см; на обратной стороне изображение (очень плохой сохранности, вероятно, из-за многочисленного тиражирования исходного образца) бегущих по кругу (по часовой стрелке) животных в верхнем орнаментальном поясе; в среднем и во внутреннем поясах — растительные побеги. Бортик зеркала высокий, вертикальный.

Такие зеркала часто встречаются на поселениях (например, в Укеке — см. Недашковский 2000: 49, рис. 9—12), однако редки в кочевнических захоронениях; причем в Волго-Донье и в Предуралье не известно ни одной такой находки. Одно зеркало с бегущими животными (т.н. «гон животных») встречено в кургане 8 (погребение 1) могильника Шархалсун на Ставрополье (в Центральном Предкавказье), датированном серединой-второй половиной XIV в. (Бабенко 2012: 201, 208, 225, рис. 18: 1).

Девятое зеркало с арабской надписью (рис 16: 4) — из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. У него высокий вертикальный бортик и ушко-петелька в центре. Диаметр его 7 см. Аналогичное зеркало было найдено в зеленовском погребении. Надпись на последнем прочитал Ф.Х. Эрдман: «Величие и власть и блеск, и благословение Божие и богатство, и му-

³⁴ Коллекция НМ РТ, КП 5363-46 и 5360-1.

дрость... хвала и отличие и могущество, и долголетие и сила... (да будут) владельцу сего!» (Эрдман 1832: 275). Такие же артефакты известны на булгарских памятниках ордынского времени (Руденко 2001: 207, рис. 48: 8, 9; 2004: 150, рис. 15: 1—6). Байряки-Тамакское зеркало является подражанием или плохой копией с нечитаемой, по сути, стилизованной надписью.

Десятое зеркало с высоким бортиком (рис. 15: 6) также происходит из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. Диаметр его 7,6 см; изображение на обратной стороне — нечеткие контуры четырех рельефных человеческих (?) фигур, между которыми расположены также рельефные драконы (?). Зеркала с таким рисунком являются очень распространенными на поселениях Булгарской области Золотой Орды, чуть меньше их на Увекском городище (Недашковский 2000: 49, 51, рис. 9: 4). Три экземпляра такого типа зеркал обнаружены в кочевнических захоронениях округа Царевского городища (Мыськов 2012: 103). В Предуралье в кочевнических курганах таких артефактов не отмечено.

Отметим, что зеркала в кочевнических захоронениях Курналинской группы, как и в кургане 1 Бальмерского могильника, представлены редкими экземплярами, которые практически не встречаются на булгарских поселениях, в том числе и на расположенных рядом с кочевническими могильниками (Руденко 1994: 137, рис. 7: 7, 8). Единственное целое зеркало, но с изображением цветов, встречено на поселении Дамба I (рис. 3: 9) (Руденко 1994: 137, рис. 7: 9; 1998: 68, рис. 18). Оно круглое с высоким бортиком, рисунок сильно стерт или отлит некачественно (рис. 16). Аналогии ему многочисленны: известны такие зеркала с Булгарского городища (Руденко 2001: 206, рис. 47: 14; 2004: 174, рис. 12: 2—10), встречаются и в захоронениях кочевников, например, Зауморском в Саратовском Поволжье (курган 1, погребение 1 и курган 14, погребение 1), датированном 2-й половиной XIV в. (Ляхов, Якубовский 1993: 179, рис. 2: 1; Ляхов 1992: 179, рис. 7: Д) или Царёвском могильнике (курган 15) в Волгоградской области в той группе, погребения которой могут датироваться XIV в. (Мамонтов, Ситников 1993: 200, рис. 8: 6). К этому списку можно добавить могильник Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье первой половины-середины XIV в., правда, в последнем случае рисунок на зеркале более сложен по композиции и тонок по исполнению, чем в предыдущих случаях (Ельников 2004: 97, 106, рис. 7: 3). Аналогичное по-

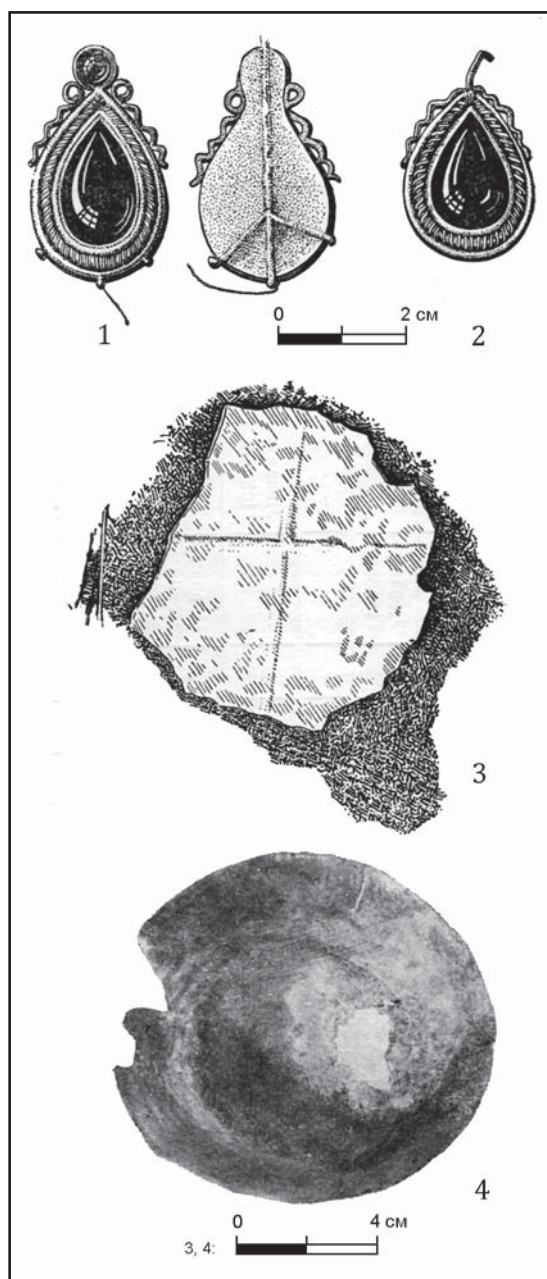

Рис. 14. Могильник Бабий бугор на Булгарском городище. 1, 2 — подвески из погребения 40; 3 — зеркало из погребения 40 (НМ РТ, инв. №10999, АА 178-176); 4 — бронзовая чашка из погребения 41 (по Ефимова 1960: 184, 185, рис. 2: 1—3; 3: 5).

Fig. 14. Babiugor cemetery on Bolgar town. 1, 2 — pendants from burial 40; 3 — mirror from burial 40 (NM RT, inv. no. 10999, AA 178—176); 4 — bronze cup from burial 41 (after Ефимова 1960: 184, 185, рис. 2: 1—3; 3: 5).

следнему зеркало происходит из Аткарского могильника золотоордынского времени в Саратовской области (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 85, 86, табл. V: 12). Известны они и в Самарской области (Васильева 1979: 235, рис. 17: 2). Родиной этого орнаменталь-

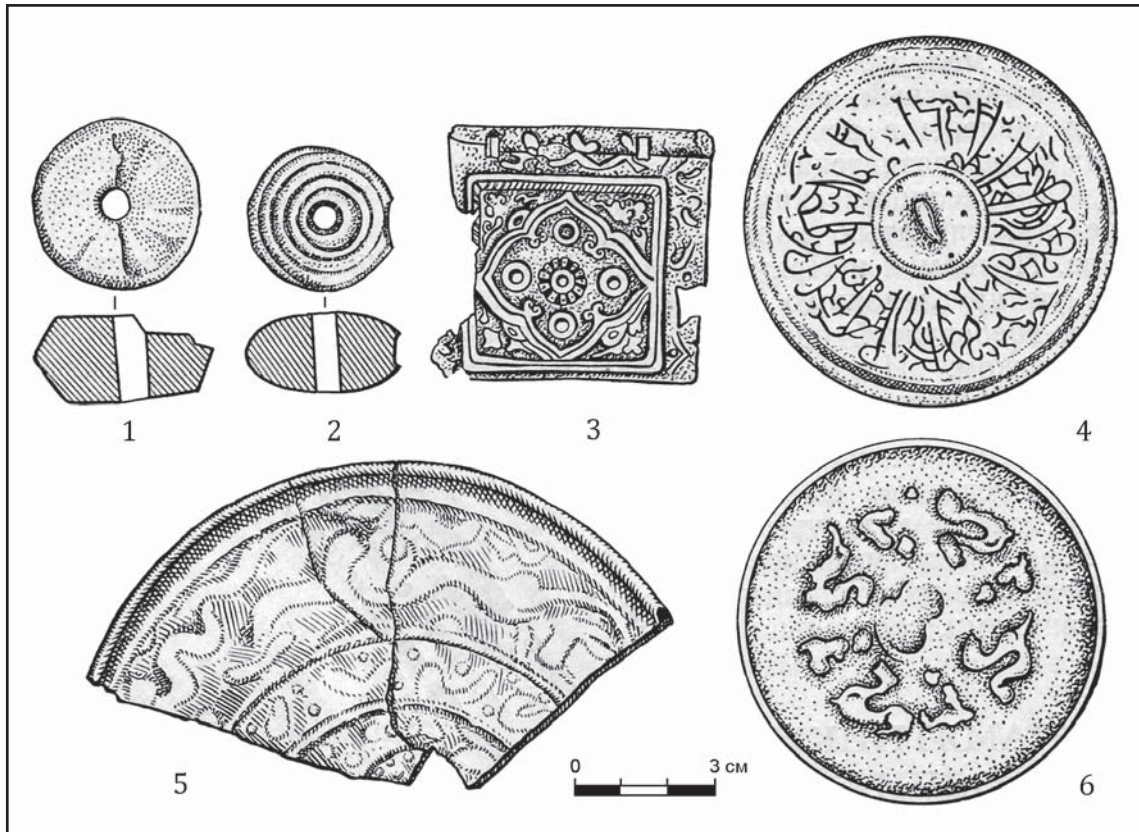

Рис. 15. Находки из Байряки-Тамакского могильника. 1, 2 — глиняные прясла; 3 — металлическая пластинка с орнаментом; 4—6 — металлические зеркала (по Казаков 1978: 94, рис. 47).

Fig. 15. Finds from Bairyaki-Tamak cemetery. 1, 2 — clay spinning wheels; 3 — ornamented metal plate; 4—6 — metal mirrors (after Казаков 1978: 94, рис. 47).

ного мотива можно считать Среднюю Азию. Прототип его в виде цветов тюльпана (?) имеется на угловой колонке на Северном мавзолее в Узгенде, датированном 1152/53 гг. (Веймарн 1940: 40, ил. 19).

Более того, на поселении, предшествовавшем Песчаноостровному могильнику, существовавшем в конце XIII — первой половине XIV в., два зеркала, найденные в объектах, декорированы совершенно по-иному: расходящимися от центра линиями на одном (рис. 17: 2) и крестообразно пересекающимися линиями — на другом (рис. 18: 1) (Руденко 1998: 65, 67, рис. 9: 18; 11: 25).

Бронзовые штампованные накладки треугольной формы с рельефным орнаментом в виде выпуклых кружков, обведенных рубчатым кантиком (2 экз.: погребения 5 и 6 Песчаноостровного могильника) (Руденко 1999: 73, рис. 3: 11, 12), имеют аналогии в кочевнических некрополях XIV в., например, в погребении 80 Новохарьковского могильника, датированного не ранее 30-х гг. XIV в. (Винников, Цыбин 2002: 56, 99, рис. 21: 3, цв. вклейка), и рассматриваются как нашив-

ки на одежду³⁵ (Кравец 2005: 41—42, рис. 7: 15, 16), хотя есть мнение, что они являлись украшением очелья (Ельников 2006: 126: 128, рис. 76: 1). Аналогичная накладка обнаружена на Царевском городище, в постройке, датированной концом 1350-х — начала 1360-х гг. (Фёдоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 113, табл. IV: 20). В целом этот вид накладок был весьма популярен у кочевого населения в XIV в., учитывая, что встречались и иные дизайнерские решения этих поделок, например, в виде ромба, хотя композиция и приемы оформления оставались без изменений (Ильюков, Казакова 1988: 123, рис. 26: 9).

Серьги (2 экз.) были найдены только в захоронении 40 могильника Бабий бугор в Булгаре (рис. 14: 1, 2) (Ефимова 1960: 191, рис. 3: 3; Полякова 2000: 233, 234, рис. 3: а). Серьги миндалевидной формы были сделаны из пластинки серебра; в центре припаяна вставка-

³⁵ Так, в погребении 80 Новохарьковского могильника такая накладка находилась под правой ключицей (Винников, Цыбин 2002: 54, 55).

кабошон каплевидной формы, закрепленная в низком касте, последний окантован сканной проволочкой (т.н. воздушная скань). В нижней части серьги — три петельки, образованные тремя гладкими проволочками, припаянными с обратной стороны серьги. В верхней части имеется полусферическая бляшка? к которой крепятся две проволочки в виде змейки (рис. 14: 1). Приведенные Г. Ф. Поляковой аналогии позволяют датировать эти украшения золотоордынским временем (Полякова 2000: 234, рис. 3: 6), что подтверждается и новыми находками подобных изделий (Табалдиев, Жолдошов 2007: 216, рис. 2: 8). А. М. Ефимова верно отметила, что такие серьги прямых аналогий в булгарских ювелирных украшениях не имеют (Ефимова 1960: 191), но можно уточнить, что по стилистике достаточно близки украшениям Симферопольского клада первой половины XIV в., изготовленным в южных районах Золотой Орды (Сокровища... 2000: 291—293, кат. №308—316). Распространение на памятниках средневожжских кочевников украшений со вставками и со сканными узорами приходится на середину — вторую половину XIV в. Причем дизайн таких изделий, как и материал для вставок, был достаточно разнообразен: использовались медь, серебро, золото, поделочные камни, стекло (Васильева 1985: 174—175).

Браслет из белого металла (1 экз.) (Руденко 2015: 349, рис. 117: 13) найден в засыпи захоронения 11 на Песчаноостровном могильнике. Он пластинчатый, штампованный, с тремя продольными неглубокими желобками. Окончания его обломаны. По типу он близок к браслетам с изображением львиных личин (Руденко 2015а: 321, ил. 505), где в ряде случаев спинка изделий имеет такой же дизайн. Эти браслеты изготавливались только в период Золотой Орды.

Накладка со штампованным орнаментом (1 экз.) из Баряки-Тамакского могильника (Казак 1978: 94, рис. 47: 3) небольшого размера (5,5×5,7 см), украшена рисунком в виде четырехлепестковой розетки с килевидными окончаниями, вписанной в квадрат; в центре розетки помещен кружочек, окаймленный рубчатой полоской; а в центре лепестков — чуть выпуклые кружочки. Подобного рода артефакты встречаются в захоронениях кочевников XIV в., например, в Глазуновском могильнике в Волгоградской области (Кравец 2005: 41—42, 129—130, рис. 64: 9). Е. П. Мыськов атрибутировал такие изделия как амулеты (Мыськов 2015: 182, табл. XXXI: тип АIIа2).

Металлическая посуда в захоронениях не зафиксирована, за исключением неболь-

Рис. 16. Зеркало с поселения Дамба I. Бронза, литье. Подъемный материал. Коллекция Тетюшского краеведческого музея (фото К. А. Руденко).

Fig. 16. Mirror from settlement Damba I. Bronze, cast. Stray materials. Collection of the Museum of Local Lore from Tetyush (photo by K. A. Rudenko).

шой медной чашечки (диаметр 16 см) в погребении 41 могильника Бабий бугор в Булгаре (над черепом) (рис. 14: 4) (Ефимова 1960: 184, рис. 3: 5; Смирнов 1951: 185). Для золотоордынского времени металлическая посуда (например, медные котлы) в кочевнических захоронениях мало характерна, чаще всего использовались медные чашки, имитационные символы из листа меди и т.п. (Иванов, Кригер 1988: 16, рис. 13: 18). Медные котлы встречаются в захоронениях кочевников (преимущественно половцев) восточноевропейских степей до монгольского нашествия, хотя и в ордынский период такие находки известны (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 146—147, рис. 17: 16). Из ближайших аналогий отметим находку медной чашечки в кургане 2 Александровского могильника в Самарской области в погребении XIV в. (Васильева 1979: 221, рис. 11: 1).

Вещи в захоронениях располагались у плеча или у предплечья (могильник Песчаный остров), либо у головы, на груди, у таза или в ногах (Бальмерский могильник; Рождественское и Алексеевское захоронения). Типы бытовых предметов, как и состав инвентаря, в целом близки у всех рассмотренных захоронений, что позволяет предположить их синхронность. Основные аналогии вещам относятся к XIV в., а учитывая стра-

Рис. 17. Зеркала с селища Песчаный остров. Бронза, литье. 1 — раскоп VIII, яма 3; 2 — раскоп III, яма 28. Раскопки К. А. Руденко. Собрание НМ РТ (фото К. А. Руденко).

Fig. 17. Mirror from Peschanyi Ostrov settlement. Bronze, cast. 1 — dig VIII, pit 3; 2 — dig III, pit 28. Excavations led by K. A. Rudenko. Collection of NM RT (photo by K. A. Rudenko).

тиграфическую дату могильника Песчаный остров и находку монеты 1357 г. в Рождественском захоронении — ко второй половине этого столетия.

Подводя итог анализу материалов кочевнических могильников Булгарской области Золотой Орды (табл. 2), можно отметить следующие характерные их черты: отсутствие подбойных могил, захоронений коней и сбруи; редкая встречаемость или отсутствие оружия; отсутствие кирпичных сооружений; высокая доля погребений без вещей; наличие следов огненного ритуала и тризн. Аналогичные признаки типичны для части захоронений кипчаков Самарского Поволжья, Среднего Подонья, как, впрочем, и Приуралья в XIV в. (Васильева 1979: 230; Кравец

2005: 96, могильники типа II). Интересно, что в этих захоронениях ни разу не были встречены колчаны с накладками, характерные для элитных кочевнических погребений (Малиновская 1974: 132—175). Курганы с земляными насыпями, с могильной ямой прямоугольной формы, простые, иногда с деревянным перекрытием, редко чучела коня или отдельные его части; ориентировка — западная, с отклонениями к северу и югу, или северная, как это зафиксировано в Бальмерских курганах, типичны для западной группы кипчакских захоронений Южного Урала (Иванов, Кригер 1988: 47, 49, рис. 17). Мнение Е. П. Мыськова, выдвинувшего гипотезу о принадлежности захоронений с северной ориентировкой этническим монголам (Мыськов 2015: 276), в данном случае кажется неприемлемым из-за хронологической паузы в почти 100 лет, отделявшей период завоевания от времени, когда эти захоронения были совершены, и встречаемостью синхронных захоронений с разной ориентировкой на одном могильнике (например, Песчаный остров).

Анализ погребального обряда и инвентаря показал ряд особенностей этой группировки, отличавших ее от других кочевнических могильников эпохи Золотой Орды: отсутствие сложных конструкций могильных ям, устойчивого и типичного комплекса вещей, например, серег в виде знака вопроса, онгонов (в захоронениях), цилиндрических подвесок, берестяных бокк, монет и колчанов с костяными накладками, как, впрочем, и предметов вооружения вообще. Интересно, что в культурном слое и в объектах на Булгарском городище встречаются костяные накладки на колчан, имевшие статусный характер, а в межмогильном пространстве городских некрополей (могильник у Малого минарета) известны и онгоны (Ефимова 1969: 73), но в погребальном инвентаре их нет. Объяснить это только лишь процессом исламизации кочевников в Улусе Джучи, как было показано в ряде исследований (Кравец 2005: 100), нельзя. Сам факт преобладания языческого ритуала свидетельствует о сложности проходивших в восточноевропейских степях и на сопредельных территориях, включая и земли с давними традициями ислама, как в Волжской Булгарии, процессов культурогенеза.

Отметим, что предметы из состава погребального инвентаря имеют полные соответствия среди находок на расположенных рядом селищах, что определяет связь между ними. Эта ситуация была рассмотрена нами, и здесь мы на ней не останавливаемся (Руденко 2002: 154—165). Можно только отметить,

что этот факт свидетельствует не о временном и случайном пребывании кочевого населения в центре Булгарской области, а о постоянном присутствии здесь кочевников, по крайней мере, во второй половине XIV в. Вместе с тем, есть и другая закономерность — номады в Булгарской области не кочевали близ городов и крупных населенных пунктов (хотя погребения кочевников, в основном женщин, на городских кладбищах города Булгара известны, о чем говорилось выше), несмотря на то, что у центра Булгарского улуса — Булгара сельская округа практически отсутствовала и препятствия для этого едва ли были. Если для нижневолжских городов характерно расположение кочевнических курганов близ городов, то в Булгарской области этого нет. Другой пример такого рода — Азак, где следы кочевого населения (несмотря на то, что захоронения кочевников на периферии самого города известны) в непосредственной близости отсутствовали (Масловский 2009: 325). Это отнюдь не значит, что кочевники в Булгарской области были оторваны от городов. Скорее всего, механизм взаимодействия двух систем хозяйствования — оседлой и кочевой — был иной, чем в других областях Золотой Орды³⁶.

Таким образом, анализ кочевнических материалов Булгарской области Золотой Орды демонстрирует схожие черты погребального обряда (табл. 2) и близкий состав сопровождающего инвентаря. Это позволяет говорить как о близком времени их функционирования, так и об определенном сходстве в этнокультурном плане. Судя по датировкам рассмотренных могильников и одиночных захоронений, можно считать, что эти кочевые или полукочевые группы в составе населения Булгарского улуса постоянно находились здесь в XIV в., о чем свидетельствуют и материалы связанных с ними стационарных поселений в местах расположения их могильников (селища Дамба I—III; Первомайское и др.) (Руденко 1994: 127—128). На этих поселениях достаточно часто встречаются и следы ремесленного производства, в том числе изготовления железных изделий, например, на селище Дамба III, расположенном поблизости от Песчаноостровного могильника зафиксиро-

рованы остатки кузницы с ямой, заполненной шлаками, и несколькими товарными железными крицами (рис. 18: 13). Здесь же собраны медные и серебряные монеты — в основном XIV в. (Руденко 1994: 129, табл. А).

Интересны материалы Мало-Каратаевского селища в Лениногорском районе Республики Татарстан — одного из поселений, расположенных на территории кочевания кыпчаков, с выразительным набором бытовых и хозяйственных предметов золотоордынского времени, собранных в подъемном материале. Помимо них, здесь были обнаружены железные наконечники стрел (рис. 20), среди которых — лопастной наконечник со сквозными отверстиями, характерный для средневековых древностей Сибири XII—XIV вв. (Худяков 1980: 75—112), но не известный на булгарских памятниках (рис. 19: 1), как и еще один наконечник с вёсловидной лопастью (рис. 19: 2). Остальные наконечники стрел — черешковые, без упора и с узелковым упором, — маловыразительны (рис. 20: 1—14) и относятся к типам с широкой датировкой в рамках XI—XIV вв. (Руденко 2003: 351—355; 477—478, табл. XX; XXI). Найдены также удила и пара стремян (рис. 21), фрагменты браслетов золотоордынского времени с изображениями львиных личин (рис. 22). Аналогии этим браслетам достаточно многочисленны (Руденко 2015а: 342, 346, рис. 100; 104).

В этом районе находился кочевнический могильник у с. Новое Сержкино (рис. 2: 12)³⁷, рядом с которым выявлено еще одно обширное селище золотоордынской эпохи, где местные жители находили бытовые железные изделия, фрагменты чугунных котлов и т.п. вещи. Такое соседство кочевников и земледельцев, видимо, было характерно в целом для Булгарского улуса.

Большая часть рассмотренных могильников кочевников и одиночных захоронений датируются второй половиной XIV в. (Газимзянов 1999: 48; Руденко 2017: 230—233), что маркирует время постоянного пребывания этого населения, в пойме низовий Камы и тешюшского течения Волги. При этом обращает на себя внимание, что степень интегрированности в городскую и сельскую среду (судя по погребениям кочевников-язычников на городских и сельских кладбищах, а также по антропологическим данным) в этот период была достаточно высокой. При этом (учитывая наличие отдельных могильников) кочевники

³⁶ Город Булгар был вполне обеспечен продовольствием, в том числе и мясной пищей, и не зависел от возможных поставок мяса от кочевников. Не нуждался он и в военной защите, по крайней мере, события 1370-х гг. это продемонстрировали. Это в какой-то мере, совпадает с наблюдениями А. Н. Масловского по Азаку (Масловский 2009: 325).

³⁷ В музее Ново-Сержкинской школы находят предметы из захоронений: стеклянные бусы, железный нож, железные конусы и др.

сохраняли свое этнокультурное своеобразие в Булгарской области. В данном случае нам важен факт того, что здесь имелась определенная территория с постоянно находившимся здесь населением с непостоянной оседлостью. Выделяющиеся территориальные группы — курналинскую и волжскую — можно связать с отдельными семейными группами, которые занимали определенную территорию, пригодную для ведения хозяйства — скотоводства и в какой-то мере земледелия, без существенной регламентации границ кочевий, а места выпаса скота определялись главой семейного клана. Отдельные курганы, скорее всего, были связаны с кочеванием хозяйственно самостоятельных семей (Марков 2010: 54, 60, 74, 113). К аналогичным выводам пришла И. Н. Васильева, анализируя кочевнические могильники Самарской области (у с. Максимовка, Виловатое и Старая Елшанка) (Васильева 1979: 229).

Эта система жизни существенно отличалась от той, которая практиковалась монголами в первый период после завоевания Булгарии, когда Бату со своей ордой кочевал по левому берегу Волги³⁸: летом к северу, а зимой в южном направлении со скоростью примерно 10—15 км в день (Марков 2010: 72). При этом на какое-то время летом его ставка находилась близ Булгара (Полубояринова 2003: 105). То есть, пребывание монголов на булгарских землях в 1240—1250-х гг. было сезонным, скорее всего, в весенне-летний период, и в целом кратковременным.

Однако монголы не были единственными кочевниками, которые занимали опустевшие булгарские земли в середине — второй половине XIII в. Еще накануне нашествия в Булгарию, включая Биляр, появились половцы³⁹, присутствие которых фиксируется по находкам характерных лазуритовых подвесок — украшений половецких женщин (Полякова 2012: 290), и своеобразных бронзовых фигурок языческих идолов на Билярском городище и близ него (Руденко 2014а: 224—244; 2017б: 163—164). Последние имеют аналогии в кочевнических материалах домонголь-

ского времени⁴⁰ (Давыденко, Гриб 2009: 193). Известны случаи взаимовстречаемости лазуритовых подвесок и антропоморфных идолов в захоронениях кыпчаков, датированных второй половиной XII в. (Илюшин 2012: 59, 140, рис. 31—34, 47—49). Скорее всего, после нашествия этот этнический компонент сохранился на булгарских землях, хотя в большей мере он мог занимать южные районы булгарских земель⁴¹.

Косвенно это подтверждается и данными антропологии: Н. М. Постникова-Рудь и С. Г. Ефимова отмечают присутствие как в сельских могильниках (I Измерский XI—XIII вв.⁴²), так и в городских (поздние захоронения II Билярского могильника⁴³) индивидуумов с развитым рельефом надпереносья и сильно выступающими костями носа (Ефимова 1976: 171; 1991: 22). Помимо этого, индивидуумы с сильно выступающими носовыми костями зафиксированы в захоронениях

⁴⁰ Миниатюрные антропоморфные медные или серебряные амулеты-идолы у кочевого населения встречаются в Поволжье и в более раннее время (Моржерин 2009: 360—361).

⁴¹ Этот вопрос будет рассмотрен отдельно.

⁴² В «Археологической карте Татарской АССР» могильник датирован в целом домонгольским временем (Археологическая... 1986: 70, №437). Е. А. Халикова отнесла его к XII—XIII вв., предположив, что оно относится к финалу существования Измерского селища домонгольского времени (Халикова 1976а: 46).

⁴³ Е. А. Халикова эту группу захоронений предвзительно датировала концом XI — первой половиной XII в. (Халикова 1976: 131). Однако приведенные ей данные, в частности, отложение культурного слоя между ранними захоронениями и поздними, отличия в погребальном обряде, наличие вещей в могилах, перекрытие котлованов более ранних захоронений как ранней группы, так и тех, которые входят в группу поздних, а также «попадание» их в заброшенные хозяйственные ямы, относящиеся к периоду после завершения функционирования ранней части некрополя (Халикова 1986: 72, 75, 86—88, рис. 8), свидетельствуют о том, что период накопления культурного слоя был достаточно большим — за это время были возведены жилые постройки и подсобные хозяйственные строения (Халикова 1976: 120, 128—129, рис. 69; 70). Все это позволяет датировать поздние захоронения началом — первой половиной XIII в. Не противоречит этому наличие в этой группе коллективной могилы (погребение 66) с 6 костяками и парных погребений 29 и 30 — с вещами, а также в целом стратиграфическая ситуация на раскопе XV, где исследовались захоронения этого могильника: поздние погребения перекрыты насыпью валов т.н. «Караван-сарая» или «Форта», которая датирована Е. А. Халиковой концом XII в. или рубежом XII—XIII вв. (Халикова 1976: 120—121, 128, 130).

³⁸ А. И. Ракушин утверждает, что кочевья Бату не поднимались выше 51° северной широты, исключая тем самым Булгар из его владений (Ракушин 2016: 75), что противоречит имеющимся данным.

³⁹ Впрочем, если обратить внимание на атрибуцию Т. А. Хлебниковой и Н. А. Кокориной ряда групп булгарской керамики как принадлежащей в своих истоках кыпчакам-шарам, то усиление присутствия половцев в последующее время было вполне закономерным.

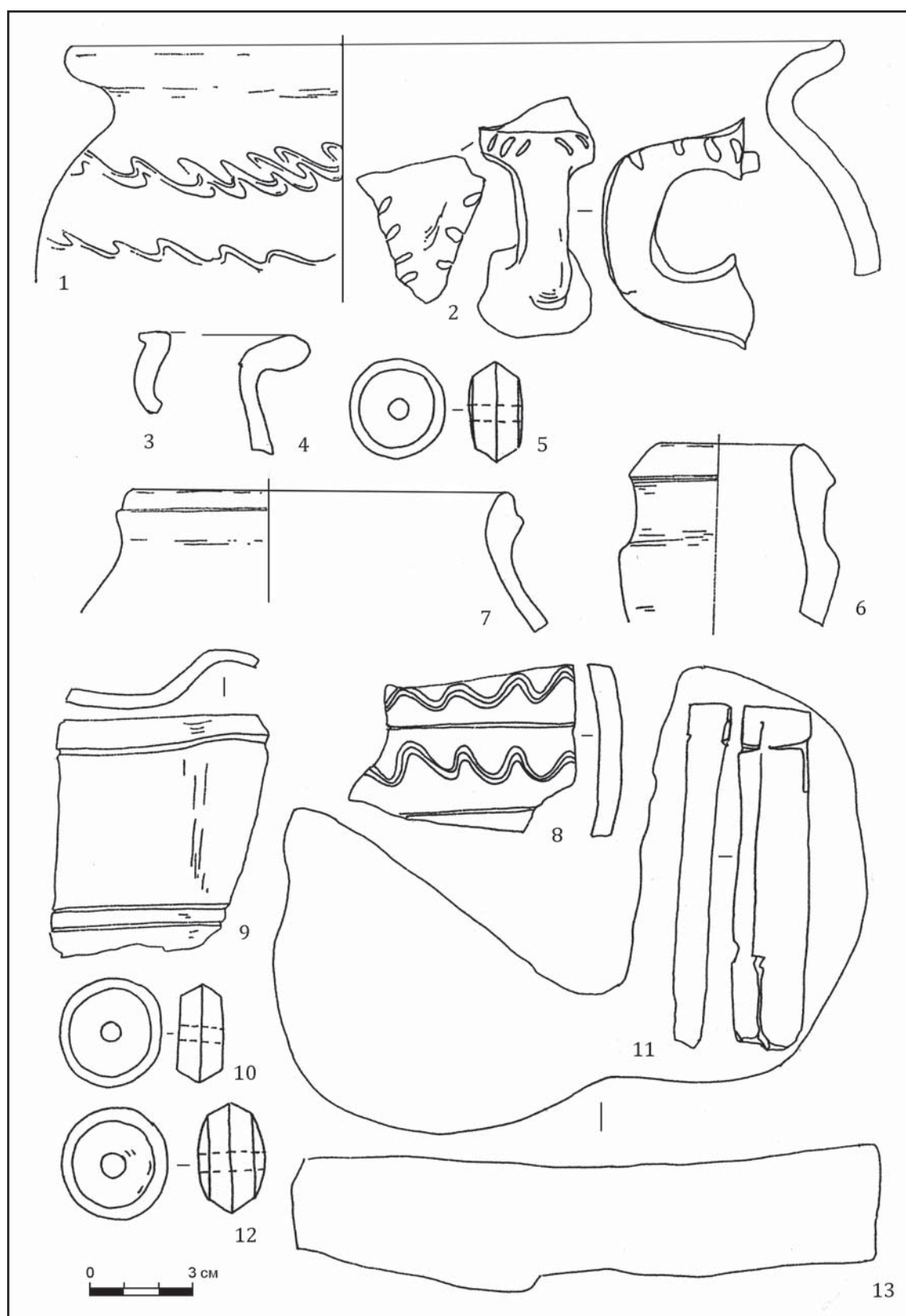

Рис. 18. Селище Дамба I. Подъемный материал. 1—10, 12: глина; 11 — камень; 13 — железо. 5, 10, 12 — прясла; 11 — точило; 13 — товарная крица; остальное — фрагменты круговой керамики (по Руденко 1999: 76, рис. 5: 23—35).

Fig. 18. Damba I settlement. Stray materials. 1—10, 12: clay; 11 — stone; 13 — iron. 5, 10, 12 — spinning wheels; 11 — grindstone; 13 — iron ball; rest are fragments of wheel pottery (after Руденко 1999: 76, рис. 5: 23—35).

Рис. 19. Мало-Каратаевское селище. Подъёмный материал. Железные наконечники стрел. Лениногорский краеведческий музей, инв. №ВХ-739 (фото К.А. Руденко).

Fig. 19. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Iron arrowheads. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no. ВХ-739 (photo by K.A. Rudenko).

II Семеновского могильника XIII—XIV вв.⁴⁴ (Ефимова 1991: 37). Эти признаки позволили С.Г. Ефимовой утверждать, что в XI—XIII в. в центральных районах Булгарии сформировался антропологический тип населения, оставившего такие могильники как I Измер-

⁴⁴ Этот могильник в публикации С.Г. Ефимовой датирован XII—XIII вв. Оснований датировки этим периодом данного могильника в публикации С.Г. Ефимовой не приведено, как нет упоминания о датировке этого могильника в монографии Е.П. Казакова, где описываются археологические памятники Семеновского острова (Казаков 1991: 20, рис. 6). Судя по топографии, этот могильник относится к золотоордынскому V Семеновскому селищу и датируется, соответственно, временем существования селища — концом XIII — началом XV вв.

ский, Старо-Куйбышевский, II Семеновский, «Четырехугольник» в Булгаре и поздние захоронения Биляра. При этом они обнаруживают близость к сериям из городских кладбищ — Водянского, Селитренного (Ефимова 1991: 46, 66). Однако этот антропологический тип во многом отличался от болгарского (Ефимова 1991: 47).

В XIV в. ситуация стала меняться: в пойме Камы и Волги (от Джукетау и до Булгара) стали возникать стационарные поселения, ориентировавшиеся на обслуживание кочевников и торговлю с ними. Ареал летнего кочевания скотоводов, судя по этнографическим материалам, составлял от 10—15 до 150 км, хотя в течение года перекочевки могли быть и более дальними (Марков 2010: 109, 283). Поэтому, если учитывать эти данные, то для обеспечения нормальной жизнедеятельности кочевое население перемещалось не только по пойме, но и в степной/лесостепной зоне всего Центрального и Западного Закамья. Активизация процесса интеграции кочевников в состав населения Булгарской области во второй половине XIV в.⁴⁵ связана, с одной стороны, с чумными эпидемиями, начавшимися в 1340-х гг. в низовьях Волги, точнее, с миграциями из районов, охваченных эпидемией, в более благополучные места (хотя чума также оставила свой след и в Булгарской области (Руденко 1999а: 80)), а с другой — в связи с политическими коллизиями в престолонаследии сарайского престола и развернувшейся борьбой за власть в 1360-х гг.⁴⁶, в которую вовлекались группы сторонников и противников того или иного кандидата (Руденко 2011а: 44—49).

Следы кочевнических стойбищ конца XIII — первой половины XIV в. на булгарской территории археологически уловить непро-

⁴⁵ Об этом свидетельствуют как захоронения кочевников-язычников на городских (Булгар) и сельских (Рождествено) могильниках, так и захоронения, ориентированные не на запад, а, например, на восток (Лаишевский II могильник) (Руденко 1999а: 80).

⁴⁶ А.И. Ракушин, следуя за Э.С. Кульпиным, предположил, что «столетие интенсивного использования пастбищ нарушило равновесие пастбищных экосистем. Следствием этого явилась «Великая Замятня» (1360—1380)» (далее следует цитата из Э.С. Кульпина — К.Р.) (Ракушин 2016: 77). Несмотря на гипотетичность этой версии, стоит отметить интересную идею о появлении кочевого клана мангыт на Средней Волге в XIV в. и образовании здесь Мангытского улуса. В качестве иллюстрации этого процесса он приводит появление Балымерского могильника на левобережье Волги (Ракушин 2016: 79).

Рис. 20. Мало-Каратаевское селище. Подъемный материал. Железные наконечники стрел. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-602; 2 — ВХ-614; 3 — ВХ-608; 4 — ВХ-611; 5 — ВХ-609; 6 — ВХ-604; 7 — ВХ-610; 8 — ВХ-605; 9 — ВХ-606; 10 — ВХ-612; 11 — ВХ-607; 12 — ВХ-613; 13 — ВХ-615; 14 — без номера (фото К.А. Руденко).

Fig. 20. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Iron arrowheads. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no. 1 — ВХ-602; 2 — ВХ-614; 3 — ВХ-608; 4 — ВХ-611; 5 — ВХ-609; 6 — ВХ-604; 7 — ВХ-610; 8 — ВХ-605; 9 — ВХ-606; 10 — ВХ-612; 11 — ВХ-607; 12 — ВХ-613; 13 — ВХ-615; 14 — no inv. no. (photo by K.A. Rudenko).

сто, учитывая особенности конструкций основного типа жилищ — юрт (Харузин 2011: 5—11). Однако обращает на себя внимание распространение у населения Булгарской области в этот период металлических зеркал, украшенных геометрическими орнаментальными мотивами, характерными для половецкого населения Дешт-и-Кыпчак (Руденко 2004: 144—146, рис. 9—11). Конечно, это не является абсолютным доказательством именно кочевнической традиции, но, учитывая и появление в этот период в булгарских древностях, наряду с зеркалами, новых типов элементов конской упряжи и снаряжения, встречающихся преимущественно у степ-

няков, это предположение имеет под собой основания. Кроме того, запустение обширных территорий в Закамье на месте многочисленных поселений земледельцев, не восстановившихся после нашествия, тоже не случайно.

Эта часть кочевого мира на булгарской земле, которая, очевидно, была включена в пастбищно-кочевую систему населения Среднего и Нижнего Поволжья (Ракушин 2016: 67), не была изолирована, а в той или иной степени связана с номадами, кочевывшими в Башкирском Предуралье и южнее Большого Черемшана и Сока. Учитывая слабую археологическую изученность этих об-

Рис. 21. Мало-Каратаевское селище. Подъёмный материал: 1 — удила; 2, 3 — стремена. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-674; 2 — ВХ-673; 3 — ВХ-672 (фото К.А. Руденко).

Fig. 21. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. 1 — bit; 2, 3 — stirrups. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no.: 1 — ВХ-674; 2 — ВХ-673; 3 — ВХ-672 (photo by K.A. Rudenko).

ластей, в будущем можно ожидать новых открытий таких памятников в юго-восточных и южных районах Татарстана и граничащих с ними сопредельных территорий в Самарской области.

Перейдем ко второй территориально-хронологической группе некрополей. Она локализуется к востоку от центральных областей Булгарии. В домонгольский и ордынский периоды население, жившее здесь, было отделено залесенными водораздельными высотами в междуречье Шешмы и Зая (рис. 2: 11) от болгарских городских центров и земледельческих районов в целом. Впрочем, достаточно тесные контакты с последними осуществлялись в XI—XII вв. и, вероятно, в последующее время, по камской пойме (в районе расположения современных городов Нижнекамск и Набережные Челны). Впрочем, как отметил Е.П. Казаков, ареал обитания родственных им в культурном отношении племен распространялся в IX—X вв. и на центральные районы будущей Волжской Булгарии, о чем свидетельствуют расположенные в Закамье Больше-Тиганский и XII Измерский могиль-

ники⁴⁷ (Казаков 2007: 40—41, 142, рис. 23; Chalikowa, Chalikow 1981).

Однако к XII в., когда в центральных районах Булгарии активно стала развиваться Биллярская мегаагломерация, население, сохранившее оригинальные черты погребальной обрядности и бытовой культуры, концентрировалось только в нижнем течении р. Ик — левого притока Камы: в устье Тиргауши и Игат (левые притоки р. Ик) — Гулюковский и Дербешкинский могильники (Археологические... 1989: 37, 67, №263, 586; Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 19—25; Ютина 2007: 73—98), частично наследовав территорию предшествовавшей кушнаренковской культуры (Гарустович, Иванов 1992: 29, рис. 2). Западная группа этого населения, проживавшая в среднем течении Малого Черемшана, восприняла государственную культуру Волж-

⁴⁷ Е.П. Казаков охарактеризовал территорию Западного Закамья на рубеже IX—X вв. как «Волжскую Венгрию» (Казаков 2007: 41).

Рис. 22. Мало-Каратаевское селище. Подъемный материал. Браслеты из цветного металла. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-623; 2 — ВХ-621; 3 — ВХ-620; 4 — ВХ-619; 5 — ВХ-618 (фото К.А. Руденко).

Fig. 22. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Bracelets of colored metal. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no.: 1 — ВХ-623; 2 — ВХ-621; 3 — ВХ-620; 4 — ВХ-619; 5 — ВХ-618 (photo by K.A. Rudenko).

ской Булгарии, и уже не выделялась на общем фоне.

Обращает на себя внимание наличие в ряде бильярских некрополей (раскопы XI, XII) значительного числа погребений с западной ориентировкой⁴⁸ и с отклонениями от правил му-

сульманского канона, о чем писала Е. А. Халикова (Халикова 1976: 147—148). Кроме того, антропологические серии из этих могильников обнаруживают их тесную связь

⁴⁸ Западная ориентировка захоронений (с вариантами) не может быть абсолютным признаком мусульманской обрядности, поскольку встречается практически во всех погребальных культах, например, кочевнических языческих (половецко-кыпчакских) или христианских (Панова 2004: 57).

Также некорректно приписывать все несоответствующие с мусульманскими правилами детали погребения случайностью или особенностями местных культовых правил. К слову сказать, поворот костяка на правый или левый бок, как и положение черепа лицевым отделом на юг, встречаются в христианских захоронениях XI—XVI вв. (Панова 2004: 57).

с населением, оставившем Танкеевский могильник (Ефимова 1976: 177). Отметим, что Е.П. Казаков убедительно доказал, что значительный процент похороненных в Танкеевском могильнике людей был прикамско-приуральского происхождения (Казаков 1992: 245—246). В целом, основные элементы ранней чияликской погребальной обрядности можно обнаружить и в центральных районах Волжской Булгарии домонгольского периода, правда, их безынвентарность и западная ориентировка, универсальная для многих погребальных культов, существенно затрудняет такую атрибуцию. Классическая же чияликская керамика на памятниках домонгольских булгар не известна.

Отметим, что в камской пойме от современного Чистополя и до Набережных Челнов не выявлены памятники чияликского круга, как и в целом материал, свидетельствующий о пребывании здесь этого населения. То есть Джукетау (на территории современного Чистополя) был своего рода связующим звеном между центральными районами Булгарии в домонгольскую эпоху и группами угорского населения в нижнем течении реки Ик. Раскопки на Донауровских (Крутогорских) селищах (посад Джукетауского городища) Н.Г. Набиуллина выявили несколько групп керамики с примесью толченой раковины, которые исследователь считает связанной с археологическими культурами на территории Башкирии (Набиуллин 2011: 66, типы 5 и 6). Исследованные на территории этих поселений 15 захоронений безынвентарны, ориентированы головой на северо-запад; костяк расположен вытянуто, а в 5 случаях с небольшим разворотом на правый бок. Имеются следы огненного ритуала. Ученый связывает эти погребения, датированные им домонгольским временем, с прикамско-приуральским населением (Набиуллин 2011: 37).

В XIII—XIV вв. западная группа чияликского населения практически не фиксируется по археологическим материалам, а восточная группа несколько «сдвигается» к востоку в бассейн р. Белой, в нижнем ее течении, где расположены Такталачукский и Азметьевский могильники (Казаков 1978: 49—81) (рис. 23). Впрочем, осваивалась эта территория чияликцами еще в конце XII — первой половине XIII в.⁴⁹, судя по ряду находок в за-

хоронениях Азметьевского могильника, например, серебряного перстня с узором в виде «узла счастья» (Казаков 1987: 31, рис. 4: 1). Датируются эти перстни XI—XII вв. (Руденко 2015а: 387, кат. №95).

Если в захоронениях XI—XII вв. чияликской культуры встречаются (хотя и редко) разнообразные изделия (рис. 24), то в ордынское время их число существенно сокращается. Для этих некрополей характерна безынвентарность или малое количество сопровождающих умершего предметов. Помимо этого, их характеризует достаточная вариативность в ориентировке погребенных, при преобладании западного (юго- или северо-западного) направления (Казаков 1978: 59, рис. 29; 2007: 164, рис. 45); зафиксированы сопровождающие погребальное действие обряды, в частности, огненный ритуал; а также использование при похоронах деревянных обкладок могильной ямы, колоды (в 1 случае), перекрытия доски могильной ямы (Казаков 1978: 59; Гарустович 1988: 132; Гарустович, Иванов 1992: 25). Только в одном случае зафиксировано погребение в деревянном гробу, сколоченном железными гвоздями (погр. 31К, Гулюковского могильника — см. Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 23, рис. 1: 4).

Расположение костяков здесь чаще всего вытянутое на спине, руки лежат вдоль тела (74% захоронений Азметьевского могильника), либо одна рука вытянута, вторая согнута, а кисть последней находится на тазовых костях. Разворот костяка на правый бок, как в мусульманских захоронениях, также зафиксирован в материалах Азметьевского и Такталачукского некрополей (в первом — 8 погребенных (8,2% от общего числа исследованных погребений) и во втором — 11 погребений — 14,5% (Казаков 1978: 53, 77)). Обращают на себя внимание и такие случаи, когда у умершего, лежащего в вытянутом положении на спине, руки были сложены на тазовых костях (6 погребений Такталачукского могильника) и на груди (погр. 161 Такталачук-

на Гулюковском могильнике — вторая половина XI — начало XIII вв. (Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 23). Датировку последнего можно расширить до XIV в. Не противоречит этому и захоронение в гробу, скрепленном железными гвоздями, которые встречались в XII—XIV вв. (Халикова 1986: 124). Хотя появление этой традиции у булгар надо отнести к началу XI в. (Руденко 2015в: 122). Отсутствие инвентаря в могилах оставляет открытым вопрос о том, все ли захоронения совершались в один период, либо это разновременные погребения.

⁴⁹ Безынвентарность большинства захоронений не позволяет быть уверенным в узкой датировке Азметьевского и Такталачукского могильников XIII—XIV вв., как и в дате захоронений

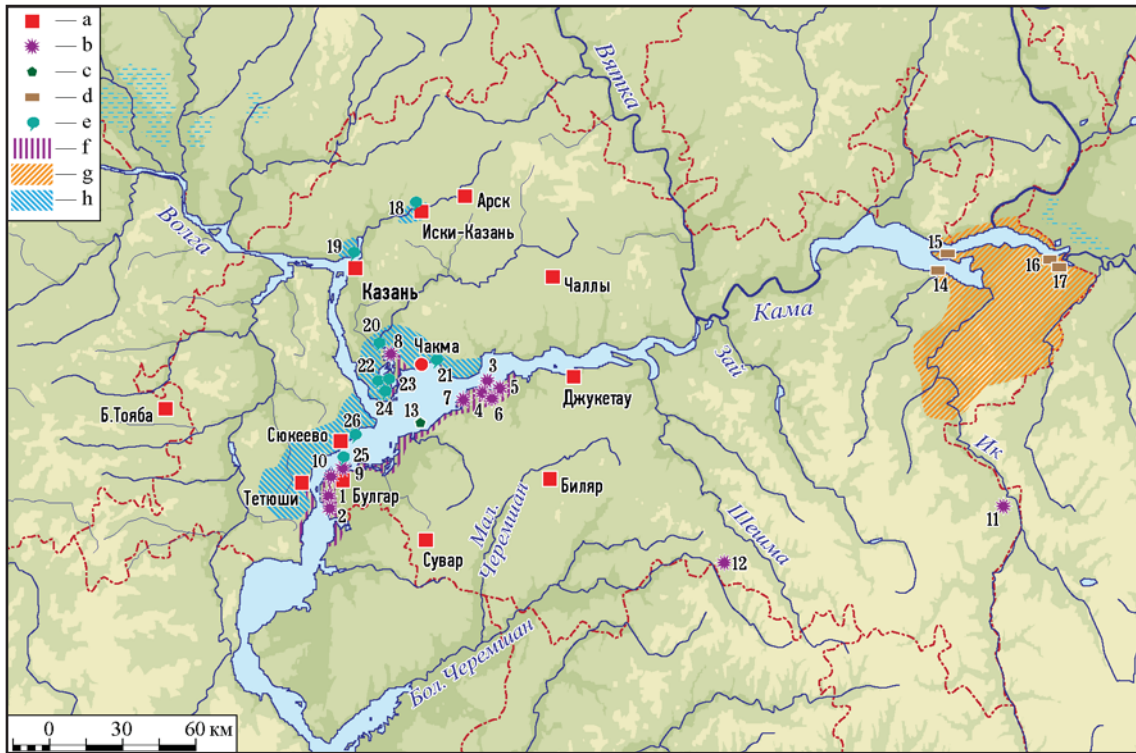

Рис. 23. Основные поселения Булгарской области Золотой Орды, погребальные памятники кочевников и населения с непостоянной оседлостью XI—XIV вв.: 1 — Бальмерские курганы; 2 — Зеленовские курганы; 3 — могильник Песчаный остров; 4 — Курналинские курганы; 5 — Алексеевский курган у моста; 6 — Алексеевское захоронение; 7 — Лебединское погребение; 8 — захоронение на Рождественском могильнике; 9 — захоронение на Малоиерусалимском могильнике в Булгаре; 10 — захоронения на могильнике Бабий бугор в Булгаре; 11 — Байряки-Тамакский могильник; 12 — Ново-Серёжинское захоронение; 13 — Нижнемарьянские находки (разрушенное погребение); 14 — Гулюковский могильник; 15 — Дербешкинский могильник; 16 — Азметьевский могильник; 17 — Такталачукский могильник; 18 — Камаевское захоронение; 19 — Казанский могильник (у памятника павшим воинам); 20 — Рождественские погребения; 21 — Богородицкое селище; 22 — Богишевское селище; 23 — Карташихинские могильники и селище; 24 — Ташкирменские захоронения; 25 — Усть-Иерусалимский могильник на Булгарском городище; 26 — Мордовско-Каратаевское поселение. Условные обозначения: а — города; b, c — погребальные памятники кочевников-кипчаков (1—13); d — памятники чияликской культуры (14—17); e — поселения и могильники мордвы XIV—XV вв. (18—26); f — территория концентрации могильников и одиночных погребений кочевников-кипчаков; g — территория распространения чияликских памятников на территории Татарстана; h — территория расселения мордвы. 1—13, 15—18 — могильники XIII—XIV в.; 14 — могильник XI—XII в.; 19—26 — памятники XIV—XV вв. (составлено К. А. Руденко).

Fig. 23. Main settlements in Bolgar area of the Golden Horde, funerary sites of nomads and migratory populations 11th—14th cent.: 1 — Balymer mounds; 2 — Zelenovka mounds; 3 — Peschanyi Ostrov cemetery; 4 — Kurnali mounds; 5 — Alekseevskoe mound at the bridge; 6 — Alekseevskoe burial; 7 — Lebedino burial; 8 — burial on Rozhdestveno cemetery; 9 — burial on Maloierusalimsky cemetery in Bulgar; 10 — burials on Babii Bugor cemetery in Bulgar; 11 — Bairyaki-Tamak cemetery; 12 — Novoe Seryozhkiно burial; 13 — Nizhnii Mar'yan finds (distroyed burial); 14 — Gulyukovo cemetery; 15 — Derbeshkinsky cemetery; 16 — Azmet'evno cemetery; 17 — Taktalachuk могильник; 18 — Kamaevo burial; 19 — Kazan cemetery (at the monument to fallen soldiers); 20 — Rozhdestveno cemetery; 21 — Bogoroditskoye settlement; 22 — Bogishevo settlement; 23 — Kartashikha cemeteries and settlement; 24 — Tashkirmen' burials; 25 — Ust'-Ierusalimsky cemetery in Bulgar; 26 — Mordovsky Karatai settlement. Legend: a — towns; b, c — funerary monuments of Kipchak nomads (1—13); d — sites of Chiyalek culture (14—17); e — settlements and burial grounds of the Mordovians in 14th—15th cent. (18—26); f — concentration territory of burial grounds and single burials of Kipchak nomads; g — distribution territory of Chiyalek sites in Republic of Tatarstan; h — Mordovian settlement territory. 1—13, 15—18 — cemeteries of 13th—14th cent.; 14 — cemetery of 11th—12th cent.; 19—26 — sites of 14th—15th cent. (compiled by K.A. Rudenko).

ского могильника) (Казаков 1978: 53), что характерно для христианской традиции (Панова 2004: 57).

Вышеописанные признаки достаточно устойчивы и присущи также другим могильникам этого круга, например, Алтаевскому в бассейне р. Белой (Останина 1987:

33—38), Казакларовскому или II Ахметовскому в Башкирии (Гарустович 1988: 130—132, рис. 1: 3—11). Стоит заметить, что западная и северо-западная ориентировка захоронений является традиционной в погребальном обряде этого населения, что прослеживается еще на могильниках IX—X в., например, Большо-

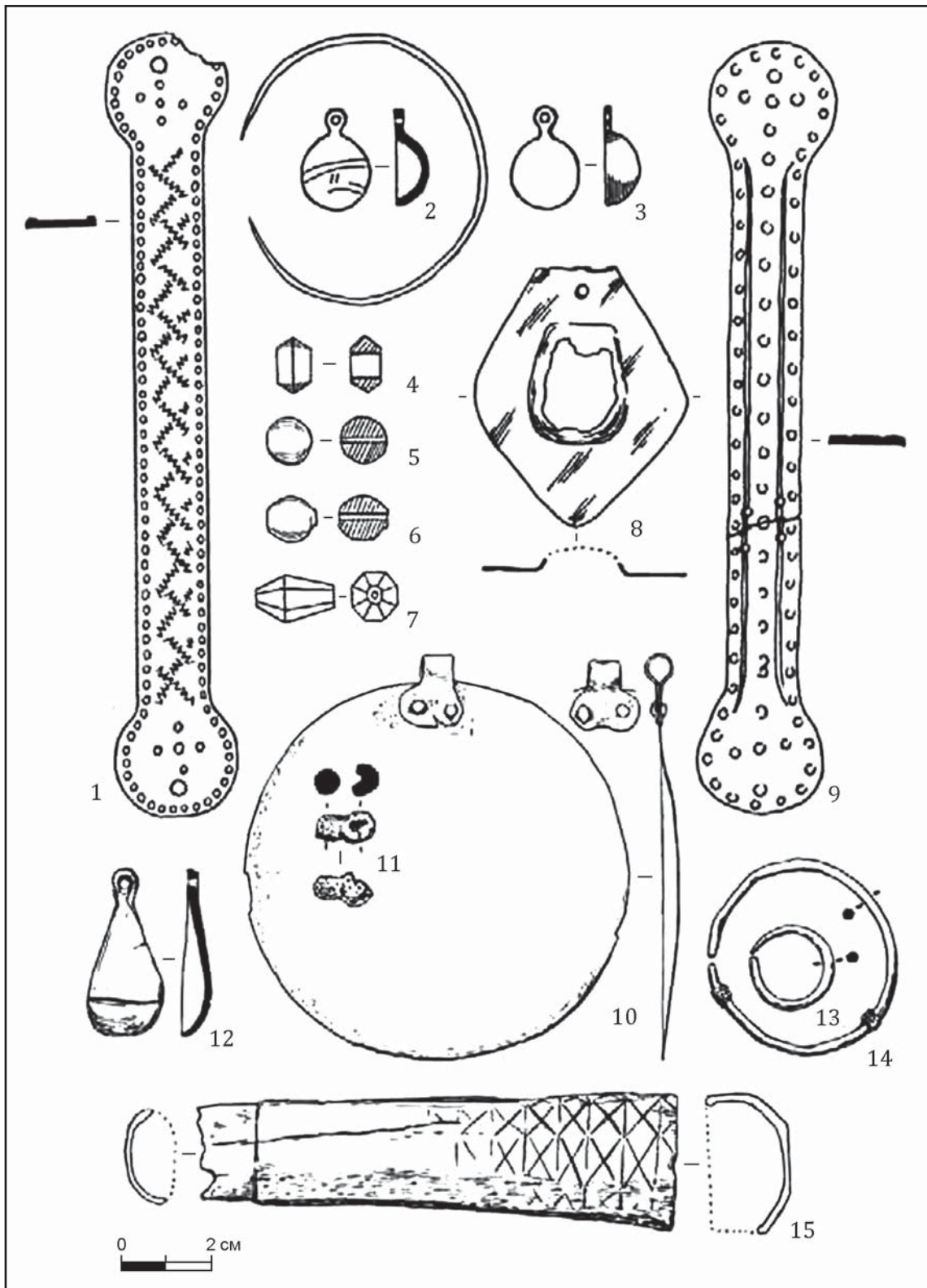

Рис. 24. Материал Гулюковского могильника: 1—7 — погр. 1К; 8, 9 — погр. 11К; 10, 11 — погр. 8; 12—15 — подъемный материал (1—3, 9, 10, 12, 14 — бронза; 4, 6 — стекло; 5 — горный хрусталь; 7 — сердолик; 8 — серебро (?); 11 — свинцово-оловянный сплав; 13 — золото; 15 — кость) (по Бугров, Капленко, Ситдигов 2010: 21, рис. 2).

Fig. 24. Materials from Gulyukovo cemetery: 1—7 — burial 1K; 8, 9 — burial 11K; 10, 11 — burial 8; 12—15 — stray material (1—3, 9, 10, 12, 14 — bronze; 4, 6 — glass; 5 — rock crystal; 7 — carnelian; 8 — silver (?); 11 — terne metal; 13 — gold; 15 — bone) (after Бугров, Капленко, Ситдигов 2010: 21, рис. 2).

Тиганском или Чишминском⁵⁰ (Chalikowa, Chalikow 1981: 100—132, Taf. II—XXXIV; Казаков 1978: 20, 27). Западная ориентировка является преобладающей в Танкеевском могильнике IX—X вв., как на языческой, так и на мусульманской части этого некрополя, причем на последней положение костяков — вытянутое на спине, иногда с небольшим поворотом на правый бок (Казаков 1992: 93). Встречаются и деревянные погребальные конструкции, которые Е. А. Халикова считала важной деталью погребального ритуала ранних булгар (Халикова 1986: 40).

К характерным чертам чияликских погребений нужно отнести и своеобразный набор сопровождавших умершего предметов, прежде всего лепной округлодонной керамики с примесью толченой раковины в тесте, украшенной веревочным орнаментом или оттисками гребенчатого штампа (Казаков 1987: 26). Достаточно часто встречаются крупные металлические (чаще серебряные) круглые пластинки с ушком, зафиксированные у черепа костяков (Казаков 1978: 67, рис. 33: 27).

Немногочисленностью характеризуется и поселенческий материал этого населения, судя по изученным селищам, таким как Чияликское, Игимское, VI Меллятамакское (Казаков 1978: 42—48; 1987: 28, рис. 1; 2; 2007: 59—60). Исследователь этих памятников Е. П. Казаков считает, что население, оставившие могильники и поселения чияликской культуры, вело «преимущественно подвижный образ жизни» (Казаков 1987: 26). В отличие от кочевников-кипчаков, появившихся в пойме Камы и Волги в ордынское время, население чияликской культуры⁵¹ сохранило ареал своего обитания к востоку от булгарских земель, в междуречье Ика и Белой, занятый ими в IX—X вв., как и достаточную территориальную обособленность⁵². Связь между чияликцами и булгарами в ордынский период по материалам могильников, кроме нескольких украшений из серебра и бронзы, отнесён-

ных к булгарским изделиям из-за использования скани при их декорировании (Казаков 1978: 67), ничем больше не подтверждается⁵³. Причем такие украшения в Булгарской области в тот период не изготавливались и не встречаются (Руденко 2015а: 143—150).

Таким образом, доминирование в Булгарской области в XIII в. и особенно в XIV в. принадлежало кипчакам, чияликское население располагалось в пределах предшествующей территории их расселения. Нет оснований предполагать тюркизацию чияликцев в XIV в. вследствие прямых этнических контактов между уграми и кипчаками и их «близости по образу жизни», как это предполагал Е. П. Казаков, приведя в пример инвентарь Байряки-Тамакского могильника (Казаков 2007: 64). Последний пример не убедителен, поскольку в материалах этого некрополя нет никаких точек соприкосновения: зеркала, глиняные прясла, ножницы, амулеты (рис. 15) в чияликских могильниках не встречаются. Механизм взаимодействия золотоордынских кипчаков в Булгарской области с оседлым населением совершенно иной, построенный прежде всего на эксплуатации возникших рядом с местами их кочевания торгово-ремесленных поселений (рис. 3), а также на торговле с Булгаром и другими крупными поселениями. Собственных постоянных поселений — свидетельств оседлого образа жизни (что мы видим у чияликцев), у булгарских кипчаков не было, а процесс седентаризации активизировался только в конце XIV — начале XV в.

Спорен вопрос и о переселении в ордынское время булгар из Закамья в бассейн Ика на основании подъемного материала (в основном круговой керамики), по сути, с двух поселений — Бикбуловского и Меллятамакского селищ (Казаков 1978: 36—39, рис. 12, 13; 2007: 64). Территории, подконтрольные кипчакам и чияликцам, как и места их расселения, были различны (рис. 23) и территориально не соприкасались. Чияликское влияние на центральные и западные районы Булгарской области (если оно имело место) проследить по имеющимся данным нет возмож-

⁵⁰ Во второй половине IX — на рубеже IX—X вв. зафиксирована и восточная, и юго-восточная ориентировка (Игимский могильник) (Казаков 1978: 11, 19).

⁵¹ Г. Н. Гарустович расширил хронологические рамки чияликской культуры в сторону ее удревнения, предположив, что она существовала в домонгольский период. Е. П. Казаков с такой позицией не согласился (Казаков 2007: 61).

⁵² Е. П. Казаков локализовал чияликские памятники от р. Ик и до низовий Тобола, сочтя оставшее ее население уграми-скотоводами (Казаков 2007: 62).

⁵³ Крупные однобусинные серебряные височные кольца из чияликских захоронений (3 экз.) (Казаков 1978: 66, рис. 33) имеют замок в виде колечка с одной стороны и раскованной лопасти овальной формы с небольшим сквозным отверстием — с другой, что характерно для древнерусской традиции и никогда не встречается на булгарских изделиях. Возможно, эти серьги выполнены местными мастерами-ювелирами.

ности. Доказательств прямого болгарского воздействия также практически нет — обнаруженная на чияликских селищах круговая керамика представлена в основном фрагментами столовой посуды, которая была предметом торговли⁵⁴, а новые орнаментальные мотивы (волна) на чияликской керамике (Казаков 1978: 48, рис. 21: 5—7) — только лишь предположение, требующее более глубокой аргументации.

Еще одну локальную группу населения в Булгарской области Золотой Орды представлял мордва (рис. 23), которая в домонгольский период занимала земли к западу от Булгарии, но частично проживала и на булгарской территории. Мордовские элементы были выявлены в материалах булгарских могильников второй половины VIII — X вв. — Большетарханском, Тетюшском, Танкеевском. В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков считали, что со второй половины VIII в. происходят прямые контакты пришлых болгар с мордовскими племенами, вследствие чего болгары восприняли от них некоторые типы вещей и, в свою очередь, оказали сильное воздействие на формирование мордовской материальной культуры (Генинг, Халиков 1964: 159).

Отдельные мордовские вещи IX—X вв., например, шумящие накладки (Петербургский 2011: 266, рис. 129: 7), встречаются на булгарских поселениях X—XI вв., таких как Измерское, IV Старокуйбышевское, Остолоповское (Казаков 1991: 128, рис. 43: 20, 21). Таким образом, мордва входила в состав населения Булгарии в домонгольский период и более активно стала расселяться в эпоху Золотой Орды в Булгарском улусе целыми группами, образуя своего рода этнические анклавы, как правило, поблизости от больших рек, в частности, Волги и в низовьях Камы. В это время мордва стала активно селиться на волжском побережье от Казани, Булгара до Самарской Луки и южнее.

Наиболее активно этот процесс проходил в XIV — начале XV в. Известны мордовские могильники этого времени (с соответствующим погребальным обрядом) у с. Карташиха и Рождествено (на месте городища имениковского времени) (рис. 23). О масштабах этого явления свидетельствует тот факт, что даже в столице Булгарского улуса частично мусульманизированное мордовское население оставило целый некрополь (Усть-Иерусалимский могильник) (Газимзянов 2003: 46). Извест-

ны захоронения знатных мордвовок на других, элитных кладбищах Булгара, в том числе и в мавзолеях, как, например, в «Ханской усыпальнице» (Смирнов 1951: 65). Мордовское погребение было зафиксировано в Болгарах на могильнике Бабий бугор при раскопках в 1920 г. Умершая лежала в скорченном положении на правом боку с подогнутыми ногами и руками, при этом правая ладонь была положена под висок (Смирнов 1951: 65).

Кроме того, на булгарских эпитафиях, в том числе и из Булгара, имеется этноним «мухши», то есть выходец из Мухши (улус Золотой Орды на мордовских землях) (Мухаметшин, Хакимянов 1987: 112). А. П. Смирнов, опираясь на факт захоронения мордовских женщин в элитных мавзолеях, считал, что это «указывает на тесную связь булгарских ханов с мордовскими князьями, скреплявших свои политические союзы с мордвой брачными узами» (Смирнов 1951: 66). Этот факт подтверждает и находка серебряных мордовских сьюлгам в Карашамском кладе (Руденко 2015а: 495, кат. №382), принадлежавшем представителю элиты Булгарского улуса (Калинин, Халиков 1954: 120, рис. 37).

Погребальный обряд мордовского населения на территории Булгарского улуса достаточно выдержан и традиционен (Зеленева 2013: 253). На протяжении XIV—XVI вв. женские мордовские (мокшанские) захоронения, как правило, совершались в скорченном положении, на правом боку, головой на запад, с отклонением к северу; руки согнуты в локтях, кисть правой руки у лица, вторая — на животе. В мужских захоронениях костяк обычно располагался в вытянутом положении, головой на запад или юго-запад; руки согнуты в локтях. Умершие имели погребальный инвентарь (глиняные сосуды); сохранялись элементы костюма — металлические пряжки, застежки-сьюлгамы, бронзовые браслеты, иногда встречались монеты (Археологическая... 1981: 73—76, №281, 292). Встречаются также мордовские захоронения, совершенные в валах более древних городищ, например, Ташкирменского и Рождественского (именьковской археологической культуры середины — второй половины I тыс. н. э.) в Лаишевском районе РТ (Археологическая... 1981: 84, 92, №338, 377—383). Эти захоронения по времени, погребальному обряду и вещевому инвентарю совпадают с захоронениями на мордовских могильниках Булгарского улуса.

Раскопки, проведенные на одном из мордовских поселений XIV—XV вв. (Карташинском), выявили остатки жилища, пред-

⁵⁴ В связи с этим отметим, что на чияликских памятниках встречаются и фрагменты от древнерусских сосудов (Казаков 1978: 38, рис. 13: 11).

меты быта: фрагменты лепной и круговой посуды, железные ножи, глиняное грузило, железный гарпун, железный шлак (Археологическая... 1981: 76, №293). Поселенческая материальная культура этого населения в целом мало отличалась от булгарской или русской.

Мордва была частью населения Булгарского улуса, подвергаясь частичной ассимиляции; впрочем, существовали и моноэтничные мордовские поселки, например, Карташихинские, Богишевское и Богородицкое селища, где мордовское население полностью сохраняло свою идентичность. Они проживали здесь и в эпоху Казанского ханства — в XV—XVI вв. Мордовское население зафиксировано в XIV—XVI вв. в Предкамье и Предволжье, например, в с. Ташкирмень (Халиков 1965: 164). Не исключено, что своего рода центром предволжской группы мордвы (здесь проживает и по сей день группа мордвы-каратаев) было Сюкеевское городище (Калинин, Халиков 1954: 90), одно из немногих возникших в Булгарском улусе в период Золотой Орды, скорее всего, в XIV в. В Булгаре из находок, собранных в конце XIX — XX вв., происходит значительное количество мордовских застежек-сюльгам⁵⁵. Эти универсальные украшения были весьма популярны среди населения Среднего Поволжья, в том числе и в Булгарском улусе, независимо от этнической принадлежности их владельца, хотя предпочтение им, конечно, больше отдавали представители мордовского этноса. Миграция мордвы на территорию Булгарской области относится в основном к XIV—XV вв. В этот же период складывается и ордынский центр на мордовских землях — Мохши (Наровчатское городище) (Зеленева 2013: 248—252).

На Правобережье Камы и в части Заказанья, включая саму Казань, жили марийцы, активно контактировавшие с русскими, булгарами и удмуртами. Территория в Заказанье, как и в окрестностях самой Казани, была заселена марийцами еще до появления здесь булгар. Об этом свидетельствует Борисковский могильник (в настоящее время территория современной Казани), датированный IX—X вв. (Археологическая... 1981: 62, №223). К сожалению, могильников и поселений этого населения XIII—XIV вв. в Предкамье пока не выявлено.

Дискуссионным остается вопрос о том, какой этнос заселял территорию восточного

Предкамья (Кукморский, Арский, Балтасинский районы РТ). Приводятся доказательства, что здесь проживали марийцы и удмурты, наряду с тюркоязычным населением. Последнее стало преобладающим (в основном за счет внутренней миграции из районов Закамья) в XVIII в. (Никитина 1992: 82, 83). Материалы поздних могильников дают представление о немалом пласте населения, которое можно связать как с марийцами, так и с удмуртами (Шутова 1992: 256—257). Удмуртское население расселилось в восточном Предкамье, например, в Елабуге, в XI—XIII вв., об этом свидетельствуют захоронения в Елабужском IV могильнике, совершенные по языческому обряду, с украшениями, характерными для погребений северных удмуртов X—XI вв. (Нигамаев 2005: рис. 74; 75). Низовья Вятки и Арский край до начала XV в. были заселены удмуртами и булгарами.

В ряде районов Булгарской области (в том числе и в центральных) в конце XIII — первой половине XIV в. проживало немногочисленное пермяцкое население. Это небольшие поселки (например, селище Песчаный остров) с характерной лепной и подправленной на круге керамикой, жилыми и хозяйственными постройками, аналогичными тем, что встречаются в родановской культуре (Руденко 1994: 121—139; 1998: 60—71), а также керамические находки на других булгарских памятниках, в числе которых характерные керамические котлы, широкие чашевидные сосуды, «сковородки» с примесью толченой раковины в тесте (Булгарское городище, Донауровское III селище). Ко второй четверти XIV в. оно было практически ассимилировано булгарами. В начале XIV в. в материальной культуре этого населения становятся обычными новые виды изделий — чугунные котлы, крупные круговые тарные и столовые сосуды (кувшины, корчаги), вытесняющие традиционные формы керамики; только кухонная посуда сохранила ряд своеобразных черт, однако уже стала изготавливаться на поворотном столике или простейшем гончарном круге. Появляются даже металлические зеркала (рис. 17), использовавшиеся жителями селища Песчаный остров. Перестраивается комплекс усадьбы с жилой постройкой нового типа (Руденко 1998: 60—71). Интересно, что процесс ассимиляции проходил достаточно быстро — на протяжении жизни одного-двух поколений.

Русское население в Булгарской области Золотой Орды проживало вместе с булгарами, как в городах, так и в сельской местности. В крупных городах, например, в Булга-

⁵⁵ Коллекция НМ РТ, инв. №7719.

ре, часть его обитала в отдельном поселке, исследованном в XX в. Т.А. Хлебниковой, а на остальной территории города — чересполосно (Полубояринова 1993: 13—97). В Казани XIV — первой половины XVI вв. ситуация была практически такой же (Ситдииков 2006: 72). Находки, связанные, с русскими зафиксированы на многих золотоордынских поселениях в нижнем течении Камы, например, Лаишевском, Богородицком селищах, на некоторых селениях в Центральном Закамье (Руденко 2007: 349, 350).

В сельской местности (материалы Измерского, VI Алексеевского, I Семеновского, Мурзинского селищ), как и в болгарских городах в Закамье, например, в Биляре, судя по находкам древнерусской керамики и других изделий, прежде всего этнических украшений, например, височных славянских колец, русские стали селиться с XI в. (Кочкина 1986: 117—122; Казаков 1986: 76—88; Руденко 2015в: 144) и этот процесс спонтанно продолжался в последующие столетия, вплоть до запустения этих земель в XV в. Особенно хорошо это фиксируется на археологических памятниках низовьев Камы — поблизости от торговых речных путей.

Представители другого этноса — армяне в конце XIII — XIV вв. жили отдельными диаспорами в Булгаре и Казани. Археологически исследованы остатки христианской церкви в Булгаре на территории армянской колонии; здесь же выявлены каменные надгробия с эпитафиями на армянском языке (Смирнов 1958: 330—359). На правом берегу Волги армянское надгробие было обнаружено близ Тетюш, недалеко от Булгара. Армянские надгробия более позднего времени известны в Казани (Высоцкий 1885: 18—19), где армянская диаспора могла существовать с XIV в.; причем, она существенно пополнилась в первой половине XV в. за счет переез-

да армян из Булгара, пришедшего в то время в упадок.

Таким образом, основными этническими компонентами на территории Булгарского улуса были: оседлые болгары — в качестве этнического субстрата; тюрко- и угроязычное преимущественное кочевое или полукочевое население; оседлое население — удмурты и марийцы, а также мордва и русские. Локальной малочисленной этнической группой были армяне. Возможно, были и другие группы иноэтничного населения, но выявить их на территории Булгарской области Золотой Орды пока не удалось.

Отметим, что характерное для многих областей Золотой Орды деление населения и отчасти территории проживания по способу ведения хозяйства (кочевое и оседлое) было свойственно и Булгарскому улусу. С момента его возникновения и до распада здесь сохранилась особая территория в камско-волжской пойме для кочевания ордынской знати, а затем сменивших ее выходцев из улуса Шибана (при хане Тохтамыше в 1380-х гг.).

Вторая особенность Булгарского улуса — внутренние миграции, например, во второй половине XIII в. со Средней и Верхней Камы в низовья Камы (принудительно или добровольно, трудно сказать). Во второй половине XIV в. в Центральном Закамье локально стали появляться выходцы из северных территорий, смешанное марийско-русское население. Оно же активно заселяет и правый берег Камы в приустьевой его части. Следы его (судя по керамике) обнаруживаются в больших болгарских городах, например, в столице Булгарской области — городе Булгаре. Таким образом, этнокультурная карта Булгарского улуса отличалась пестротой и разнообразием, была весьма динамичной и менялась на протяжении всего золотоордынского периода.

Литература

- Акимова М. С. 1964. Материалы к антропологии ранних болгар. В: Генинг В. Ф., Халиков А. Х. *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)*. Москва: Наука, 177—196.
- Алексеева Т. И., Козловская М. В. 2002. Антропологический облик населения. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 111—123.
- Алпаткина Т. Г. 2009. Изображения львов в резном декоре дворца правителей Термеза XI—XII вв. (вариант реконструкции). В: Смирнов И. С. (ред.). *Культура, история и археология Евразии*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ XXII. Москва: РГГУ, 185—196.
- Археологическая... 1981: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1981. *Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье*. Москва: Наука.
- Археологическая... 1986: Старостин П. Н. (ред.). 1986. *Археологическая карта ТАССР. Западное Закамье*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Археологические... 1988: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1988. *Археологические памятники Центрального Закамья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Археологические... 1989: Казаков Е. П. (отв. ред.). 1989. *Археологические памятники Восточного Закамья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Бабенко В. А. 2012. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 11. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 193—230.
- Баранов В. С. 2015. Об одном из жилищ с древнерусской

- керамикой на территории Болгарского городища X—XV вв. В: Наградов И. С., Щербаков В. Л. (сост.). *Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время*. Кострома: Костромаиздат, 14—25.
- Баранов В. С., Кавеев М. М. 2001. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Мону­ментальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 176—199.
- Бугарчев А. И., Руденко К. А. 2013. Нумизматические находки с селища Чакма (р. п. Лаишево, Республика Татарстан). *Поволжская археология* 6 (4), 64—78.
- Бугров Д. Г., Капленко Н. М., Ситди­ков А. Г. 2010. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии. *Научный Татарстан* (4), 19—25.
- Бужилова А. П. 2013. Палеоантропологические исследования материалов могильника Песчаный остров. Приложение: Руденко К. А. 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология* (2), 210—211.
- Бужилова А. П., Медникова М. Б., Козловский М. В. 2002. Демографическая и социальная структура средневековой популяции. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 168—175.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Газимзянов И. Р. 2004. Палеодемографические показатели Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар). В: Ситди­ков А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 38—40.
- Васильева И. Н. 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья. В: Басин С. Г. (отв. ред.). *Древняя история Поволжья*. Труды КГПИ 230. Куйбышев: КГПИ, 202—240.
- Васильева И. Н. 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области. В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Древности Среднего Поволжья*. Куйбышев: КГУ, 176—178.
- Васильева И. Н. 2013. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. В: Богачёв А. В. (отв. ред.). *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области)*. Самара: ООО «САО», 187—235.
- Веймарн Б. В. 1940. *Искусство Средней Азии*. Москва; Ленинград: Искусство.
- Винников А. З., Цыбин М. В. 2002. Материалы Ново­харьковского могильника. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 14—105.
- Высоцкий Н. Ф. 1885. Следы древнего армянского кладбища в Казани. В: Загоскин Н. П. (ред.). *ИОАИЭ VI* (1). Казань: Типо-литография Казанского университета, 18—19.
- Газимзянов И. Р. 1999. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища. В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья*. Тезисы конференции. Болгар: БГИАМЗ, 47—48.
- Газимзянов И. Р. 2001. Еще раз о могильнике «Бабий бугор». В: Казаков Е. П. (отв. ред.). *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 132—137.
- Газимзянов И. Р. 2003. Усть-Иерусалимский могильник (к вопросу о мордовском компоненте в составе городского населения средневекового Болгара). В: Гришаков В. В. (отв. ред.). *Поволжские финны и их соседи в эпоху раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической истории)*. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 45—47.
- Газимзянов И. Р. 2004. Краниология Усть-Иерусалимского могильника. В: Ситди­ков А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 46—49.
- Газимзянов И. Р. 2015. Население средневекового Богара по данным краниологии, предварительные результаты по материалам раскопок 2010—2013 гг. *Поволжская археология* 13 (3), 112—124.
- Газимзянов И. Р., Хохлов А. А. 1999. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V. В: Выборнов А. А. (отв. ред.). *Вопросы археологии Поволжья 1*. Самара: СамГПУ, 302—304.
- Гарипова Ф. Г. 1991. *Исследования по гидронимии Татарстана*. Москва: Наука.
- Гарустович Г. Н. 1988. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников западной и центральной Башкирии. В: Пшеничный А. Х. (отв. ред.). *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 130—139.
- Гарустович Г. Н. 2012. *След Великой замятни (местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга)*. Уфа: АН РБ; Гилем.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А. 1992. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н. э. В: Кананин В. А. (отв. ред.). *Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья*. Ижевск: УдГУ, 17—31.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. 1998. *Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века)*. Уфа: Гилем.
- Генинг и др. 1962: Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлинникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. 1962. *Археологические памятники у села Рождествено*. Казань: Казанский государственный университет.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. 1964. *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)*. Москва: Наука.
- Давыденко В. В., Гриб В. К. 2009. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: типология и семантика. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья. 7. Хазарское время*. Донецк: ДонНУ, 187—206.
- Дмитриев В. Д. 1986. Об основной аргументации теории чувашского этногенеза. В: Кузеев Р. Г. (ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: БФАН СССР, 26—35.
- Дружинина И. П., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Армавир; Москва: ЦАИ АГПА.
- Егоров В. Л. 2010. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* 3-е изд. Москва: Красанд.
- Ельников М. В. 2004. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Под­непровья. *Татарская археология* 12—13 (1—2), 86—110.
- Ельников М. В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-*

- Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.) II. Запорожье: ЗНУ.
- Ефимова А.М. 1960. Могильник на Бабьем бугре. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции* III. МИА 80. Москва: АН СССР, 169—194.
- Ефимова А.М. 1969. Кладбище у «Ханской усыпальницы» на Болгарском городище. В: Евтюхова Л.А. (отв. ред.). *Древности Восточной Европы*. К 70-летию А.П. Смирнова. Москва: Наука, 64—74.
- Ефимова А.М. 1974. Кладбище на окраине посада города Болгара. В: Смирнов А.П., Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 24—29.
- Ефимова С.Г. 1976. Антропологические материалы из Билярских некрополей. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 169—185.
- Ефимова С.Г. 1991. *Палеоантропология Поволжья и Приуралья*. Москва: МГУ.
- Зеленеев Ю.А. 2013. *Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII—XV вв.* Йошкар-Ола: МарГУ.
- Иванов В.А. 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал. В: Иванов В.А. (отв. ред.). *Памятники кочевников Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, 75—97.
- Иванов В.А., Кригер В.А. 1988. *Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Иванов П.П. 1952. *Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.: Крюково-Кузнковский могильник*. Моршанск: Моршанский краеведческий музей.
- Илюшин А.М. 2012. *Курганы поздних кочевников близ устья Ура*. Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 4. Кемерово: КузГТУ.
- Илюков Л.С., Казакова Л.М. 1988. *Курганы Миусского полуострова*. Ростов-на-Дону: РГУ.
- Казаков Е.П. 1978. *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва: Наука.
- Казаков Е.П. 1986. О ранних контактах волжских болгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-болгарского договора)*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 76—88.
- Казаков Е.П. 1987. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии. В: Иванова М.Г. (отв. ред.). *Погребальные памятники Прикамья*. Ижевск: УдНИИ, 25—38.
- Казаков Е.П. 1988. Болгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и монгольское нашествие*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 71—82.
- Казаков Е.П. 1991. *Болгарское село X—XIII веков низовой Камы*. Казань: Таткнигоиздат.
- Казаков Е.П. 1992. *Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории)*. Москва: Наука.
- Казаков Е.П. 1993. Коминтерновское II селище. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 117—129.
- Казаков Е.П. 1997. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам). *Татарская археология* (1), 61—77.
- Казаков Е.П. 2007. *Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань: ИИ АН РТ.
- Казаков Е.П., Руденко К.А. 2004. Археологические памятники низовой Курналинки. В: Гущина Л.К., Алексеева Л.Г. (ред.). *Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова*. Казань: Школа, 104—115.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954. *Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.* Казань: Таткнигоиздат.
- Круглов Е.В., Клепиков В.М. 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области. В: Мамонтов В.И. (сост., отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 3. Волгоград: Перемена, 138—151.
- Кокорина Н.А. 1994. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики). В: Архипов Г.А., Никитина Т.Б. (ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов*. АЭМК 23. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 185—213.
- Кокорина Н.А. 2000. Керамика в кыпчакских традициях с Камаевского городища. *Татарская археология* 6—7 (1—2), 177—191.
- Кокорина Н.А. 2002. *Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв.* Казань: ИИ АН РТ.
- Кокорина Н.А., Останина Т.И. 2000. Исследования Чалынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.). В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 76—174.
- Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. 1993. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 106—116.
- Кочкина А.Ф. 1986. Находки древнерусской керамики на Билярском городище. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-болгарского договора)*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 117—122.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 1999. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий. В: Сташенков Д.А. (сост.). *Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области* 1. Самара: СОИКМ, 179—200.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2005. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской луки. В: Кабытова П.С. (гл. ред.). *Краеведческие записки XII*. Самара: СОИКМ, 107—116.
- Кравец В.В. 2005. *Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды*. Воронеж: ВГПУ.
- Ляхов С.В. 1992. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья. В: Малов Н.М. (отв. ред.). *Археология Восточноевропейских степей* 5. Саратов: СГУ, 158—184.
- Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. 1993. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени. В: Юдин А.И. (отв. ред.). *Археологические вести* 1. Саратов: СГУ, 175—185.
- Макаров Л.Д. 2011. Русская духовность в памятниках истории и археологии Прикамья. В: Мосалева Г.В. (отв. ред.). *Онтология и поэтика Традиции: язык и текст*. Ижевск: Удмуртский университет, 38—49.
- Макарова Е.М., Ситдинов А.Г., Бочаров С.Г. 2016. Морфология посткраниального скелета населения

- Болгара (по материалам СХСІ раскопа). *Поволжская археология* 16 (2), 244—259.
- Малиновская Н. В. 1974. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей. В: Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 132—175.
- Мамонтов В. И., Ситников А. В. 1993. Средневековые погребения Царёвского курганного могильника В: Мамонтов В. И. (сост., науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 3. Волгоград: Перемена, 183—208.
- Мамонтов В. И., Ситников А. В. 1998. Курганный могильник у хутора Сенной. В: Мамонтов В. И. (сост., науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 6. Волгоград: ВолГУ, 113—123.
- Марков Г. Е. 2010. *Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации*. 2-е изд., испр. Москва: Красанд.
- Масловский А. Н. 2009. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции. Донские древности 10. Азов: Азовский музей-заповедник, 321—339.
- Масловский А. Н. 2012. Золотоордынский Азак и кочевники. Пути интеграции в городскую жизнь и влияние на судьбу города. В: Тишкин А. А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Материалы международного конгресса. Барнаул: АлтГУ, 171—174.
- Моржерин К. Ю. 2009. Антропоморфный амулет VIII—IX вв. с берега р. Изнаир. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции. Донские древности 10. Азов: Азовский музей-заповедник, 358—361.
- Моця А. П., Халиков А. Х. 1997. *Булгар-Киев. Пути, связи, судьбы*. Киев: ИА НАНУ.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1987. *Эпиграфические памятники города Булгара*. Казань: Таткнигоиздат.
- Мыськов Е. П. 2015. *Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды*. Волгоград: ВФ РАНХиГС.
- Набиуллин Н. Г. 2011. *Джукетау — город болгар на Каме*. Казань: Таткнигоиздат.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Наука.
- Нестеров С. П. 1990. *Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Нечвалода А. И. 2004. Индивидуальные портреты жителей Болгара (по материалам средневекового некрополя Усть-Иерусалимский). В: Ситников А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 134—138.
- Нигамаев А. З. 2005. *Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры и населения*. Казань: Казанский государственный университет.
- Никитина Т. Б. 1992. *Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.): по материалам могильников*. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Николаев В. С. 2004. *Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII—XIV вв.* Владивосток; Иркутск: ИГ СО РАН.
- Останина Т. И. 1987. Раннемусульманский могильник у д. Алтаево в Башкирской АССР. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Погребальные памятники Прикамья*. Ижевск: УдНИИ, 33—38.
- Панова Т. Д. 2004. *Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков*. Москва: Радунца.
- Петербургский И. М. 2011. *Материальная и духовная культура мордвы в VII—X вв.* Саранск: Мордовский государственный университет.
- Писцовая... 1978: Ермолаев И. П., Усманова М. А. (науч. ред.). 1978. *Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов*. Публикация текста. Казань: Казанский государственный университет.
- Плетнева С. А. 1973. *Древности черных клобуков*. САИ Е1—19. Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 1993. *Русь и Волжская Болгария в X—XV вв.* Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 2003. *Город Болгар в XIII веке*. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. Москва: Наука, 103—107.
- Полякова Г. Ф. 2000. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. ТГИМ 122. Москва: ГИМ, 232—239.
- Полякова О. А. 2012. Лазуриновые подвески из погребений кочевников Юго-Восточной Европы XI—XIII вв. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 10. *Половецкое время*. Донецк: ДонНУ, 281—298.
- Потемкина Т. М. 2011. Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы. В: Васильев Д. В., Зеленева Ю. А., Ситников А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 112—115.
- Ракушин А. И. 2016. *Монголы на Волге (обретение новой родины: от завоевания к ассимиляции)*. Саратов: Типография «Техно-Декор».
- Руденко К. А. 1994. Алексеевское селище и могильник («у дамбы») в Татарии. В: Архипов Г. А., Никитина Т. Б. (ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов*. АЭМК 23. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 121—139.
- Руденко К. А. 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—1994 гг. В: Зеленева Ю. А., Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *МИАП 1*. Йошкар-Ола: МарГУ, 60—71.
- Руденко К. А. 1999. Могильник на острове «Песчаный». *Татарская археология* 4—5 (1—2), 61—76.
- Руденко К. А. 1999а. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Болгарии XI—XIV вв. (на примере Лаишевского селища). В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 73—102.
- Руденко К. А. 1999б. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО

- РАН, 111—134.
- Руденко К. А. 2000. Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XII вв. (археологические аспекты проблемы). *Татарская археология* 6—7 (1—2), 42—102.
- Руденко К. А. 2001. *Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI—XIV вв.* Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2002. «Татарская земля»: археологические памятники XIV — начала XV в. в Среднем Поволжье. В: Полубояринова М. Д. (науч. ред.). *Поволжье и сопредельные территории в средние века.* ТГИМ 135. Москва: ГИМ, 154—165.
- Руденко К. А. 2002а. Исследования археологических памятников в Тюлячинском, Лаишевском и Алексеевском районах Республики Татарстан. В: Хузин Ф. Ш. (ред.). *Археологические открытия в Татарстане: 2001 г.* Казань: Школа, 105—109.
- Руденко К. А. 2002б. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (к постановке проблемы). *НАВ* 5, 308—320.
- Руденко К. А. 2003. *Железные наконечники стрел VIII—XV вв. из Волжской Булгарии.* Исследования и каталог. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология* 12—13 (1—2), 111—156.
- Руденко К. А. 2004а. Волжская Булгария, Северо-Восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI—XIV вв. (по археологическим материалам). В: Никитина Т. Б. (ред.). *Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье.* АЭМК 27. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 105—115.
- Руденко К. А. 2004б. *Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X — XIV вв. по археологическим данным.* Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Ижевск.
- Руденко К. А. 2005. Булгарские изделия из кости и рога. В: Руденко К. А. (науч. ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья.* (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа, 67—97.
- Руденко К. А. 2007. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV—XV вв. В: Никитин В. В. (отв. ред.). *Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения).* Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5—10 августа 2006 года). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 349—355.
- Руденко К. А. 2007а. *Волжские болгары в зеркале истории (X—XIX в.).* Курс лекций. Часть I. Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2009. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки. В: Миргалеев И. А. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие.* Материалы Международной науч. конф. Вып. 1. Казань: Фэн, 282—294.
- Руденко К. А. 2010. *Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII—XVII вв. н. э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы.* Уфа: ВЭГУ.
- Руденко К. А. 2010а. *Тетюшское II городище в Татарстане.* Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2011. Булгарский улус Золотой Орды: к постановке проблемы. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды.* Сборник научных статей, посвященный памяти В. П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 155—163.
- Руденко К. А. 2011а. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры). *Татарская археология* 20—21 (1—2), 32—151.
- Руденко К. А. 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология* (2), 189—211.
- Руденко К. А. 2013а. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации. В: Дашковский П. К. (ред.). *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе VI.* Барнаул: АлтГУ, 72—101.
- Руденко К. А. 2014. *История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.).* Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2014а. Украшения из лазурита XI—XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири. В: Соенов В. И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии* 19 (7). Горно-Алтайск: ГАГУ, 224—244.
- Руденко К. А. 2015. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды). В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 255—364.
- Руденко К. А. 2015а. *Булгарское серебро.* Древности Биляра II. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2015б. Трансформация китайских и чжурчженских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды. В: Артемьева Н. Г. (отв. ред.). *Средневековые древности Приморья.* Владивосток: Дальнаука, 135—152.
- Руденко К. А. 2015в. *Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992—1996 гг.* Казань: Казанская недвижимость.
- Руденко К. А. 2016. Булгарский улус Золотой Орды: историческая география. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 131—134.
- Руденко К. А. 2016а. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII — начале XV века: историко-археологический очерк. *Stratum plus* (6), 107—149.
- Руденко К. А. 2017. О датировке одного типа зеркал из Булгарского улуса Золотой Орды (к вопросу о культурных связях на евразийском пространстве в средневековье). В: Крадин Н. Н., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй.* III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 230—233.
- Руденко К. А. 2017а. Происхождение некоторых булгарских металлических зеркал (к характеристике культурных связей Поволжья со Средней Азией,

- Сибирью и Дальним Востоком в эпоху средневековья). В: Соенов В.И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии* 20 (8), 160—181.
- Руденко К. А. 2017б. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии. В: Белавин А.М. (ред.). *Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная*. Труды КАЭЭ XII. Пермь: ПГГПУ, 161—173.
- Руденко К.А., Бугарчев А.И. 2015. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ). *Поволжская археология* (3), 156—175.
- Ситдинов А.Г. 2006. *Казанский кремль: историко-археологическое исследование*. Казань: ИИ АН РТ.
- Смирнов А.П. 1951. *Волжские болгары*. Москва: ГИМ.
- Смирнов А.П. 1972. Об этническом составе Волжской Болгарии. В: Янин В.Л. (ред.). *Новое в археологии*. Москва: МГУ, 302—307.
- Смирнов А.П. 1958. Армянская колония города Болгара. *МИА* 61, 330—359.
- Сокровища... 2000: Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф., Елихина Ю.И. (авт.-сост.). *Сокровища Золотой Орды*. 2000. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия.
- Сташенков Д.А. 1999. Белоозерское погребение. В: Матвеева Г.И. (ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции*. Самара: Самарский государственный университет, 174—186.
- Сташенков Д.А. 2014. Раскопки Барбашинского могильника. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году*. Материалы научных экспедиций. Самара: СНИЦ РАН, 5—50.
- Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (сост.). 2012. *Археологические памятники Самары*. Самара: СОИИМ.
- Сташенков Д.А., Турецкий М.А. 1999. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.). В: Выборнов А.А. (отв. ред.). *Вопросы археологии Поволжья 1*. Самара: СамГПУ, 289—301.
- Табалдиев К., Жолдошов Ч. 2007. Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей I*. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: ИИ АН РТ, 213—223.
- Тишкин А.А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)*. Барнаул: Азбука.
- Фахрутдинов Р.Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Таткнигоиздат.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. 1974. Исследования трёх усадеб в восточном пригороде Нового Сарая/Царёвского городища. В: Смирнов А.П., Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в Средние века*. Москва: Наука, 68—171.
- Халиков А.Х. 1965. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии. В: Рыбаков Б.А., Серебрянников Б.А., Смирнов А.П. (ред.). *Этногенез мордовского народа*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 152—167.
- Халиков А.Х. 1986. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья. В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: БФАН СССР, 19—25.
- Халиков А.Х. 1989. *Татарский народ и его предки*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Халиков А.Х. 1994. *Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария*. Казань: Фэн.
- Халикова Е.А. 1976. Билярские некрополи. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 113—168.
- Халикова Е.А. 1976а. Сельские кладбища Волжской Болгарии XII — начала XIII вв. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Из истории культуры и быта татарского народа и его предков*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 39—59.
- Халикова Е.А. 1978. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах. В: Козенкова В.И., Краснов Ю.А., Розенфельд И.Г. (отв. ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Халикова Е.А. 1986. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань: Казанский университет.
- Харузин Н.Н. 2011. *История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России*. 2-е изд. Москва: Либроком.
- Хлебникова Т.А. 1984. *Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения*. Москва: Наука.
- Хохлов А.А. 1999. Антропологический анализ погребенного у с. Белоозерка. В: Матвеева Г.И. (ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции*. Самара: Самарский государственный университет, 187—188.
- Хохлов А.А. 2012. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2011—2012 гг.). В: Сташенков Д.А. *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара: Ас Гард, 106—114.
- Худяков Ю.С. 1980. *Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Чернышев Е.И. 1971. Селения Казанского ханства. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: Археология и этнография I*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 272—292.
- Шутова Н.И. 1992. *Удмурты XVI — первой половины XIX в.: по данным могильников*. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН.
- Эрдели И.Ф. 1972. Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. В: Смирнов А.П., Чернецов В.Н., Эрдели И.Ф. (ред.). *Проблемы археологии и древней истории угров*. Москва: Наука, 128—144.
- Эрдман Ф.И. 1832. О восточных зеркалах. *Заволжский муравей* 5. Казань, 272—277.
- Ютина Т.К. 2007. Исследования Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан. *Finno-Ugrica* 10 (1), 73—98.
- Яблонский Л.Т. 2013. Население средневекового Болгара. В: Ситдинов А.Г. (науч. ред.). *Великий Болгар*. Москва; Казань: Феория, 294—303.
- Chalikowa E.A., Chalikow A.H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. *Régészeti füzetek* II, 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

References

- Akimova, M.S. 1964. In Gening, V.F., Khalikov, A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ., 177—196 (in Russian).
- Alekseeva, T.I., Kozlovskaya, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 111—123 (in Russian).
- Alpatkina, T.G. 2009. In Smirnov, I.S. (ed.). *Kul'tura, istoriia i arkhologiiia Evrazii (Culture, History, and Archaeology of Eurasia)*. Series: Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies XXII. Moscow: Russian State University for the Humanities, 185—196 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Kama Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Starostin, P.N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Central Part of the Trans-Kama Area)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Kazakov, E.P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Babenko, V.A. 2012. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 11. Zolotoordynskoe vremia (The Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 193—230 (in Russian).
- Baranov, V.S. 2015. In Nagradov, I.S., Shcherbakov, V.L. (comp.). *Etnokul'turnye vzaimodeistviia na territorii Verkhnego Povolzh'ia i sopredel'nykh territoriiakh v drevnosti, Srednevekov'e i v Novoe vremia (Ethnic-Cultural Processes in the Upper Volga Basin and Adjacent Territories in Antiquity, Middle Ages and Modern Time)*. Kostroma: "Kostromaizdat" Publ., 14—25 (in Russian).
- Baranov, V.S., Kaveev, M.M. 2001. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176—199 (in Russian).
- Bugarchev, A.I., Rudenko, K.A. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology) 6 (4)*, 64—78 (in Russian).
- Bugrov, D.G., Kaplenko, N.M., Sitdikov, A.G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan) (4)*, 19—25 (in Russian).
- Buzhilova, A.P. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology) (2)*, 210—211 (in Russian).
- Buzhilova, A.P., Mednikova, M.B., Kozlovskii, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 168—175 (in Russian).
- Vasil'ev, S.V., Borutskaya, S.B., Gazimzianov, I.R. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 38—40 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1979. In Basin, S.G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Antique History of the Volga Area)*. Series: Proceedings of the Kuybyshev State Pedagogical Institute 230. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 202—240 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1985. In Matveeva, G.I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 176—178 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 2013. In Bogachev, A.V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "SAO" Publ., 187—235 (in Russian).
- Veimarn, B.V. 1940. *Iskusstvo Srednei Azii (Art of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Vinnikov, A.Z., Tsybin, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 14—105 (in Russian).
- Vysotskii, N.F. 1885. In Zagoskin, N.P. (ed.). *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University) VI (1)*. Kazan: Typo-lithography of the Kazan University, 18—19 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 1999. In Starostin, P.N. (ed.). *Bolgar i problemy izuchenii drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 47—48 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2001. In Kazakov, E.P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 132—137 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2003. In Grishakov, V.V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ia (problemy khronologii i etnicheskoi istorii) (The Volga River Finns and Their Neighbors in the Middle Age (issues of chronology and ethnic history))*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 45—47 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 46—49 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology) 13 (3)*, 112—124 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R., Khokhlov, A.A. 1999. In Vybornov, A.A. (ed.). *Voprosy arkhologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region) 1*. Samara: Samara State Pedagogical University, 302—304 (in Russian).
- Garipova, F.G. 1991. *Issledovaniia po gidronimii Tatarstana (Studies on the Tatarstan Hydronymy)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Garustovich, G.N. 1988. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of Ancient Ugrians in Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Bashkir Scientific Center, 130—139 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi ziamiatni». Mestonakhzhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the "Great Troubles": the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Garustovich, G.N., Ivanov, V.A. 1992. In Kananian, V.A. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt State University, 17—31 (in Russian).
- Garustovich, G.N., Rakushin, A.I., Iaminov, A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX — nachala XV veka) (Medieval Nomads in the Volga Basin: Late 9th — Early 15th Centuries)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Gening, V.F., Stoianov, V.E., Khlbnikova, T.A., Vainer, I.S., Kazakov, E.P., Valeev, R.K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the*

- Rozhdestveno Village). Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Gening, V.F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskiy mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Davydenko, V.V., Grib, V.K. 2009. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 187—206 (in Russian).
- Dmitriev, V.D. 1986. In Kuzeev, R.G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural Region and Volga Basin)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 26—35 (in Russian).
- Druzhinina, I.P., Chkhaidze, V.N., Narozhnyi, E.I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
- Egorov, V.L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Krasand" Publ. (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2004. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology) 12—13 (1—2)*, 86—110 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994)) II*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Efimova, A.M. 1960. In Smimov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) III*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169—194 (in Russian).
- Efimova, A.M. 1969. In Evtiukhova, L.A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A.P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 169. Moscow: "Nauka" Publ., 64—74 (in Russian).
- Efimova, A.M. 1974. In Smimov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24—29 (in Russian).
- Efimova, S.G. 1976. In Sedov, V.V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 169—185 (in Russian).
- Efimova, S.G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Palaeoanthropology of the Volga Basin and Cis-Urals)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Zelenev, Yu.A. 2013. *Ocherki etnokul'turnoi istorii Povolzh'ia XIII—XV vv. (Essays on the Ethnic-Cultural History of the Volga Basin in 13th—15th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1984. In Ivanov, V.A. (ed.). *Pamiatniki kochevnikov Iuzhnogo Urala (Sites of Southern Ural Nomads)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, 75—97 (in Russian).
- Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1988. *Kurgany kipchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XIII—XIV vv.) (Barrows of the Kypchak Times in the Southern Ural, 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, P.P. 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv.: Kriukovo-Kuzhnovskii mogil'nik (Materials on the History of Mordva People in 8th—11th Centuries: Kryukovo-Kuzhnovsky Burial Ground)*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
- Iliushin, A.M. 2012. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ia Ura (Late Nomads Barrows near the Mouth of the Ur River)*. Series: Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographical Expedition 4. Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).
- Il'iukov, L.S., Kazakova, L.M. 1988. *Kurgany Miussskogo polostrova (Barrows of the Mius Peninsula)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 76—88 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1987. In Ivanova, M.G. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia (Funerary Sites of the Kama Area)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of the Udmurtian ASSR, 25—38 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71—82 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th — 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bolgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117—129 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1997. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology) (1)*, 61—77 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugray i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th — 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kazakov, E.P., Rudenko, K.A. 2004. In Gushchina, L.K., Alekseeva, L.G. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M.G. Khudiakova, 2—25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2—25 March 2004)*. Kazan: "Shkola" Publ., 104—115 (in Russian).
- Kalinin, N.F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkhologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Kruglov, E.V., Klepikov, V.M. 1993. In Mamontov, V.I. (ed., comp.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes) 3*. Volgograd: "Peremena" Publ., 138—151 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1994. In Arkhipov, G.A., Nikitina, T.B. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 185—213 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2000. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology) 6—7 (1—2)*, 177—191 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bolgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th — Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kokorina, N.A., Ostanina, T.I. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 76—174 (in Russian).
- Kokorina, N.A., Khlebnikova, T.A. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bolgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR

- Academy of Sciences, 106—116 (in Russian).
- Kochkina, A.F. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusско-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117—122 (in Russian).
- Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 1999. In Stashenkov, D.A. (comp.). *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Samarskoi oblasti (Conservation and Studying of Historical and Cultural Monuments in the Samara Oblast)* 1. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 179—200 (in Russian).
- Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 2005. In Kabytova, P.S. (ed.-in-chief). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 107—116 (in Russian).
- Kravets, V.V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Middle Don Nomads in the Golden Horde Age)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Liakhov, S.V. 1992. In Malov, N.M. (ed.). *Arkhologiiia Vostochnoevropeiskikh stepei (Archaeology of the East European Steppe)* 5. Saratov: Saratov State University, 158—184 (in Russian).
- Liakhov, S.V., Iakubovskii, G.L. 1993. In Iudin, A.I. (ed.). *Arkhologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saratov: Saratov State University, 175—185 (in Russian).
- Makarov, L.D. 2011. In Mosaleva, G.V. (ed.). *Ontologii i poetika Traditsii: iazyk i tekst (Ontology and Poetics of Tradition: Language and Text)*. Izhevsk: Udmurt University, 38—49 (in Russian).
- Makarova, E.M., Sitdikov, A.G., Bocharov, S.G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 244—259 (in Russian).
- Malinovskaia, N.V. 1974. In Smimov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132—175 (in Russian).
- Mamontov, V.I., Sitnikov, A.V. 1993. In Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 3. Volgograd: Peremena, 183—208 (in Russian).
- Mamontov, V.I., Sitnikov, A.V. 1998. In Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 113—123 (in Russian).
- Markov, G.E. 2010. *Kochevniki Azii. Struktura khoziaistva i obshchestvennoi organizatsii (Asian Nomads. Structure of Their Economy and Social Organisation)*. Moscow: "Krasand" Publ. (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Museum-Reserve, 321—339 (in Russian).
- Maslovskiy, A.N. 2012. In Tishkin, A.A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 171—174 (in Russian).
- Morzherin, K. Yu. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Museum-Reserve, 358—361 (in Russian).
- Motsya, A.P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, svyazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Mukhametshin, D.G., Khakimzianov, F.S. 1987. *Epigraficheskie pamiatniki goroda Bulgara (Epigraphic Monuments of the Bolgar Town)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Myskov, E.P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of Volga and Don Steppes in the Time of Golden Horde)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Nabiullin, N.G. 2011. *Dzhuketau — gorod bulgar na Kame (Juke-tau, a Town of the Bulgarians on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nesterov, S.P. 1990. *Kon' v kul'tur tiurkoiazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia (Horse in Cults of Turkic-speaking Peoples of Inner Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nechvaloda, A.I. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 134—138 (in Russian).
- Nigamaev, A.Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bulgarian Towns of the Cis-Kama: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Nikitina, T.B. 1992. *Mariitsy (konets XVI — nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th — Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
- Nikolaev, V.S. 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII—XIV vv. (Funerary Complexes of Nomads in Southern Part of Middle Siberia, 12th—14th Centuries)*. Vladivostok; Irkutsk: Institute of Geography named after V.B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ostanina, T.I. 1987. In Ivanova, M.G. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia (Funerary Sites of the Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt Research Institute, 33—38 (in Russian).
- Panova, T.D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoi Rusi XI—XVI vekov (The Kingdom of Death. Funerary Rite of Medieval Rus' in 11th — 16th Centuries)*. Moscow: "Radunitsa" Publ. (in Russian).
- Peterburgskii, I.M. 2011. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII—X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th—10th Centuries)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
- Ermolaev, I.P., Usmanova, M.A. (eds.). 1978. *Pistsovaia kniga Kazanskogo uezda 1602—1603 godov. Publikatsiia teksta (Census Book of the Kazan District, 1602—1603: Publication of the Text)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bulgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 2003. In Makarov, N.A., Chernetsov, A.V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Russia in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103—107 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 232—239 (in Russian).
- Poliakova, O.A. 2012. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 10. *Polovetskoe vremia (Cuman Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 281—298 (in Russian).
- Potemkina, T.M. 2011. In Vasil'ev, D.V., Zelenev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 112—115 (in Russian).
- Rakushin, A.I. 2016. *Mongoly na Volge (obretenie novoi rodiny: ot zavoevaniia k assimiliatsii) (Mongols in the Volga Basin. Homeland Found: from the Conquest to the Assimilation)*. Saratov: "Tekhno-Dekor" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1994. In Arkhipov, G.A., Nikitina, T.B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari

- Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 121—139 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1998. In Zelenev, Yu.A., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: MarState University, 60—71 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 4—5 (1—2), 61—76 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In Ivanova, M.G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkhologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 73—102 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In Ivanova, M.G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkhologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 111—134 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2000. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 6—7 (1—2), 42—102 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2001. *Material'naiia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI—XIV vv. (Material Culture of Bulgar Unfortified Settlements in the Lower Kama Region in 11th — 14th Centuries)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In Poluboiarinova, M.D. (ed.). *Povolzh'e i sopedel'nye territorii v srednie veka (The Volga River Region and Cross-border Regions in the Middle Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow: State Historical Museum, 154—165 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2001 g. (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001)*. Kazan: "Shkola" Publ., 105—109 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 308—320 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2), 111—156 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. In Nikitina, T.B. (ed.). *Vzaimodeistvie kul'tur v Srednem Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e (Cultural Interactions in the Middle Volga Area in Antiquity and Middle Ages)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 27. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 105—115 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. *Protsessy etnikul'turnogo vzaimodeistviia v Volgo-Kam'e v kontse X—XIV vv. po arkhologicheskim dannym (Processes of Ethnic and Cultural Interaction in the Volga-Kama Basin in the Late 10th — 14th Centuries by Archaeological Data)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2005. In Rudenko, K.A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 67—97 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2007. In Nikitin, V.V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 349—355 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2007. *Volzhskie bulgary v zerkale istorii (X—XIX vv.) (Volga Bulgars in the Mirror of History: 10th—19th Centuries)* I. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2009. In Mirgaleev, I.A. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 282—294 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII—XVII vv.n.e. (spravochnik-opredelitel' arkhologicheskogo materiala). Rukovodstvo dlia prakticheskoi raboty (Medieval Weapons in the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th — 17th Centuries AD (Reference Book for Archaeological Materials). Guidelines for Practical Activities)*. Ufa: "Akademiia VEGU" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2010. *Tetiushskoe II gorodishche v Tatarstane (Tetyushi II Fortified Site in Tatarstan)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 155—163 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 20—21 (1—2), 32—151 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—211 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In Dashkovskii, P.K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (The Worldview of Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective)* VI. Barnaul: Altai State University, 72—101 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2014. *Istoriia arkhologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X — nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2014. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 224—244 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 255—364 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. In Artem'eva, N.G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 135—152 (in Russian)*.
- Rudenko, K.A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992—1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Unfortified Sites in Tatarstan in 1992—1996)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 131—134 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 107—149 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Kradin, N.N., Sitdikov, A.G. (eds.). *Mezhdu Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 230—233 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Inner Asia)* 20 (8), 160—181 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Belavin, A.M. (ed.). *Srednevekovaiia arkhologiya Vostochnoi Evropy: ot Kamy do Dunaia (Medieval Archaeology of Eastern Europe: from Kama River to Danube)*. Series: Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University XII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 161—173 (in Russian).
- Rudenko, K.A., Bugarchev, A.I. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 156—175 (in Russian).
- Sitdikov, A.G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: Institute of History named after Sh.

- Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Smimov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Smimov, A. P. 1972. In Yanin, V. L. (ed.). *Novoe v arkhologii. Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu A. V. Artsikhovskogo (New Archaeological Discoveries. Collected Papers to the 70th Birth Anniversary of A. V. Artsikhovskii)*. Moscow: Moscow State University, 302—307 (in Russian).
- Smimov, A. P. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 61, 330—359 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F., Elikhina, Yu. I. (auth., comp.). 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordy = Altun Urda Xäzinäläre = The Treasures of the Golden Horde*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian, Tatar, and English).
- Stashenkov, D. A. 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ia. K 30-letiiu Srednevolzhskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions: 30 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Samara: Samara State University, 174—186 (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arkhologicheskikh issledovaniy v Samarskoi oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsii (Results of Archaeological Research in the Samara Region in 2013. Materials of Scientific Expeditions)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5—50 (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. (comp.). 2012. *Arkheologicheskie pamiatniki Samary (Archaeological Sites of Samara)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Turetskii, M. A. 1999. In Vybomov, A. A. (ed.). *Voprosy arkhologii Povolzh'ia 1*. Samara: Samara State Pedagogical University, 289—301 (in Russian).
- Tabaldiev, K., Zholdoshev, Ch. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkhologiya evraziiskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* I. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 213—223 (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azбука" Publ. (in Russian).
- Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A., Väiner, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smimov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68—171 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1965. In Rybakov, B. A., Serebriannikov, B. A., Smimov, A. P. (ed.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 152—167 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1986. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural Region and Volga Basin)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 19—25 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (Tatar People and Its Ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatars, Zolotaia Orda i Bulgariia (The Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113—168 (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39—59 (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfel'd, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkhologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Kharuzin, N. N. 2011. *Istoriia razvitiia zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tiurkskikh i mongol'skikh narodnostei Rossii (Evolution of Housing with Nomadic and Semi-Nomadic Turkic and Mongol Peoples of Russia)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ia. K 30-letiiu Srednevolzhskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions: 30 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Samara: Samara State University, 187—188 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2012. In Stashenkov, D. A. *Novye arkhologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary (New Archaeological Investigations on the Territory of Samara City)*. Samara: "As Gard" Publ., 106—114 (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI—XII vv. (Armament of Yenisei Kyrgyzs in 6th—12th Centuries)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chernyshev, E. I. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia: Arkheologiya i etnografiia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region: Archaeology and Ethnography)* I. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 272—292 (in Russian).
- Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI — pervoi poloviny XIX v.: po danym mogil'nikov (Udmurt People in 16th — First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Research History, Language, and Literature Institute (in Russian).
- Erdélyi, I. F. 1972. In Smimov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkhologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 128—144 (in Russian).
- Erdman, F. I. 1832. In *Zavolzhskii muravei (Trans-Volga Ant)* 5. Kazan, 272—277 (in Russian).
- Iutina, T. K. 2007. In *Finno-Ugrica* 10 (1), 73—98 (in Russian).
- Yablonsky, L. T. 2013. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoria" Publ., 294—303 (in Russian).
- Chalikowa, E. A., Chalikow, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti füzetek II, 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Список сокращений

ААМ КГУ	— Архив Археологического музея Казанского государственного университета. Казань.
АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АГПА	— Армавирская государственная педагогическая академия. Армавир.
АГПИ	— Армавирский государственный педагогический институт. Армавир.
АГПИ	— Астраханский государственный педагогический институт. Астрахань.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АГУ	— Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова. Актобе.
АГУ	— Астраханский государственный университет. Астрахань.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АИК	— Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
АКМ	— Армавирский краеведческий музей. Армавир.
АлГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АмГУ	— Амурский государственный университет. Благовещенск.
АН	— Академия наук.
АН КазССР	— Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
АН ЧР	— Академия наук Чеченской республики. Грозный.
АНИИЭЯЛИ	— Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп.
АНСК	— Археологическое наследие Саратовского края. Саратов.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БашГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
БГИАМЗ	— Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
БГУ	— Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
БНЦ УрО АН СССР	— Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР. Уфа.
БФ СО АН СССР	— Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. Улан-Удэ.
БФАН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВА	— Вестник антропологии. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАГС	— Волгоградский филиал Академии государственной службы. Волгоград.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГПИ	— Волгоградский государственный педагогический институт. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВСКИ	— Вопросы северокавказской истории. Армавир.
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия.
ВУАЭ	— Волго-Уральская археологическая экспедиция АН СССР.
ВФ РАНХиГС	— Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Волгоград.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАСК	— Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области. Саратов.
ГВИПМЗ	— Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ / ГМИНВ	— Государственный музей искусств народов Востока. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГУП	— Государственное унитарное предприятие.

ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Биляра. Казань.
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Владивосток.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДГУ / ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДнГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК / ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана.
ЗабГУ	— Забайкальский государственный университет. Чита.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ЗКАЭ	— Западно-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЗКМ	— Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА КН МОН РК	— Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАИАН	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ИАИАН	— Известия Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИГ СО РАН	— Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИАЭ ДВО РАН	— Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИМБТ СО РАН	— Институт буддологии, тибетологии и монголоведения Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.
ИНК	— Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ КНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР	— Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІМФЕ	— Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського Національної Академії наук України. Київ.
КалмГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КАЭ	— Кавказская археологическая экспедиция.
КАЭЭ	— Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КБИГИ	— Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар.
КИУ	— Казанский Императорский университет. Казань.

ККАЭЭ	— Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
КНИИ ИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Элиста.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСКДА	— Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва.
МАО	— Императорское Московское археологическое общество. Москва.
МарГУ	— Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАРХИ	— Московский архитектурный институт. Москва.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГИКЗ	— Мангистауский государственный историко-культурный заповедник. Актау.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАП	— Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИИКН СК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МНК	— Международная нумизматическая конференция.
МНПК	— Международная научно-практическая конференция.
МОН РК РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана / Нур-Султан.
МЮКАЭ	— Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Санкт-Петербург; Симферополь.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК	— Научный архив Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
НА НЗХТ	— Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НИИЯЛИ ЯАССР	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Якутск.
НМ РТ	— Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
ННГУ	— Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород.
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Москва.
НФ МА РТ	— Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан. Казань.
НЭ / НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАЭ ИА АН СССР	— Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР.
ПАЭ МарГУ	— Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета.
ПГГПУ	— Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Пермь.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РГУ	— Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РМСАЭ	— Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция.

РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
РЦСЭ МЮ РФ	— региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СВ	— Средние века. Москва.
СВКНИИ ДВО РАН	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Магадан.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
СЕЭС	— Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва; Санкт-Петербург / Ленинград.
СМОПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СО	— Сибирское отделение.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск.
СОИМК	— Самарский областной историко-краеведческий музей. Самара.
СОМК / СМК	— Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СОРГО	— Сибирский отдел Русского географического общества. Иркутск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАК	— Саратовская [губернская] учёная архивная комиссия. Саратов.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
ТашГУ	— Ташкентский государственный университет. Ташкент.
ТБАЭ	— Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва.
ТКГПИ	— Труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев.
ТОКМ	— Тамбовский областной краеведческий музей. Тамбов.
ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТувГУ	— Тувинский государственный университет. Кызыл.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УдНИИ	— Удмуртский научно-исследовательский институт. Ижевск.
УЗ ХакНИИЯЛИ	— Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
УзЧНИИ	— Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УТОПК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФБУ	— Федеральное бюджетное учреждение.
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХАЭЭ АН СССР	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦАИ АГПИ	— Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического института. Армавир.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЧГКМ	— Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск.
ЧГУ	— Чеченский государственный университет. Грозный.
ЧГУ	— Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Чебоксары.
ЧИНИИСФ	— Чечено-Ингушский государственный научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЭКМ	— Энгельский краеведческий музей. Энгельс.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
ВНАМР	— Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve. Bolgar.
IEA RAS	— Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Moscow.
IPOS / IPND SB RAS	— Institute for Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Tyumen.
NM RT	— National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
RMN	— Réunion des musées nationaux. Paris.
SMOA	— The State Museum of Oriental Art. Moscow.

Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов

(17 июля 1931 — 23 апреля 2000)

Российский историк и археолог, специалист по археологии, истории, нумизматике Золотой Орды и средневековой Восточной Европы, один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического общества с 1983 года, действительный член РАЕН, лауреат Ломоносовской премии I степени (1998 г.), координатор секции археологии Экспертного совета по истории, археологии, этнографии Российского гуманитарного научного фонда

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

9 789975 319881 >